

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Денисенко Валерия Алексеевна

**ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ РАЗНОМЫСЛИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1970-х
годов**

10.01.01 – русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор М. А. Литовская

Екатеринбург – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Конституирующая роль разномыслия в повествовательных экспериментах 1970-х годов	31
1.1. Разномыслие как тема романа В. Аксенова «Ожог»	31
1.2. Разномыслие как свойство творческой рефлексии в романе С. Соколова «Школа для дураков»	50
1.3. Экспликация разномыслия как структурообразующий принцип в романе А. Битова «Пушкинский дом»	67
Глава 2. Приемы выражения разномыслия в жанрах различной функциональной направленности	91
2.1. Разномыслие «в подтексте»: литература государственного заказа («Степень доверия» В. Войновича, «Любовь к электричеству» В. Аксенова, «Нетерпение» Ю. Трифонова)	91
2.2. Возможности эзоповской речи в философской притче Ф. Искандера «Кролики и удавы»	120
2.3. Формирование «непокорного» читателя советской повестью для подростков («Мой дедушка – памятник» В. Аксенова)	136
Заключение	159
Библиографический список	164

Введение

Начавшееся в конце XX века переосмысление советского периода российской истории продолжается, растущая временная дистанция позволяет все более аналитически подходить к изучению завершившейся эпохи, в частности, периода долгих 1970-х, т.н. «застоя»¹. Поставив перед собой масштабную задачу реконструировать панораму событий тех лет, разобраться в закономерностях происходящего тогда, стремясь придерживаться принципов научной объективности, исследователи обращаются к разным сторонам позднесоветской реальности, в том числе и к литературной жизни².

В свою очередь, повышенная роль «политического» в развитии творчества в СССР³ диктует необходимость изучать процессы, происходившие в литературе, в соотношении с общественными, что требует от нас изначально обратиться к последним. При этом, поскольку в качестве материала данного исследования были выбраны литературные тексты, выражавшие взгляды интеллигенции⁴, логично сосредоточиться на тех, которые имели значение главным образом для ее представителей.

¹ См.: Семидесятые как предмет истории русской культуры / Ред.-сост. К. Ю. Рогов. Москва–Венеция, 1998; Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое / Ред.-сост. Н. М. Зоркая. СПб., 2001; Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014; Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. М., 2015. Неоднократно происходило обращение к советским семидесятым на страницах журналов «Новое литературное обозрение» и «Неприкосновенный запас». См. тематические блоки: «Публичное и приватное» на закате социализма // Новое литературное обозрение. 2007. №№ 83–84. С. 166–206; Длинные 1970-е: советское общество в 1968–1982 годы // Неприкосновенный запас. 2007. № 2 (52). 302 с.; Семидесятые в закрытом обществе: в контексте советского дискурса // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 45–103.

² См.: Семидесятые как предмет истории русской культуры / Ред.-сост. К. Ю. Рогов. Москва–Венеция, 1998; Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое / Ред.-сост. Н. М. Зоркая. СПб., 2001; Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. М., 2015 и др.

³ См.: Голубков М. История русской литературной критики XX века (1920 – 1990-е годы). М., 2008. С. 12.

⁴ В данном исследовании под интеллигенцией будет иметься в виду так называемая творческая интеллигенция, к которой мы относим не только представителей литературной или художественной среды, но всех тех, кто стремился «порождать идеи и ценности, нести новый взгляд на вещи и давать этому новому связные смысловые интерпретации – “язык” – независимо от среды и обстоятельств, в которой оказывается и принуждена существовать сама группа», т.е. врачи, инженеры, ученые, составлявшие т.н. элиту. Подобное уточнение в отношении используемой нами категории «интеллигенция» кажется нам необходимым, поскольку советская интеллигенция целиком, по замечанию исследователей Б. Дубина и Л. Гудкова, не была таковой (См.: Дубин Б., Гудков Л. Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб., 2009. С. 6).

Семидесятые наступили раньше и продлились дольше своей реальной хронологии (например, исследователь И. Сухих обозначает в качестве рубежей 1964 и 1982 год, существуют и другие варианты определения границ этой эпохи⁵).

Начало семидесятых было отмечено заметной переменой настроений в интеллигентских кругах, постепенной утратой веры в возможности советского строя. Так, переводчица Л. Лунгина вспоминает: «<...> интеллигенция впала в глубокую депрессию <...>. В противоположность таким живым, таким полным надежды шестидесятым годам семидесятые начинались мрачно»⁶. В силу неоднородности самой интеллигенции разные люди приходили к этому по-разному⁷.

Изменения в мироощущении происходили в частном порядке – на фоне эмиграции знакомых, близких⁸, их отстранения от идеологической работы, исключения из партии⁹, а также знакомства с «самиздатовскими» текстами (это могли быть не только диссидентская документальная публицистика, но и, по замечанию художника А. Жигалова, религиозные или художественные тексты¹⁰).

⁵ См.: Сухих И. Русская литература для всех. От Блока до Бродского. СПб., 2013. С 6. Примерно так же определяют границы данного периода и другие исследователи (см.: Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 2. М., 2001. С. 5; Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое / Ред.-сост. Н. М. Зоркая. СПб., 2001. С. 6. и др.). Правда, ввиду их ориентации при выборе как первого, так и второго рубежа на значимые общественные события, отправная и финальная точка могут сдвигаться. Так, для И. Сухих ими являются начало и конец брежневского правления (см.: Сухих И. Русская литература для всех. От Блока до Бродского. СПб., 2013. С. 6). И. Уварова связывает переход из оттепели в долгие семидесятые с судом над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем в 1966 году (см.: Уварова И. П. Место эзопова языка в системе общения интеллигенции и власти // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб., 2001. С. 307), П. Вайль и А. Генис с чехословацкими событиями 1968 года (см.: Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека // Вайль П., Генис А. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2004. С. 866), Л. Быков - с «разгромом» «Нового мира» в 1970 году (см.: Быков Л. П. «Толстый журнал» в России – вчера, сегодня, завтра». Доклад на VIII Всероссийской научно-методической конференции с международным участием «Литература в контексте современности. Жанровые трансформации в литературе и фольклоре». – Челябинск, 10-11 декабря 2015 года). В свою очередь, конец данного периода ряд исследователей соотносит с наступлением перестройки (см.: Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое / Ред.-сост. Н. М. Зоркая. СПб., 2001. С. 6.; Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. М., 2015. С. 419), кардинально изменившей в т.ч. обстоятельства литературного развития (см.: Голубков М. История русской литературной критики XX века (1920 – 1990-е годы). М., 2008. С. 30).

⁶ Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М., 2016. С. 313.

⁷ См.: Вершик А. «Сумма» – за свободную мысль // «Сумма» за свободную мысль / Ред. А. Вершик. СПб., 2002. С. 11.

⁸ См.: Чудакова М. Пора меж оттепелью и застоём // Семидесятые как предмет истории русской культуры. Москва–Венеция, 1998. С. 93; Елагина Е., Макаревич И. Диалогический монолог «про это» // Эти странные семидесятые, или потеря невинности. М., 2010. С. 66.

⁹ См.: Зоркая Н. Как я стала киноведом. М., 2011. С. 56.

¹⁰ См.: Абалакова Н., Жигалов А. Эти славные семидесятые // Эти странные семидесятые, или потеря невинности. М., 2010. С. 31.

Кроме того, эти изменения могли быть следствием коллективного переживания событий, которые вызвали общественный резонанс. Среди последних – «революции 1968 года» в Европе и Америке¹¹, отголоски которых «докатываются», по выражению художника Г. Кизельватера, до Советского Союза¹², а также события, имевшие место в самом СССР, в настоящий момент служащие маркерами, которыми определяют переход из оттепели в семидесятые. Речь идет о судебном разбирательстве в феврале и марте 1964 года по делу «тунеядца» Иосифа Бродского¹³, отставке Н. Хрущева в октябре 1964 года¹⁴, суде над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем в 1966 году¹⁵, «Процессе четырех» в 1967 году¹⁶, «разгроме» «Нового мира» и отставке А. Твардовского в 1970¹⁷ и т.п.

При этом для значительной части интеллигенции переломным моментом стали, по мнению исследователей¹⁸, чехословацкие события 1968 года. Судя по разным свидетельствам, оставленным современниками той поры, с подавления «Пражской весны» в интеллигентских кругах утвердился кризис советской идеологии с последовавшим отмежеванием от нее¹⁹. Впрочем, необходимо отметить, что такая реакция на пражские события была свойственна не всем представителям интеллигенции: кто-то, напротив, занял консервативную позицию²⁰.

¹¹ См.: Виравов И. Андрей Вознесенский. М., 2015. С. 344.

¹² Кизельватер Г. От составителя // Эти странные семидесятые, или потеря невинности. М., 2010. С. 17.

¹³ См.: Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008. С. 101.

¹⁴ См.: Беляев А. А. Литература и лабиринты власти: от «оттепели» до перестройки. М., 2009. С. 23.

¹⁵ См.: Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 2. М., 2001. С. 7; Уварова И. П. Место эзопова языка в системе общения интеллигенции и власти // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб., 2001. С. 317; Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008. С. 101; Козлов Д. Наследие «оттепели»: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 1960-х гг. // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 185. и др.

¹⁶ См.: Зоркая Н. Как я стала киноведом. М., 2011. С. 55.

¹⁷ См.: Чудакова М. Пора меж оттепелью и застоём // Семидесятые как предмет истории русской культуры. Москва–Венеция, 1998. С. 81.

¹⁸ См.: Семидесятые как предмет истории русской культуры / Ред.-сост. К. Ю. Рогов. Москва–Венеция, 1998. С. 9; С. 11; С. 15; С. 17; С. 77; С. 135; С. 154; Дмитриевский В. Н. Социальный заказ – театр – зритель: система взаимосвязей // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб., 2001. С. 136 и др.

¹⁹ См.: Аксенов В. П. Десятилетие клеветы (радиодневник писателя). М., 2004. С. 90; С. 93; Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека // Вайль П., Генис А. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2004. С. 866.

²⁰ См.: Козлов Д. Наследие «оттепели»: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 1960-х гг. // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 194.

В то же время правящая коммунистическая партия, корректируя идеологический курс²¹, усиленно укрепляла его авторитет за счет агитационно-пропагандистских акций, в частности, различных государственных юбилеев²², а также ужесточения цензуры²³.

С одной стороны, обеспокоенность властей «планом выражения» препятствовала любым попыткам открыто проговорить последствия травматичного опыта²⁴, вызвавшего сдвиги в общественном сознании, с другой – не могла эти сдвиги остановить.

Недоверие со стороны если не всех, то многих, к внешне- и внутривластным решениям правящей партии со временем усугублялось ввиду все более отдалявшихся от жизненных практик официальной политики²⁵ и языка²⁶, а также непоследовательности, небрежности исполнения введенных сверху правил²⁷.

Одним из следствий растущего недоверия стала формализация идеологических ритуалов: «Такого совершенно определенно – за редкими исключениями – не было прежде, в 1960-е, поскольку тогда представления о “советском” и, тем более, “коммунистическом”, оставались еще достаточно искренними»²⁸. Поэтому, говоря об этом времени, его свидетели отмечают специфическое раздвоение: следуя определенным правилам в публичной сфере общения, советский человек семидесятых мог действовать и думать иначе в

²¹ Там же. С. 183.

²² См.: Дмитриевский В. Н. Социальный заказ – театр – зритель: система взаимосвязей // *Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое*. СПб., 2001. С. 136; Козлов Д. Наследие «оттепели»: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 1960-х гг. // *Новое литературное обозрение*. 2014. № 125. С. 183.

²³ См.: Беляев А. А. Литература и лабиринты власти: от «оттепели» до перестройки. М., 2009. С. 85; Горяева Т. Главлит и литература в период литературно-политического брожения в Советском Союзе // *Вопросы литературы*. 1998. № 5. С. 277.

²⁴ См.: Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008. С. 18.

²⁵ См.: Клецкин А. Е. Искусство и власть в условиях эрозии тоталитарной идеологии // *Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое*. СПб., 2001. С. 303.

²⁶ См.: Козлов Д. Наследие «оттепели»: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 1960-х гг. // *Новое литературное обозрение*. 2014. № 125. С. 195.

²⁷ См.: Клецкин А. Е. Искусство и власть в условиях эрозии тоталитарной идеологии // *Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое*. СПб., 2001. С. 303.

²⁸ Карасев Л. 1970-е как переживание / *Длинные 1970-е: советское общество в 1968–1982 годы // Неприкосновенный запас*. 2007. № 2 (52). С. 243.

приватной и так называемой публично-приватной²⁹ (определение В. Воронкова³⁰). К примеру, киновед Н. Зоркая вспоминает: «Очень многие, вовсе не одни диссиденты и смельчаки, но и ангажированные и партийные начальники читали “самиздат”, но помалкивали в тряпочку и публично говорили речи на надежном дискурсе»³¹.

Вследствие этой ситуации при всей регламентации сверху, создающей на уровне официального дискурса впечатление единомыслия, последнее было чуждо обществу советских семидесятых.

Согласно материалам (письма советских граждан по поводу процесса А. Синявского и Ю. Даниэля и литературной полемики между «Новым миром» и «консервативной» критикой), представленным в статье Д. Козлова³², во взглядах интеллигенции, как и других социальных групп, отсутствовало единодушие, по традиции приписываемое ей как правящим режимом, так и его противниками³³.

Нельзя не отметить разнообразие направлений общественно-политической мысли, альтернативных идеологии правящей партии. Речь идет о представленных как в «разрешенном», так и в «диссидентском» варианте «лагерях» либералов, национал-консерваторов, «истинных» марксистов-ленинцев³⁴.

Намеренно ограничившись в данном случае упоминанием лишь тех направлений, вокруг которых концентрировалась интеллигенция столиц³⁵, заметим, что они не являлись «программными» для всех ее представителей,

²⁹ См.: Хазагеров Г. Семидесятые. Двойничество? Двоемирие? Бинарность? // Знамя. 1998. № 12. С. 175; Клецкин А. Е. Искусство и власть в условиях эрозии тоталитарной идеологии // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб., 2001. С. 300; Балла О. Мыслители XX века: Сергей Аверинцев [Электронный ресурс] // Живой журнал Gertman (Балла О.). Режим доступа: <http://gertman.livejournal.com/33264.html>; Колесников А. В. Попытка словаря. Семидесятые и ранее. М., 2010. С. 106; Зоркая Н. Как я стала киноведом. М., 2011. С. 240; Ловелл С. «Семнадцать мгновений весны» и семидесятые / Семидесятые в закрытом обществе: в контексте советского дискурса // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 70–88 и др.

³⁰ См.: Воронков В. 25 февраля 1956 года – начало «разномыслия» в СССР // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 33.

³¹ Зоркая Н. Как я стала киноведом. М., 2011. С. 240.

³² См.: Козлов Д. Наследие «оттепели»: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 1960-х гг. // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 183–204.

³³ См.: Горяева Т. Главлит и литература в период литературно-политического брожения в Советском Союзе // Вопросы литературы. 1998. № 5. С. 293.

³⁴ См.: Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. М., 2015. С. 20; С. 22; Фирсов Б. М. Циклы и периоды разномыслия в СССР и постсоветской России // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 51–53.

³⁵ См.: Козлов В., Мироненко С. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. М., 2005. С. 5; С. 46.

поскольку мнение интересующей нас социальной группы, как и любой другой, было, согласно замечанию социолога Б. Фирсова, «всяким»³⁶, то есть состояло из различных точек зрения, во многом не совпадающих или даже противоречащих друг другу.

Не разделяя всецело позицию партии или консерваторов, интеллигенция не являлась и «главной силой движения сопротивления режиму»³⁷.

Так, публицист А. Колесников, характеризуя на примере собственной семьи умонастроения, присущие «среднеклассовой» советской интеллигенции, отмечает неприятие «диссидентской» модели поведения, следование которой могло привести к увольнению с работы или исключению из партии³⁸. И хотя некоторые все-таки решались на участие в «подписных» кампаниях, из решившихся большинство представляло «привилегированный»³⁹ слой интеллигенции, а само участие не воспринималось ими как сугубо диссидентский жест («Подписывали просто по душевному порыву – как же отказать, когда просят поддержать правое дело?»⁴⁰). Очевидно, принадлежность к более привилегированным слоям общества обеспечивала возможность избежать потенциальных неприятных последствий. Об этом можно судить, в частности, по воспоминаниям писателя А. Гладилина, которое приводит И. Вирабов: «Я помню, когда над Синявским и Даниэлем был суд, мы втроем написали письмо с протестом. Аксенов, Владимов и я. Начали думать, кому показать. <...> Мы старались собирать подписи людей с “именами” – они были менее уязвимы. Подписался, скажем, парень из редакции “Знамени” – на него потом в редакции накинулись: да ты кто такой, куда ты лезешь, там знаменитости, а ты кто?»⁴¹.

Реальных диссидентов, по замечанию Л. Лунгиной, «была горстка»⁴². Их могли поддерживать⁴³, а могли сторониться, как это делали, по воспоминаниям Г.

³⁶ Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР . 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб., 2008. С. 365; С. 386.

³⁷ Горяева Т. Главлит и литература в период литературно-политического брожения в Советском Союзе // Вопросы литературы. 1998. № 5. С. 293. С. 313.

³⁸ См.: Колесников А. В. Попытка словаря. Семидесятые и ранее. М., 2010. С. 26.

³⁹ Зоркая Н. Как я стала киноведем. М., 2011. С. 47.

⁴⁰ Там же. – С. 173.

⁴¹ Вирабов И. Андрей Вознесенский. М., 2015. С. 368.

⁴² Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ей в фильме Олега Дормана. М., 2016. С. 302.

Кизельватера, советские художники, хоть и позиционировавшие себя как «внутренние эмигранты» и «здесь-сиденты»⁴⁴. Однако главным образом значение имеет то, что о диссидентах и об их действиях знали⁴⁵, и это, по признанию художницы Е. Елагиной, оказывало влияние на «обычного» советского человека⁴⁶, перегруженного в силу особенностей советских образовательных программ знанием о разнообразных взглядах «умеренных» либералов, консерваторов, марксистов-ленинцев, а также всевозможными сведениями о запрещенной, полузапрещенной или просто «другой» культуре. По воспоминаниям Л. Лурье, «имели существенное влияние рок-музыка, дзен, теория отчуждения, структурализм, сексуальная революция»⁴⁷. К этому же списку можно добавить «и Пруста, и Джойса, и Кафку, <...> “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына, русскую религиозную философию Серебряного века и религиозные искания»⁴⁸, «неизвестные стихи Мандельштама и Цветаевой»⁴⁹ и другие «увлечения» советского интеллигента, которые, умножаясь благодаря широкому распространению «сам-» и «тамиздата»⁵⁰ и «культурному обмену», происходившему во время разного рода «чтений»⁵¹, при посещении «философских кружков»⁵², «семинаров»⁵³, «вечеров»⁵⁴ или даже университетских

⁴³ См.: Там же. С. 302.

⁴⁴ Кизельватер Г. От составителя // Эти странные семидесятые, или потеря невинности. М., 2010. С. 19.

⁴⁵ См.: Елагина Е., Макаревич И. Диалогический монолог «про это» // Эти странные семидесятые, или потеря невинности. М., 2010. С. 69.

⁴⁶ Там же. С. 69.

⁴⁷ Лурье Л. О проекте «“Россия / Russia” – 1970-е годы» // Семидесятые как предмет истории русской культуры. Москва–Венеция, 1998. С. 17.

⁴⁸ Абалакова Н., Жигалов А. Эти славные семидесятые // Эти странные семидесятые, или потеря невинности. М., 2010. С. 31.

⁴⁹ Иванов Вяч. Метасемиотические рассуждения о периоде 1968–1985 гг. // Семидесятые как предмет истории русской культуры. Москва–Венеция, 1988. С. 79.

⁵⁰ См.: Там же. С. 80; Седакова О. Из книги «Путешествие волхвов» [Электронный ресурс] / «Образы мира». Режим доступа: <http://www.niworld.ru/poezia/sedakova/puteshest.htm>; Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб., 2008. С. 345; Кизельватер Г. От составителя // Эти странные семидесятые, или потеря. М., 2010. С. 19–20.

⁵¹ Иванов Вяч. Метасемиотические рассуждения о периоде 1968–1985 гг. // Семидесятые как предмет истории русской культуры. Москва–Венеция, 1988. С. 80.

⁵² Вершик А. «Сумма» – за свободную мысль // «Сумма» за свободную мысль. СПб., 2002. С. 16.

⁵³ Гаспаров М. Л. Записки и выписки. – М., 2012. С. 319.

⁵⁴ Кизельватер Г. От составителя // Эти странные семидесятые, или потеря невинности. М., 2010. С. 20 и др.

лекций⁵⁵, составили в конечном итоге отличающуюся феноменальной пестротой картину общественного сознания 1970-х годов.

Однако, в связи с тем, что далеко не все перечисленные выше явления и убеждения умещались в «прокрустово ложе» легальной советской культуры и идеологии (ввиду непоследовательной политики правящей партии ряд из них то становился, то переставал быть легализованным⁵⁶), проявление увлечения некоторыми из них на уровне публичного дискурса могло вызвать (а могло и не вызвать – по причине уже отмеченной непоследовательности) нарекания в «антисоветчине», «диссидентстве», «инакомыслии». Несмотря на то, что «антисоветчина» – это «антисоветская агитация и пропаганда», «диссидентство» – проявление гражданской активности⁵⁷, например, в виде правозащитной деятельности⁵⁸, инакомыслие – более широкое понятие, применимое к тем, кто «мыслит иначе, держится других убеждений, *бросая вызов окружению, обществу и власти*» (курсив наш – В. Д.)⁵⁹, то есть разные по значению понятия, в партийной риторике они употреблялись как синонимичные⁶⁰, используясь для обозначения людей с альтернативным образом мышления, хотя в действительности могли и не иметь к ним прямого отношения. Так, Г. Кизельватер сообщает, что «власти рассматривали [неофициальных] художников в одном флаконе с инакомыслящими» (при этом Кизельватером имеются в виду диссиденты – прим. В. Д.), хотя сами художники, как уже отмечалось ранее, сторонились их⁶¹.

Характерно, что к «диссидентам» причисляли себя, опираясь, по всей видимости, на тот же понятийный аппарат, что и представители власти, и сами

⁵⁵ См.: Балла О. Мыслители XX века: Сергей Аверинцев [Электронный ресурс] // Живой журнал Gertman (Балла О.). Режим доступа: <http://gertman.livejournal.com/33264.html>

⁵⁶ См.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 41.

⁵⁷ Об этом пишет А. Даниэль, впрочем, отмечая, что диссидентство «ускользает от всех и всяческих определений и классификаций» (Даниэль А. Диссидентство: культура, ускользающая от определений? [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Déjà vu». Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/d-2/Dissident.html>).

⁵⁸ См.: Фирсов Б. М. Циклы и периоды разномыслия в СССР и постсоветской России // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 53.

⁵⁹ Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР . 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб., 2008. С. 9.

⁶⁰ О чем свидетельствуют, к примеру, документы, приведенные Т. Горяевой. См.: Горяева Т. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. [Электронный ресурс] // Каталог книг и статей «Fedy». Режим доступа: <http://www.fedy-diary.ru/html/062011/23062011-08a.html>

⁶¹ См.: Кизельватер Г. От составителя // Эти странные семидесятые, или потеря невинности. М., 2010. С. 19.

носители «нелегализованных» взглядов, хотя на самом деле отнести первых ко вторым было бы во многих случаях большой натяжкой. К примеру, А. Беляев, работавший в то время в отделе культуры ЦК КПСС, отмечает: «<...> хотя Евтушенко утверждает: “Мы были первыми диссидентствующими диссидентами”, – я бы не назвал Евтушенко (как и Вознесенского, Окуджаву, Рождественского) диссидентами»⁶².

Действительно, ни «антисоветчина», ни «крамола», представляя собой оценочные суждения властей в отношении своих реальных или воображаемых противников⁶³, ни диссидентство, ни инакомыслие, подразумевающие противостояние власти⁶⁴, не подходят для описания поведенческих/дискурсивных/ культурных практик, характерных для большинства советских интеллигентов, о которых Л. Лунгина вспоминала следующее: «Конечно, я видела, как люди сопротивлялись, и не только диссиденты. Каждый из нас временами пытался делать, что мог. Для творческого человека честно выполнять свою работу, выражать свои мысли, не идя на уступки, – это уже было сопротивление. Не поднять руку на собрании, когда все поднимали руку, подписать письмо протеста...»⁶⁵. В исследованиях повседневной жизни и культуры 1970-х годов можно встретить попытки каким-то образом охарактеризовать тех, кто, ощущая тесноту «социального костюма», продолжал «носить» его, не решаясь «сбросить». К примеру, А. Даниэль вводит определение «околодиссидентская интеллигенция»⁶⁶.

Вообще же значительной тенденцией в современных социологии и культурологии стало стремление избежать упрощения идеологической реальности 1970-х годов, описав ее во всем многообразии и охарактеризовав в том числе те проявления человеческой деятельности, которые нельзя однозначно

⁶² Беляев А. А. Литература и лабиринты власти: от «оттепели» до перестройки. М., 2009. С. 60.

⁶³ См.: Козлов В., Мироненко С. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. М., 2005. С. 7; С. 30.

⁶⁴ См.: Фирсов Б. М. Циклы и периоды разномыслия в СССР и постсоветской России // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 53.

⁶⁵ Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанной ей в фильме Олега Дормана. М., 2016. С. 319.

⁶⁶ Даниэль А. Диссидентство: культура, ускользающая от определений? [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Déjà vu». Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/d-2/Dissident.html>

охарактеризовать как «советские» или «не-»/ «антисоветские». Здесь стоит оговорить, что ввиду постоянно менявшейся в долгие 1970-е системы запретов, граница между «советским» и «несоветским» была довольно подвижна⁶⁷ (хотя «нападки на марксистско-ленинскую идеологию, на общественный и государственный строй, на внешнюю и внутреннюю политику СССР, на руководителей КПСС и Советского правительства»⁶⁸ всегда относились к не-/антисоветским проявлениям). При этом ряд практик и вовсе нельзя было развести по этим двум полюсам. Последним и посвящены статьи и монографии В. Козлова и С. Мироненко⁶⁹, рассматривающих явление крамолы; Б. Фирсова⁷⁰ и других исследователей, вслед за Б. Фирсовым применяющих категорию «разномыслие»⁷¹; А. Юрчака⁷², описывающего процесс «детерриториализации» авторитетного дискурса, статьи из сборника под редакцией К. Рогова «Семидесятые как предмет истории русской культуры»⁷³ и сборника под редакцией Н. Зоркой «Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое»⁷⁴, авторы которых подчеркнута отступают от прямолинейных оценок неоднозначных явлений культуры того времени, и т.п.

Аналогичную тенденцию можно отметить и в трудах, посвященных литературе данного периода.

Ряд недавних исследований, затрагивающих творчество отдельных писателей семидесятых годов или такие явления, как «цензура», «сам-» и «тамиздат», «эзопов язык», уход в «детскую тему» «взрослых» писателей и т.д. (работы А. Блюма⁷⁵, Н. Ивановой⁷⁶, Т. Снигиревой⁷⁷, И. Уваровой⁷⁸, М.

⁶⁷ См.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 41.

⁶⁸ Горяева Т. Главлит и литература в период литературно-политического брожения в Советском Союзе // Вопросы литературы. 1998. № 5. С. 293. С. 313.

⁶⁹ См.: Козлов В., Мироненко С. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. М., 2005.

⁷⁰ См.: Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб., 2008.

⁷¹ Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции / Под общ. ред. Б. М. Фирсова. СПб., 2010.

⁷² См.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.

⁷³ См.: Семидесятые как предмет истории русской культуры / Ред.-сост. К. Ю. Рогов. Москва–Венеция, 1998.

⁷⁴ См.: Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое / Ред.-сост. Н. М. Зоркая. СПб., 2001.

⁷⁵ См.: Блюм А. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790-1990: Опыт комментированной антологии. СПб., 2011.

⁷⁶ См.: Иванова Н. Сталинский кирпич / Итоги советской культуры // Знамя. 2001. № 4. С. 184–188.

⁷⁷ См.: Снигирева Т. А. А. Т. Твардовский. Поэт и его эпоха. Екатеринбург, 1997.

Чудаковой⁷⁹ и др.), демонстрируют сложность как литературной жизни, так и литературы тех лет, тесную связь между их традиционно разделяемыми ипостасями – советской/ официальной и несоветской/ неофициальной.

Пространство литературы 1970-х годов представляло собой «поле сил», где действовали участники с «разновекторными» интересами⁸⁰, ввиду чего писателю/ журналу/ тексту присваивался удобный автору, выпускающему изданию, критике, конкурентам ярлык (например, «советского» или «антисоветского»⁸¹). В то же время специфика самой литературной жизни (непредсказуемая динамика «границ дозволенного», возможность печататься на Западе или проводить «дельные вещи через цензуру»⁸² и т.п.) обусловила, во-первых, «протеическую» манеру творческого поведения так называемых «официальных» писателей (работа над конъюнктурными произведениями не мешала появлению «в столе» «духовок» и «нетленок»⁸³ и т.д.), во-вторых, их известную всеядность в выборе топики, эстетики и поэтики. Последнее можно отнести и к авторам «неофициальным». Стоит отметить, что данную особенность фиксирует критика тех лет, как выходявшая в СССР, так и «тамиздатовская», пусть каждая в рамках той части литературы, которую рассматривает.

Так, советская критика, представленная критикой не только «партийной», но и «национально-патриотической» (В. Кожин, П. Палиевский, А. Ланщиков и др.), и «либеральной», которую, в свою очередь, современные исследователи

⁷⁸ См.: Уварова И. П. Место эзопова языка в системе общения интеллигенции и власти // *Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое*. СПб., 2001. С. 307–321.

⁷⁹ См.: Чудакова М. О. Сквозь звезды к терниям // *Литература советского прошлого*. М., 2001. С. 339–365.

⁸⁰ См.: Козлов Д. Наследие «оттепели»: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 1960-х гг. // *Новое литературное обозрение*. 2014. № 125. С. 183–204; Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. М., 2015.

⁸¹ Определения «антисоветский» («несоветский») и «советский» были оценочными и использовались представителями того или иного «лагеря» по тому же принципу, что и характеристики «свой»/ «чужой». Так, А. Синявский в статье «Литературный процесс», опубликованной в журнале «Континент», разделяет «русскую» и «советскую» литературу, отмечая, что вторая «оплачивалась дачами и поездками за рубеж», «оригинальностью не блистала, переходя на стиль какого-то убийственного, автоматического письма» (А. Синявский. *Литературный процесс* // *Континент*. 1974. № 1. С. 155). В этом смысле характерно, что публикация за рубежом философской притчи «Кролики и удавы» Ф. Искандера, участника официального литературного процесса в СССР, сопровождалась рецензией, которая характеризовала текст как «антисоветский», что обеспечивало рокировку фигуры автора в иной, противоборствующий «лагерь» (См.: Троль Ю. «Кролики и удавы» Фазиля Искандера // *Часть речи*. 1981. № 2/3. С. 313–315).

⁸² Войнович В. Н. Степень доверия. М., 1973. С. 107.

⁸³ См.: Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции / Ред.-сост. В. Есипов. М., 2012. С. 52; Эти страные семидесятые, или потеря невинности / Ред.-сост. Г. Кизельватер. М., 2010. С. 14.

делят на «импрессионистическую» (Ст. Рассадин, Б. Сарнов, Л. Аннинский и др.), «академическую» (А. Бочаров, Г. Белая, В. Камянов и др.) и «эстетическую» (С. Чупринин, А. Латынина, Н. Иванова и др.)⁸⁴, сохраняя разную степень идеологизированности, вынужденная, ввиду нахождения внутри «официального» литературного процесса, следовать тем же «правилам игры», что приписывались литераторам, тем не менее, отмечает и описывает разнообразие тем и приемов, присущих литературе 1970-х годов, выходившей в советской печати. К примеру, кроме вполне традиционных для советской литературы тем (становление социально ответственной личности⁸⁵ и др.), а также тем, в то время легализованных («раздумье о русской истории»⁸⁶ и др.), критикой опосредованно отмечалась и тема «социального, психологического, идейного и экзистенциального кризиса советского общества»⁸⁷, и другие «непростые» вопросы, к которым обращались официальные писатели семидесятых. В свою очередь, среди приемов фиксировались не только те, которые были присущи поощряемой идеологами реалистической эстетике, но и те, что были характерны для «чуждого»⁸⁸ модернизма (так, отмечались «запись кардиограммы мысли, <...> расщепление сознания героя»⁸⁹, субъективизация исторического материала⁹⁰ и т.п.).

В то же время «тамиздатовские» критика и литературоведение, несмотря на популярное в них в то время противопоставление «литературы подполья» литературе, печатавшейся в Советском Союзе, в том числе по формальным признакам (Ю. Мальцев пишет, что «литература подполья четко противостоит литературе официальной <...> в своем формотворчестве»⁹¹), характеризуют ряд писателей, печатающихся на Западе как ««реалистических» консерваторов

⁸⁴ См.: Липовецкий М., Берг М. Мутации советскости и судьба советского либерализма в литературной критике семидесятых: 1970–1985 // История русской литературной критики. М., 2011. С. 477–532.

⁸⁵ См.: Кукаркин А. В. По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология. М., 1974. С. 70.

⁸⁶ Аннинский Л. Воля. Путь. Результат // Новый мир. 1975. № 12. С. 264.

⁸⁷ Липовецкий М., Берг М. Мутации советскости и судьба советского либерализма в литературной критике семидесятых: 1970–1985 // История русской литературной критики. М., 2011. С. 500.

⁸⁸ См.: Кукаркин А. В. По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология. М., 1974. С. 81.

⁸⁹ Аннинский Л. А. Ядро ореха. Распад ядра [Электронный ресурс] / Электронная библиотека. Режим доступа: http://royallib.com/read/anninskiy_lev/yadro_oreha_raspad_yadra.html#0

⁹⁰ См.: Ланщиков А. Обязанности свидетеля // Вопросы литературы. 1974. № 4. С. 91.

⁹¹ Мальцев Ю. Вольная русская литература 1955-1975. Франкфурт-на-Майне, 1976. С. 83.

формы»⁹². Так, американский славист и основатель издательства «Ардис» Карл Проффер отмечает: «<...> большие куски романов Солженицына в формальном отношении – чистый соцреализм»⁹³.

Удобная для тех, кто находился внутри «потока» (например, для Ю. Мальцева или А. Овчаренко), поляризация по основанию «советская» («официальная») и «антисоветская» / «несоветская» («неофициальная») в отношении литературы не учитывала реальную сложность литературной ситуации 1970-х годов, и в современном литературоведении подобная поляризация все чаще вытесняется. Несмотря на то, что в некоторых трудах встречаются ее обычно оговариваемые отголоски⁹⁴, большинство исследователей, анализируя художественную словесность семидесятых, предпочитает обращаться к другим параметрам типологизации⁹⁵.

Так, в недавних исследованиях Д. Козлова⁹⁶ (2014) и А. Разуваловой⁹⁷ (2015) литература долгих семидесятых описывается в рамках идеологической оппозиции – «консервативного» и «либерального» лагеря, вокруг которых группировались критики и писатели. Характерно, что общей чертой работ этих исследователей является акцент на неоднозначности взглядов участников «официального» литературного процесса семидесятых. В совокупности с трудами, отмеченными ранее (Н. Ивановой⁹⁸, И. Уваровой⁹⁹, М. Чудаковой¹⁰⁰ и др.), данные работы свидетельствуют о назревшей необходимости, **актуальности** поиска и применения категорий, которые при обращении к литературному

⁹² Цит. по: Липовецкий М.Н. «Ардис» и современная русская литература // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 161.

⁹³ Там же. С. 161.

⁹⁴ См.: Савицкий С. Андеграунд: история и мифы ленинградской неофициальной литературы. М., 2002.

⁹⁵ К примеру, Вяч. Курицын и М. Липовецкий подходят к литературе данного периода с точки зрения ее принадлежности к постмодернистской парадигме, разводя ее на литературу «концептуализма» и «соц-арта» (См.: Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М., 2009. С. 92–93) или «необарокко» и «концептуализма» (См.: Липовецкий М. Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М., 2008. С. 243–284).

⁹⁶ См.: Козлов Д. Наследие «оттепели»: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 1960-х гг. // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 183–204.

⁹⁷ См.: Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. М., 2015.

⁹⁸ См.: Иванова Н. Сталинский кирпич / Итоги советской культуры // Знамя. 2001. № 4. С. 184–188.

⁹⁹ См.: Уварова И. П. Место эзопова языка в системе общения интеллигенции и власти // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб., 2001. С. 307–321.

¹⁰⁰ См.: Чудакова М. О. Сквозь звезды к терниям // Литература советского прошлого. М., 2001. С. 339–365.

процессу 1970-х годов позволили бы передать разноречивость составляющих его явлений, изменив при этом сам масштаб описания.

Одной из таких категорий является категория «разномыслие». Она была предложена социологами и социальными философами¹⁰¹ для характеристики таких повседневных и культурных практик позднесоветского субъекта, как знакомство с запрещенным зарубежным киноискусством (оно могло быть как прямым, благодаря посещению закрытых показов или заграничным командировкам, так и опосредованным, через пересказ знакомых); создание похожих художественных текстов (например, в осуждаемом советскими идеологами жанре триллера¹⁰²); появление публично-приватных пространств, где концентрировалась маргинальная публика, что не вписывалось в советские рамки, но не пресекалось властями¹⁰³; развитие «коммунарской», параллельной общеобязательной пионерско-комсомольской, системы воспитания¹⁰⁴ и т.д.

Разномыслие определяется¹⁰⁵ исследователями как форма сознания в государстве авторитарного типа, подразумевающая частичное отклонение от конституирующей это государство идеи¹⁰⁶, но не предполагающая полного ее пересмотра¹⁰⁷.

¹⁰¹ В научный обиход она была введена Борисом Фирсовым (см.: Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР . 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб., 2008), после чего стала предметом обсуждения и уточнения на конференции «Разномыслие в СССР и России (1945-2008)» в 2009 году в Санкт-Петербурге (см.: Материалы конференции см.: Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции / Под общ. ред. Б. М. Фирсова. СПб., 2010).

¹⁰² См.: Травина Е., Травин Д. Разномыслие как предпосылка перестройки // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 172.

¹⁰³ См.: Здравомыслова Е. Культурных андеграунд 1970-х: ленинградское кафе «Сайгон» глазами завсегда и исследователя // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 156.

¹⁰⁴ См.: Димке Д. Возникновение разномыслия в советское педагогике конца 1950 – начала 1960-х годов как результат изменения советской законодательной системы // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 241.

¹⁰⁵ Определение разномыслие встречается также и в религиоведении, где используется с целью охарактеризовать, избежав таких оценочных терминов как «секта» или «ересь», христианские движения, не разделяющие позицию официальной церкви в отношении догматических, традиционных и обрядовых сторон жизни церкви, – как те, с которых была снята, так и те, на которые была наложена анафема (см.: Воробьева М. В. Христианское разномыслие. СПб., 2004). Несмотря на определенное сходство мотивировки для применения данного определения в религиоведении с той, что обусловила введение категории «разномыслие» социальными философами, в настоящем исследовании мы используем понятие «разномыслие» в интерпретации последних.

¹⁰⁶ В Советском Союзе составляющими такой идеи были: 1) доктрина марксизма-ленинизма; 2) провозглашение преимуществ социалистического типа государственного устройства и, в связи с этим, примата общественных интересов, что нашло отражение в организации человеческой жизнедеятельности во всех сферах (экономике, педагогике, искусстве и др.); 3) критика западного мироустройства, как противоположного советскому (См.: Кукаркин А. В. По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология. М., 1974; Купина Н. А.

В отличие от единомыслия, которое долгое время приписывалось советскому обществу западными учеными, сориентированными на публичный дискурс¹⁰⁸, и инакомыслия, которое традиционно характеризует диссидентскую активность, т.е. протестную по самой своей природе социальную деятельность¹⁰⁹, категория разномыслия позволяет продемонстрировать, что советская реальность 1970-х была многообразнее и «сложнее <...> простого “за” и простого “против”»¹¹⁰.

При этом, не отрицая наличие разномыслия у представителей ранних периодов советской истории, в качестве аналитической категории исследователи предпочитают применять его в отношении «оттепельных» и «послеоттепельных» лет¹¹¹. Это обусловлено тем, что в хрущевское время разномыслие стало проявляться публично¹¹², а в долгие семидесятые внутри советского общества окончательно сформировались диссидентское движение и культура андеграунда, которые создали условия для «брожения умов». В результате проявления разномыслия в те годы стали систематическими¹¹³. Неслучайно, характеризуя семидесятые, большинство, прямо или косвенно, отмечает, что это было время, когда «диссидентом можно было быть <...> без отрыва от коллаборационизма»¹¹⁴.

Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь. 1995. С. 3; В. Эджертон. Приключения американского слависта в советской России // Тыняновский сборник: Пятые чтения. 1994. № 8. С. 344).

¹⁰⁷ См.: Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб., 2008. С. 10.

¹⁰⁸ См.: Димке Д. Возникновение разномыслия в советское педагогике конца 1950 – начала 1960-х годов как результат изменения советской законодательной системы // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 238.

¹⁰⁹ См.: Фирсов Б. М. Циклы и периоды разномыслия в СССР и постсоветской России // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 53.

¹¹⁰ Презентация книги Б. Фирсова «Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики» (2008) // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 339.

¹¹¹ См.: Воронков В. 25 февраля 1956 года – начало «разномыслия» в СССР // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 28–38.

¹¹² Там же. С. 31.

¹¹³ См. об этом подробно: Фирсов Б. М. Циклы и периоды разномыслия в СССР и постсоветской России // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 51–53.

¹¹⁴ Жолковский А. К. Из истории вчерашнего дня // Семидесятые как предмет истории русской культуры. Москва–Венеция, 1998. С. 135. См. также: Зоркая Н. Как я стала киноведом. М., 2011. С. 56; Клецкин А. Е. Искусство и власть в условиях эрозии тоталитарной идеологии // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб., 2001. С. 304; Травина Е., Травин Д. Разномыслие как предпосылка перестройки // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 176 и др.

Судя по воспоминаниям¹¹⁵, оставленным о литературном процессе 1970-х, применение категории «разномыслие» оправдано и при его исследовании.

Данная категория позволяет охарактеризовать политику газет и журналов. Например, критик С. Чупринин в мемуарах пишет о «Литературной газете» тех лет следующее: «Вторая, нелитературная [тетрадка газеты] на протяжении многих лет посылала луч света в темное царство советской действительности, тогда как первая, литературная – экая паршивка! – советской власти, что есть мочи прислуживала»¹¹⁶. Кроме того, с помощью категории «разномыслие» можно описывать издательские стратегии в отношении выхода ряда произведений (например, романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в 1966 году с внесением корректив в оригинальный текст¹¹⁷ или модернистов М. Пруста и У. Фолкнера); тактику критики и литературоведения в осмыслении советской, русской классической и западной художественной словесности¹¹⁸; появление в «неофициальной» печати текстов «официальных» писателей и сотрудничество «неофициальных» авторов в «официальных» изданиях; совместную работу и тех, и других над альманахом «Метрополь», целью составления которого, несмотря на последовавшие со стороны Союза писателей обвинения в «антисоветскости»¹¹⁹, было «расширить рамки <...> советской литературы»¹²⁰, и тому подобные практики.

Вследствие подобных поведенческих практик участников литературного процесса 1970-х, разнообразные признаки «советского» и «несоветского»¹²¹

¹¹⁵ См.: Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М., 2016; Чупринин С. Вот жизнь моя // Знамя. 2014. №№ 11–12. С. 7–26; 100–135; Чудакова М. Пора меж оттепелью и застоём // Семидесятые как предмет истории русской культуры. Москва–Венеция, 1998. С. 93–110 и др.

¹¹⁶ Чупринин С. Вот жизнь моя // Знамя. 2014. № 11. С. 15.

¹¹⁷ См.: Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове [Электронный ресурс] // Интернет-сайт «Рукописи не горят!». Режим доступа: http://tputh.narod.ru/yan_bulg_5_2.htm

¹¹⁸ См.: Гинзбург Л. О литературном герое. Ленинград, 1979; Зверев А. М. Литература на глубине // Иностранная литература. – 1973. – № 8. – С. 206–213 и др.

¹¹⁹ См.: Заламбани М. Дело «Метрополя» / Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 243–283.

¹²⁰ Кабаков А., Попов, Е. АКСЕНОВ. М., 2011. С. 154.

¹²¹ К «советским» относятся особенности, поддерживавшие конституировавшую советское государство идею. В плане эстетики – это ориентация на реализм (См.: Кукаркин А. В. По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология. М., 1974. С. 75). В свою очередь, к «несоветским» чертам цензура тех лет относил критику и пародирование советской действительности, внимание к ее отрицательным сторонам, религиозный дискурс, (пост)модернистскую поэтику и т.п. (см.: Горяева Т. Главлит и литература в период литературно-политического брожения в Советском Союзе // Вопросы литературы. 1998. № 5. С. 276–320), однако, здесь стоит учитывать подвижность границы между «советским» и «антисоветским» (см. с. 12 диссертационного исследования).

сочетались внутри художественных текстов, что так или иначе отмечается в уже упомянутых нами исследованиях¹²². Введение категории «разномыслие» при изучении позволяет точнее учесть и охарактеризовать данное сочетание в рамках одного текста.

Поскольку исследование такого рода позволяет обратиться ко многому из того, что было написано в то время в Советском Союзе (назовем хотя бы произведения В. Высоцкого, Б. Окуджавы и других представителей авторской песни, драматургию «новой волны» и т.п.), мы намеренно ограничились, выбрав в качестве **объекта** изучения русскую прозу, созданную в СССР в 1970-е годы, а в качестве **предмета** – формы проявления разномыслия в ней.

Оставив вне фокуса исследования прозу писателей-«деревенщиков», т.н. «сорокалетних», авторов, работавших в жанре исторического романа и фантастики¹²³, при определении **материала** анализа мы сосредоточились на текстах, которые, во-первых, отражали взгляды и вкусы интеллигентской среды, имели в ней в связи с этим определенный резонанс¹²⁴, а во-вторых, демонстрировали работу разномыслия¹²⁵, данной среде присущую.

Так, в первую группу произведений, ставших материалом исследования, вошли романы «Ожог» В. Аксенова, «Школа для дураков» Саши Соколова и «Пушкинский дом» А. Битова, в которых разномыслие является предметом

¹²² См.: Иванова Н. Сталинский кирпич / Итоги советской культуры // Знамя. 2001. № 4. С. 184–188; Снигирева Т. А. А. Т. Твардовский. Поэт и его эпоха. Екатеринбург, 1997; Уварова И. П. Место эзопова языка в системе общения интеллигенции и власти // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб., 2001. С. 307–321; Чудакова М. О. Сквозь звезды к терниям // Литература советского прошлого. М., 2001. С. 339–365.

¹²³ При этом тексты «деревенщиков», «сорокалетних», «писателей-фантастов» и т.д., равно как и исследования, рассматривающие их в близком к интересующему нас ключе (См.: Аркадий и Борис Стругацкие. Улитка на склоне. Опыт академического издания. М., 2006; Бойко С. С. Творческая эволюция Булата Окуджавы и литературный процесс второй половины XX века: автореф. дис... докт. филол. наук. М., 2011; Гуреев В. Н. «Любовно-бытовой взрыв» в русской литературе 1970-х гг. : автореф. дис... канд. филол. наук. Воронеж, 2008; Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. М., 2015 и др.), были учтены нами при изучении контекста произведений, поставленных в центр анализа.

¹²⁴ В подтверждение этому см.: Азольский А. Посторонний // Новый мир. 2007. № 4. С. 18; Искандер Ф. Творческий вечер в концертной студии «Останкино» 1991 года [Электронный ресурс] / Сайт «Спектакли онлайн». Режим доступа: <http://spektaklionlayn.narod.ru/1/1086.html>; Кабаков А., Попов, Е. АКСЕНОВ. М., 2011. С. 97; С. 334; Савицкий С. Андеграунд: история и мифы ленинградской неофициальной литературы. М., 2002. С. 47; Losef L. On the Benificence of Censorship. Aesopian language in Modern Russian Literature. Munchen, 1984. P. 212.

¹²⁵ В связи с этим, нас не интересовали произведения, демонстрировавшие верность конституировавшей советское государство идее, например, «Сартакова, Шуртакова, Маркова, Кожевникова» (Чупринин С. Вот жизнь моя // Знамя. 2014. №№ 11–12. С. 18), и те, которые порывали с ней на содержательном или эстетическом уровне (большая часть текстов представителей андеграунда).

изображения и прямо продемонстрировано на уровне структуры (сюжета, системы персонажей и т.п.).

Вторую группу составили произведения, созданные в жанрах, предписывающих определенное восприятие текстов, но в которых использованные авторами приемы изменили заложенные жанрами функции¹²⁶. Это историко-революционные романы «Степень доверия» В. Войновича, «Любовь к электричеству» В. Аксенова, «Нетерпение» Ю. Трифонова, написанные под заказ для серии «Пламенные революционеры» издательства Политической литературы ЦК КПСС, философская притча Ф. Искандера «Кролики и удавы», а также повесть для подростков В. Аксенова «Мой дедушка – памятник».

Исследование исходит из следующей *рабочей гипотезы*. Свойственное советскому человеку и обществу семидесятых разномыслие, распространенное в том числе и в литературной среде, было отрефлектировано писателями, стало для некоторых из них темой, проявившись на уровне структуры произведений и предопределив их экспериментальную форму. Ввиду официальной культурной политики тех лет (курс на традиционализм, цензурные ограничения в отношении многих тем и техник письма и т.п.), подобные тексты зачастую характеризовались как выходявшей в СССР, так и «тамиздатовской» критикой, как «не-» или «антисоветские», хотя, по своей сути, были гибридными, сочетая в себе характеристики «советского» и «несоветского» текста. Кроме того, разномыслие писателей нашло выражение в традиционных жанровых формах. Благодаря обращению авторов к специальным приемам, эти формы меняли свою функциональную направленность, получая возможность отражать разномыслие писателей и способствуя развитию разномыслия у читателей.

Цель исследования – описать формы проявления разномыслия в прозе, созданной участниками литературного процесса 1970-х годов, уточнив представление о последнем.

¹²⁶ О функции жанра в роли восприятия художественного произведения и о трансформации функций автором см.: Субботин А. Маяковский сквозь призму жанра. М., 1986. С. 18.; С. 44.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда **задач**:

1. Охарактеризовать формальные и содержательные особенности текстов с подчеркнуто усложненной структурой (романы «Ожог» В. Аксенова, «Школа для дураков» С. Соколова, «Пушкинский дом» А. Битова), в которых разномыслие играет конституирующую роль.

2. Сделав акцент на различных аспектах выражения разномыслия в художественном тексте, рассмотреть разномыслие как тему, проблему и структурообразующий принцип текста.

3. Проанализировать способы трансляции разномыслия посредством жанровых форм, за которыми в литературе закреплены устойчивые социальные функции, проследив трансформацию реализации этих функций.

4. Выделить и проследить способы инкорпорации разномыслия в тексты государственного заказа, написанные в жанре историко-революционного романа (на примере романов «Степень доверия», В. Аксенова «Любовь к электричеству» и Ю. Трифонова «Нетерпение»).

5. Охарактеризовать особенности иносказания, которые обуславливали восприятие текста как актуальной политической сатиры, в философской притче Ф. Искандера «Кролики и удавы».

6. Описать литературные приемы, способствующие формированию разномыслия у юных читателей повести «Мой дедушка – памятник» В. Аксенова.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Введение категории «разномыслие», охватывающей широкий спектр культурных практик советского человека, в исследование литературного процесса 1970-х годов позволяет уточнить характеристики этого процесса.

2. Разномыслие было зафиксировано художественной литературой, которая создавалась в 1970-е годы в СССР участниками литературного процесса. Оно стало проблемой, предметом изображения, определило специфику творческой рефлексии авторов и структуру ряда художественных текстов.

3. В «Ожоге» В. Аксенов ориентируется на повествовательный эксперимент, подчеркнуто усложняя структуру романа, чтобы

продемонстрировать соединение «советского» и «несоветского» в духовном мире и поведенческих практиках советских интеллигентов.

4. Став проблемой в романе «Школа для дураков» С. Соколова, разномыслие определило сюжетные особенности повествования о взрослеющем подростке с раздвоенным сознанием, а также сочетание в тексте элементов различных форм романа воспитания.

5. Сделав основой структуры «Пушкинского дома» «роман становления»¹²⁷, А. Битов дополняет эту основу различными «приложениями», авторскими отступлениями, «Комментарием», в которых и с помощью которых обсуждает приемы «чуждого» советской эстетике модернизма, а также взгляды на литературу и жизнь, характерные для советского интеллигента 1970-х годов, но не выносимые на уровень официального дискурса.

6. Как следует из анализа историко-революционных романов В. Аксенова «Любовь к электричеству», В. Войновича «Степень доверия» и Ю. Трифонова «Нетерпение», философской притчи Ф. Искандера «Кролики и удавы», повести для подростков В. Аксенова «Мой дедушка – памятник», традиционные жанровые формы, в которых были написаны произведения, изменив свою устоявшуюся функциональную направленность, были ориентированы на развитие разномыслия у читателей.

7. Различные приемы эзопова языка позволили В. Аксенову, В. Войновичу и Ю. Трифонову, написавшим на заказ для серии «Пламенные революционеры» произведения «Любовь к электричеству», «Степень доверия» и «Нетерпение» в традиционном жанре историко-революционного романа, использовать закрепленную за этим жанром просветительскую функцию и вместо убеждения читателей в закономерности революционного развития заставить их задуматься о правомочности и цене революционных преобразований, а также о других актуальных проблемах советского общества 1970-х годов.

8. В философской притче «Кролики и удавы» Ф. Искандер обращается к иносказанию, которое становится для читателей сигналом к тому, чтобы

¹²⁷ См.: Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 201.

воспринимать текст не только как философскую притчу, но и как критическое размышление об актуальной действительности. Сужая аналитический потенциал заявленного Ф. Искандером жанра, использованное автором иносказание вместе с тем не позволяло дать однозначную трактовку его позиции и способствовало вариативности интерпретаций притчи.

9. Ряд особенностей традиционного жанра повести для подростков (фантастический, приключенческий и образовательный компоненты) позволили В. Аксенову в произведении «Мой дедушка – памятник» ввести расширяющие функциональную направленность этого жанра приемы (обращение к нарративным стратегиям развлекательной массовой литературы, элементы языковой игры и т.п.), не только выражавшие разномыслие автора, но и способствовавшие воспитанию разномыслия у юных читателей.

Теоретическую базу диссертации составили, во-первых, многочисленные работы, непосредственно посвященные произведениям, являющимся материалом нашего исследования (монографии и статьи Т. Брайниной¹²⁸, Е. Воробьевой¹²⁹, Н. Ефимовой¹³⁰, Н. Ивановой¹³¹, Е. Шевель¹³² и др.)

Кроме того, затронутая нами тема заставила вынести в основной корпус труды, предметом которых стал феномен разномыслия (монографии и статьи А. Алексеева¹³³, В. Воронкова¹³⁴, Д. Димке¹³⁵, Б. Дубина¹³⁶, Е. Здравомысловой¹³⁷, М.

¹²⁸ См.: Брайнина Т. Д. Ассоциативные связи слова как основа создания образа в произведениях Саши Соколова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

¹²⁹ См.: Воробьева Е. П. Литературная рефлексия в русской постмодернистской прозе (А. Битов, Саша Соколов, В. Пелевин): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.

¹³⁰ См.: Ефимова Н. П. Интертекст в религиозных и демонических мотивах Василия Павловича Аксенова. М., 1993.

¹³¹ См.: Иванова Н. Б. Смех против правил, или Фазиль Искандер. М., 1990.

¹³² См.: Шевель Е. А. Философская сказка Ф. Искандера «Кролики и удавь»: феноменология жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012.

¹³³ См.: Алексеев А. Разномыслие как социологическое понятие и характеристика социума (опыт теоретического рассмотрения) // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 58–60.

¹³⁴ См.: Воронков В. 25 февраля 1956 года – начало «разномыслия» в СССР // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 28–38.

¹³⁵ См.: Димке Д. Возникновение разномыслия в советской педагогике конца 1950–начала 1960-х годов как результат изменения советской законодательной системы // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 238–259.

¹³⁶ См.: Дубин Б. 1970-е как этап и предмет социологической работы Юрия Левады // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 212–224.

¹³⁷ См.: Здравомыслова Е. Культурный андеграунд 1970-х: ленинградское кафе «Сайгон» глазами завсегдатая и исследователя // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 131–158.

Рожанского¹³⁸, Б. Фирсова¹³⁹ и др.). Потребность описать довольно «молодое» понятие потребовала от исследователей разрешения проблем правомерности выделения этого понятия, его соотношения со смежным ему феноменом «инакомыслия», уточнение практик и сред разномыслия. И хотя большая часть исследований рассматривала практики, связанные с поведением человека в обществе (работы В. Воронкова¹⁴⁰, Д. Димке¹⁴¹, О. Журавлева¹⁴², М. Рожанского¹⁴³, Б. Фирсова¹⁴⁴), в ряде случаев ученые касались сферы творческого поведения (статьи и монографии И. Сулова¹⁴⁵, Б. Фирсова¹⁴⁶ и др.). К примеру, в статьях А. Даниэля¹⁴⁷ и Е. Здравомысловой¹⁴⁸ анализируется проявление разномыслия в литературной среде.

Актуальность для нас представили созвучные в некотором смысле работам о разномыслии исследования В. Козлова и С. Мироненко¹⁴⁹, а также А. Юрчака¹⁵⁰. Знакомство с монографией А. Юрчака и с ее критикой¹⁵¹ позволило нам составить

¹³⁸ См.: Рожанский М. Разномыслие в условиях добровольной несвободы: поколение советских идеалистов // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 180–208.

¹³⁹ См.: Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР . 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб., 2008; Фирсов Б. М. Циклы и периоды разномыслия в СССР и постсоветской России // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 37–57.

¹⁴⁰ См.: Воронков В. 25 февраля 1956 года – начало «разномыслия» в СССР // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 28–38.

¹⁴¹ См.: Димке Д. Возникновение разномыслия в советской педагогике конца 1950–начала 1960-х годов как результат изменения советской законодательной системы // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 238–259.

¹⁴² См.: Журавлев О. Студенты, научная инновация и политическая функция комсомола: физфак МГУ в 1950-е–1960-е годы // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 85–130.

¹⁴³ См.: Рожанский М. Разномыслие в условиях добровольной несвободы: поколение советских идеалистов // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 180–208.

¹⁴⁴ См.: Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР . 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб., 2008; Фирсов Б. М. Циклы и периоды разномыслия в СССР и постсоветской России // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 37–57.

¹⁴⁵ См.: Сулов И. Разномыслие в перестроечной массовой культуре: анализ кинорепрезентации // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 225–237.

¹⁴⁶ См.: Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР . 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб., 2008. С. 300–305; С. 341–348; С. 437–441.

¹⁴⁷ См.: Даниэль А. Диссиденты и творчество. Художественный андеграунд на фоне литературного инакомыслия // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 297–307.

¹⁴⁸ См.: Здравомыслова Е. Культурный андеграунд 1970-х: ленинградское кафе «Сайгон» глазами завсегда и исследователя // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 131–158.

¹⁴⁹ См.: Козлов В., Мироненко С. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. М., 2005.

¹⁵⁰ См.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.

¹⁵¹ См.: Космарский А., Туровец М. Скромное обаяние комсомола. Почему брежневский СССР стал героем лучшей научно-популярной книги 2015 года [Электронный ресурс] // Наука и техника. 4.01.2016. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2016/01/04/yurchak/>

более полное представление о тех процессах, которые происходили внутри интересующей нас интеллигентской среды 1970-х годов.

Интерес представили для нас статьи М. Чудаковой¹⁵² и М. Литовской¹⁵³ о «смещении акцентов» в «детской» теме в 1970-е годы, статьи Я. Гордина¹⁵⁴ и С. Маркиша¹⁵⁵ о роли истории в развитии оппозиционного сознания в «послеоттепельное» время, а также исследования, в которых анализируются техники эзопова языка и функции иносказания в советской литературе 1970-х годов, Н. Ивановой¹⁵⁶, Т. Снигиревой¹⁵⁷, И. Уваровой¹⁵⁸. В данных работах содержатся значимые для нас сведения и выводы, подтверждающие, что процессы, происходившие в официальной литературе тех лет, были напрямую связаны с «расшатыванием» идеологических установок и развитием разномыслия. Также наше внимание обратил на себя выпущенный прибалтийскими исследователями сборник, посвященный, в частности, обращению авторов советского времени к иносказанию и элементам модернистской эстетики¹⁵⁹. Характерное для литовской, латвийской и эстонской литературы в 1940–1980 годы, это обращение было присуще советской литературе 1970-х годов, что позволяет судить о некоторых общих закономерностях ее развития.

Затронутая нами тема потребовала также широкого изучения литературного процесса семидесятых и, следовательно, привлечения ряда исследований, характеризующих литературу этого периода. На наш взгляд, их можно разделить на несколько групп:

– статьи, являющиеся частью междисциплинарных исследований интересующего нас десятилетия и содержащие литературоведческий анализ

¹⁵² См.: Чудакова М. О. Сквозь звезды к терниям // Литература советского прошлого. М., 2001. С. 339–365.

¹⁵³ См.: Литовская М. А. Радионяня, или Что смешного в кенгуре // Russian literature. 2013. № 74. С. 141–162.

¹⁵⁴ См.: Гордин Я. Занятия историей как оппозиционный акт / Итоги советской культуры // Знамя. 2001. № 4. С. 180–183.

¹⁵⁵ См.: Маркиш С. Советская античность. Из опыта участника / Итоги советской культуры // Знамя. 2001. № 4. С. 188–191.

¹⁵⁶ См.: Иванова Н. Сталинский кирпич / Итоги советской культуры // Знамя. 2001. № 4. С. 184–188.

¹⁵⁷ См.: Снигирева Т. А. А. Т. Твардовский. Поэт и его эпоха. Екатеринбург, 1997.

¹⁵⁸ См.: Уварова И. П. Место эзопова языка в системе общения интеллигенции и власти // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб., 2001.

¹⁵⁹ См.: Baltic Memory. Processes of Modernisation in Lithuanian, Latvian and Estonian Literature of the Soviet Period / Edited by Elena Baliuteyte, Donata Mitaite. Vilnius, 2011.

произведений, опубликованных в официальной или неофициальной печати в 1970-х годах (исследования Л. Дорфмана¹⁶⁰, И. Уваровой¹⁶¹ и др.);

– исследования, которые дают представление о литературе и литературной среде 1970-х годов, но не в рамках культурологического исследования данного периода советской эпохи, а в контексте изучения творческой биографии отдельных авторов (работы И. Вирабова¹⁶², С. Бойко¹⁶³ и др.) или с точки зрения принадлежности этих авторов к тому или иному литературному направлению (исследования Вяч. Курицына¹⁶⁴, М. Липовецкого¹⁶⁵, А. Разуvalовой¹⁶⁶);

– исследования, с одной стороны, не привязанные строго к хронологии 1970-х годов, но с другой – описывающие явления, без знакомства с которыми представление о литературном процессе того времени было бы неполным (исследования А. Блюма¹⁶⁷, Ю. Мальцева¹⁶⁸, авторов сборника *Acta Samizdatica*¹⁶⁹ и др.);

– работы, в большей или в меньшей степени характеризующие литературную жизнь семидесятых по ту сторону текста. И хотя описание литературной обстановки 1970-х годов не является для их авторов самоцелью (за исключением, пожалуй, статьи М. Чудаковой «Пора меж оттепелью и застоём: ранние семидесятые»¹⁷⁰), исследования, посвященные, например, культурной и общественной атмосфере, диссидентской активности, художественному андеграунду, отношениям между интеллигенцией и властью в позднесоветскую эпоху, так или иначе касаются событий, знаковых для литературного процесса

¹⁶⁰ См.: Дорфман Л. Я. Личное начало в поэзии 1970-х годов // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб., 2001. С. 328–338.

¹⁶¹ См.: Уварова И. П. Место эзопова языка в системе общения интеллигенции и власти // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб., 2001.

¹⁶² См.: Вирабов И. Андрей Вознесенский. М., 2015.

¹⁶³ См.: Бойко С. С. Творческая эволюция Булата Окуджавы и литературный процесс второй половины XX века: автореф. дис... докт. филол. наук. М., 2011.

¹⁶⁴ См.: Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М., 2000.

¹⁶⁵ См.: Липовецкий М. Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М., 2008.

¹⁶⁶ См.: Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. М., 2015.

¹⁶⁷ См.: Блюм А. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790-1990: Опыт комментированной антологии. СПб., 2011.

¹⁶⁸ См.: Мальцев Ю. Вольная русская литература 1955-1975. Франкфурт-на-Майне, 1976.

¹⁶⁹ См.: Альманах «Acta Samizdatica». Записки о самиздате / Сост. Е. Н. Струкова, Б. И. Беленкин. М., 2012.

¹⁷⁰ См.: Чудакова М. Пора меж оттепелью и застоём // Семидесятые как предмет истории русской культуры. Москва–Венеция, 1998. С. 93–110.

1970-х годов (речь идет о судах над писателями, в том числе так называемых «товарищеских», отдельных попытках «договориться» с властями, литературных акциях) (работы М. Заламбани¹⁷¹, А. Шубина¹⁷² и др.).

Попытки системного изучения литературы семидесятых долгое время натывались на трудности, обусловленные не только и не столько наличием лакун в творческом наследии тех лет, сколько неоднородностью самого творческого наследия, его разделения на подцензурную и неподцензурную словесность. Так, в работах, изданных в Советском Союзе и представляющих описание литературного процесса с позиции официального литературоведения (например, А. Овчаренко¹⁷³), по понятным причинам, игнорировались неподцензурные тексты. В свою очередь, к примеру, такая книга, как «Советское барокко»¹⁷⁴, написанная в тот же период (1982), но за рубежом, эмигрировавшими из Союза критиками П. Вайлем и А. Генисом, была посвящена преимущественно тем текстам, которые не могли выйти в СССР (или, как «Сандро из Чегема» Ф. Искандера, печатались с большими купюрами). Отмечая различные приметы новизны художественных произведений сменявшегося десятилетия («Антигерои стали вытеснять положительный идеал, тематика отделилась от реальной жизни, усложнилась форма»¹⁷⁵), исследователи определяли прозу, появившуюся в то время, как «русский литературный декаданс 70-х годов»¹⁷⁶. Это определение не давало исчерпывающей характеристики всей литературы тех лет (об этом пишут и сами авторы, отмечая: «Наша книга не претендует на полный охват выбранной темы»¹⁷⁷). С началом периода гласности исследователи смогли сосредоточить внимание на «обеих литературах», и на «неофициальной», и на «официальной», с середины 1990-х годов отказавшись от таких прямолинейных оценок последней, как «конформизм», «официоз» и «пропагандистская литература»¹⁷⁸. В этом ключе,

¹⁷¹ См.: Заламбани М. Дело «Метрополя» / Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 243–283.

¹⁷² См.: Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008.

¹⁷³ См.: Овчаренко А. И. Большая литература: основные тенденции развития художественной прозы 1945–1985 годов. Семидесятые годы. М., 1988.

¹⁷⁴ См.: Вайль П., Генис А. Советское барокко // Вайль П., Генис А. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2004.

¹⁷⁵ Там же. С. 276.

¹⁷⁶ Там же. С. 276.

¹⁷⁷ Там же. С. 278.

¹⁷⁸ Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое / Ред.-сост. Н. М. Зоркая. СПб., 2001. С. 6.

на наш взгляд, было написано учебное пособие Н. Лейдермана и М. Липовецкого «Современная русская литература. 1950-1990-е годы»¹⁷⁹, где один из разделов посвящен советской литературе семидесятых. В нем авторы сообщают о различных тенденциях и явлениях, характерных как для легальной советской словесности, так и для андеграунда тех лет. И хотя работа Н. Лейдермана и М. Липовецкого не дает исчерпывающего описания литературного процесса 1970-х (преследуя преимущественно учебные цели, авторы останавливаются, главным образом, на знаковых фигурах и текстах тех лет), тем не менее, она позволяет понять, что сам по себе этот процесс представлял своего рода «культурную похлебку» (определение О. Седаковой¹⁸⁰ – прим. В. Д.), внутри которой были «намешаны» не только различные художественные направления, но и разные модели художнического поведения – от конформизма до сопротивления (открытого или непрямого), что требует особого подхода в его изучении.

Дополнительными источниками послужили воспоминания о том времени А. Беляева¹⁸¹, Е. Евтушенко¹⁸², Г. Кизельватера¹⁸³, А. Колесникова¹⁸⁴, С. Чупринина¹⁸⁵ и др., а также – работы критиков 1970–х гг. (Л. Аннинского¹⁸⁶, А. Зверева¹⁸⁷, В. Сахарова¹⁸⁸ и др.), уловивших и сумевших передать специфику литературной ситуации, внутри которой они находились.

В исследовании были использованы историко-генетический, социологический и биографический **методы**, методики интертекстуального анализа, проблемно-тематический, культурно-исторический и компаративный подходы к характеристике литературного текста.

¹⁷⁹ См.: Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 2. М., 2001.

¹⁸⁰ Седакова О. Независимая русская поэзия после И. Бродского. 1970-1980-е годы [Электронный ресурс] // YouTube/ 27.04.2014. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=zWWi-SjUszw>

¹⁸¹ См.: Беляев А. А. Литература и лабиринты власти: от «оттепели» до перестройки. М., 2009. С. 23.

¹⁸² См.: Евтушенко Е. А. Волчий паспорт. М., 2015.

¹⁸³ См.: Эти странные семидесятые, или потеря невинности / Ред.-сост. Г. Кизельватер. М., 2010.

¹⁸⁴ См.: Колесников А. В. Попытка словаря. Семидесятые и ранее. М., 2010.

¹⁸⁵ См.: Чупринин С. Вот жизнь моя // Знамя. 2014. №№ 11–12. С. 7–26; С. 100–135.

¹⁸⁶ См.: Аннинский Л. А. Ядро ореха. Распад ядра [Электронный ресурс] / Электронная библиотека. Режим доступа: http://royallib.com/read/anninskiy_lev/yadro_oreha_raspad_yadra.html#0

¹⁸⁷ См.: Зверев А. М. Литература на глубине // Иностранная литература. – 1973. – № 8. – С. 206–213.

¹⁸⁸ См.: Сахаров В. Власть канона // Наш современник. 1977. № 1. С. 156–171.

В центр анализа были поставлены произведения, в которых особенно наглядно проявилась контаминация «советского» и «анти-»/ «несоветского» на содержательном уровне и «нормативного»/ «ненормативного» на формальном. Это позволило под иным углом зрения взглянуть на литературный процесс 1970-х годов и отступить от традиционного поляризованного описания составивших этот процесс практик, одинаково учитываемых писателями при создании ряда текстов, что и определило **научную новизну** диссертационного исследования.

Теоретическая значимость работы. Исследование вносит вклад в изучение истории русской литературы 1970-х годов. Введение категории «разномыслие» дает возможность уточнения закономерностей, репрезентативных для литературного процесса тех лет, а также интерпретации отдельных текстов, к анализу которых не раз обращались исследователи.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения литературы 1970-х годов. Отдельные положения диссертации могут привлекаться для разработки общих лекционных и специальных семинарских курсов в вузовском преподавании литературы XX века, в школьном курсе русской словесности, а также в спецкурсах по истории общественной мысли, искусства позднесоветского периода.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Первая глава посвящена анализу произведений, в которых разномыслие стало для авторов предметом осмысления, сыграв значительную роль в организации их содержания и формы. Глава состоит из трех параграфов, каждый из которых посвящен разным аспектам этой роли: разномыслие рассматривается как тема, как свойство творческой рефлексии и как структурообразующий принцип. Во второй главе исследуются традиционные жанровые структуры, включение разномыслия в которые с помощью приемов иносказания меняет закрепленные за ними в литературе функции, способствуя, в частности, развитию разномыслия у читателей. Как и первая, вторая глава состоит из трех параграфов, посвященных текстам разной функциональной направленности.

Степень достоверности результатов определяется привлечением большого количества источников, среди которых есть как тексты художественной литературы, так и мемуары, литературная критика периода 1970-е годы и постсоветского времени, недавние научные исследования, посвященные изучаемому периоду, литературе исследуемого периода, творчеству рассматриваемых авторов, труды, описывающие теоретические категории и понятия, использованные в диссертации, интервью с участниками литературного процесса тех лет. Научные положения и выводы, сформулированные в диссертации, подкреплены фактическим материалом, который проанализирован с привлечением адекватных поставленным целям и задачам методик анализа.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы нашли отражение в 5 докладах на XII Международной научной конференции «Актуальные проблемы филологии и теории языка: современные тенденции» (Екатеринбург, 15 апреля 2014 г.), VIII Международной научной конференции «Актуальные проблемы филологии» (Екатеринбург, 24 апреля 2014 г.), Международной научной конференции «Детская литература как территория конфликта» (Санкт-Петербург, 1–4 июня 2014 г.); XI Всероссийской научной конференции «Дергачевские чтения – 2014» (Екатеринбург, 6–7 октября 2014 г.), Международной научной конференции «Пресса в русском историко-литературном процессе» (Варшава, 10–12 декабря 2015 г.), а также в 12 публикациях, в т.ч. в 4 публикациях в рецензируемых изданиях, входящих в перечень ВАК РФ.

Глава 1.

Конституирующая роль разномыслия в повествовательных экспериментах 1970-х годов

1.1. Разномыслие как тема романа В. Аксенова «Ожог»

Законченный в 1975 году «Ожог» Василия Аксенова – на тот момент участника официального литературного процесса – в СССР был напечатан только на самом излете советской власти в 1990 году в московском издательстве «Огонек-Вариант» Советско-британской творческой ассоциации. В период же долгих семидесятых публикация романа состоялась лишь на Западе. Сначала он вышел в 1980 году на итальянском языке в миланском издательстве «Arnoldo Modadori Ed.» и на русском – в «Ардисе». Немного позже в 1984 году в американском издательстве «Random House» была выпущена англоязычная версия романа.

При этом роман, чье зарубежное издание советские читатели хранили в укрытии¹⁸⁹, распространяли среди «своих», при передаче прибегая к эзопову языку и называя его «пособием по лечению термического повреждения кожи»¹⁹⁰, и за который, по словам В. Новодворской, «давали срок 7 лет лагерей и 5 лет ссылки»¹⁹¹, Аксенов изначально планировал опубликовать в СССР¹⁹².

Это могло быть вполне реализуемо ввиду самой специфики взаимоотношений в литературной среде, в которой, как и в других профессиональных сообществах тех лет¹⁹³, организующим был принцип дружеского общения, и где Аксенов, будучи «своим», нередко получал

¹⁸⁹ См.: письмо Б. Ахмадулиной В. Аксенову от 11 декабря 1981 года (Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции. М., 2012. С. 479).

¹⁹⁰ Петров Д. Василий Аксенов. Сентиментальное путешествие [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. Режим доступа: <http://www.fanread.net/book/9412958/?page=36>

¹⁹¹ Цит. по: Ермолин Е. Мечтатель на службе и в отставке // Континент. 2011. № 150. С. 310.

¹⁹² См.: Кабаков А., Попов, Е. АКСЕНОВ. М., 2011. С. 334.

¹⁹³ См.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 297.

поддержку редакторов и других писателей при публикации того или иного произведения¹⁹⁴.

Однако по мере воплощения замысла Аксенов изменил свои планы¹⁹⁵. Так, критик Евгений Сидоров, один из тех, кто был знаком с рукописью «Ожога» прежде, чем он был напечатан за рубежом, вспоминает, что, закончив работу над текстом, «ни одной редакции Вася роман не предлагал»¹⁹⁶, и его чтение проходило в узком кругу «своих». Об этом же сообщают друзья Аксенова и его коллеги – А. Козлов¹⁹⁷ и Г. Садовников¹⁹⁸.

По замечанию работавшей в те годы на радиостанции «Голос Америки» Л. Оболенской-Флам, прозаик решил выпустить текст в «тамиздате»¹⁹⁹ (решение, которое принимали многие официальные писатели тех лет²⁰⁰). Однако, несмотря на то, что в то время выход произведений советских литераторов за рубежом стал уже обычной практикой, на которую власть смотрела сквозь пальцы²⁰¹, публикация «Ожога» за границей проходила непросто.

Хотя с текстом были знакомы только двадцать «надежных», по мнению В. Аксенова, людей²⁰², об «Ожоге» и намерении его автора напечататься узнали в КГБ, и «летом 1977 года к [Аксенову] пришли полковник Карпович и куратор [писателя] Зубков – договариваться, чтобы [он] не печатал “Ожог”»²⁰³. Стремление представителей власти «договориться» было вполне объяснимо, поскольку репутация Василия Аксенова в литературных кругах («даже секретари

¹⁹⁴ См.: Садовников Г. Мой одноклассник Вася [Электронный ресурс] // Интернет-издание журнала «Казань». 13.08.2012. Режим доступа: <http://kazan-journal.ru/pages/item/368-moy-odnoklassnik-vasya>; Новохватко В. Белые вороны Политиздата // Знамя. 2013. № 5. С. 97–115.

¹⁹⁵ См.: Кабаков А., Попов, Е. АКСЕНОВ. М., 2011. С. 334.

¹⁹⁶ Сидоров Е. Аксенов в «Юности» [Электронный ресурс] // Новое Знамя. 2012. № 7. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/7/s12.html>

¹⁹⁷ См.: Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции / Ред.-сост. В. Есипов. М., 2012. С. 113.

¹⁹⁸ См.: Садовников Г. Мой одноклассник Вася [Электронный ресурс] // Интернет-издание журнала «Казань». 13.08.2012. Режим доступа: <http://kazan-journal.ru/pages/item/368-moy-odnoklassnik-vasya>

¹⁹⁹ Оболенская-Флам Л. О встрече с Аксеновым // Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции. М., 2012. С. 173.

²⁰⁰ См.: Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ей в фильме Олега Дормана. М., 2016. С. 300–301.

²⁰¹ См.: Шаповал С. Беседа с Битовым А. Г. Призраки и души [Электронный ресурс] // Независимая газета. 23. 05. 2003. Режим доступа: http://www.ng.ru/saturday/2003-05-23/13_bitov.html

²⁰² См.: Садовников Г. Мой одноклассник Вася [Электронный ресурс] // Интернет-издание журнала «Казань». 13.08.2012. Режим доступа: <http://kazan-journal.ru/pages/item/368-moy-odnoklassnik-vasya>

²⁰³ Петров Д. Василий Аксенов. Сентиментальное путешествие [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. Режим доступа: <http://www.fanread.net/book/9412958/?page=36>

Союза [писателей] называли его Василием Павловичем»²⁰⁴), не позволяла обращаться с ним, как с другими²⁰⁵. Автору было предложено отказаться от издания «Ожога» за рубежом в обмен на некоторые уступки со стороны властей.

На тот момент у прозаика были проблемы, связанные с публикацией некоторых произведений в СССР. «Меня, признаться, раздражали слухи, что я кончился как писатель. Был, дескать, писателем “молодежной темы” и выдохся. В то время как это были годы самой интенсивной работы. <...> Поденной работы в кино и издательствах было хоть отбавляй, свои же вещи я уже отчаялся напечатать»²⁰⁶; «В столе лежали повести “Стальная птица”, “Золотая наша железка”»²⁰⁷.

Аксенову пообещали, что его оставят в покое, и «все проекты будут продолжаться»²⁰⁸. Однако, по более позднему замечанию самого писателя, «наврали»²⁰⁹. Несмотря на то, что ему разрешались заграничные командировки, за ним «пустили хвост», а «Золотая наша железка» и «Стальная птица», хотя «часто были близки к публикации, но какая-то рука в последний момент их останавливала»²¹⁰.

В результате Аксенов все же решил выпустить «Ожог» за рубежом, и, несмотря на попытки представителей советской власти воспрепятствовать изданию романа, его выход состоялся. Писатель А. Гладилин, друг В. Аксенова, вспоминал: «При Брежневле игры стали жестче и изощренней. Звонит мне в Париж <...> знаковый итальянский переводчик в полной панике. Он перевел аксеновский “Ожог” на итальянский. Книга готова, тираж отпечатан, а тут приехала дама из Москвы, утверждает, что она лучшая подруга Аксенова, и от его

²⁰⁴ Цит. по: Рыбас Е. В. Аксенов. Космополит и антисоветчик с раздвоенной душой [Электронный ресурс] // КТО есть КТО. 2006. № 1. Режим доступа: http://whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/12006/val.htm

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Минчин А. Двадцать одно интервью. Интервью с писателем Василием Аксеновым [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. Режим доступа: <http://www.litmir.me/br/?b=231694&p=2>

²⁰⁷ Сидоров Е. Аксенов в «Юности» [Электронный ресурс] // Новое Знамя. 2012. № 7. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/7/s12.html>

²⁰⁸ Встречи для вас: Василий Аксенов, эфир 1993 года [Электронный ресурс] // StaroeTv.su. Режим доступа: http://staroetv.su/video/vip/14916/1_kanal_ostankino/vstrechi_dlja_vas_1_j_kanal_ostankino_1993_vasilij_aksenov

²⁰⁹ Там же. Режим доступа: http://staroetv.su/video/vip/14916/1_kanal_ostankino/vstrechi_dlja_vas_1_j_kanal_ostankino_1993_vasilij_aksenov

²¹⁰ Минчин А. Двадцать одно интервью. Интервью с писателем Василием Аксеновым [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. Режим доступа: <http://www.litmir.me/br/?b=231694&p=2>

имени требует пустить тираж под нож или задержать выход “Ожога” хотя бы на год. Знаешь ли ты эту даму? Я отвечаю – мол, знаю, при мне еще был их роман, тут она не врет. Но мы с Аксеновым рассматривали все варианты и такой тоже. Поэтому последнее слово за мной. И я говорю: “Немедленно пустить «Ожог» в продажу”»²¹¹.

Непростая публикация текста, особый интерес к нему со стороны КГБ, причиной которого, по словам Аксенова, послужило что-то личное («Кому-то жутко у них там не понравилось <...>. Там еще особое какое-то отношение было, потому что один из пришедших мне сказал: “А вы знаете прототип вашего чекиста Ченцов ... он у нас до сих пор работает”»²¹²), обеспечили роману репутацию «антисоветского»²¹³, хотя это определение огрубляет содержание текста²¹⁴, который создавался официальным участником литературного процесса и, как уже было отмечено ранее, изначально был рассчитан на публикацию в СССР.

С одной стороны, Аксенов пишет о т.н. чехословацких событиях, причем – в разрез с поддерживаемой властями версией произошедшего как кампании по спасению братского социализма²¹⁵, а также упоминает знаменитую «демонстрацию семерых»²¹⁶, говоря о которой, художник И. Макаревич вспоминает, что все делали вид, «будто не было этой демонстрации»²¹⁷. Кроме того, писатель затрагивает «лагерную» тему, находившуюся в 1970-е под

²¹¹ Гладилин А. Аксеновская сага // В. Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции. М., 2012. С. 71.

²¹² Встречи для вас: Василий Аксенов, эфир 1993 года [Электронный ресурс] // StaroeTv.su. Режим доступа: http://staroetv.su/video/vip/14916/1_kanal_ostankino/vstrechi_dlja_vas_1_j_kanal_ostankino_1993_vasilij_aksenov

²¹³ См.: Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции / Ред.-сост. В. Есипов. М., 2012. С. 560.

²¹⁴ См.: Петров Д. Аксенов. М., 2012. С. 159.

²¹⁵ Любые отклонения от этой версии жестко отслеживались и пресекались цензурой. На последнее указывает ряд свидетельств, среди них приведенный писателем В. Войновичем случай, когда цензорам показался сомнительным эпизод из детского фильма «Внимание, черепаха!» (год выхода на экраны – 1968), в котором колонна советских танков натывается на черепаху, и командир дает приказ сойти с дороги и обогнуть ее. Один из редакторов посчитал, что под черепахой создатели мультфильма имели в виду Чехословакию и фрагмент тайно отсылал к известным событиям «Пражской весны» (См.: Блюм А. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790-1990: Опыт комментированной антологии. СПб., 2011. С. 574). О том же вспоминает Л. Лунгина (См.: Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М., 2016. С. 346).

²¹⁶ При этом Аксенов пишет не только о ней, но и о ее участниках, причем как о героях. Их имена появляются в прокламации, которую печатает одна из героинь романа Нина: «Боритесь против нарушения гражданских прав и за освобождение героев демократического движения генерала Григоренко, Владимира Буковского, Натальи Горбаневской, Андрея Амальрика и сотен других»²¹⁶ (Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 412).

²¹⁷ Елагина Е., Макаревич И. Диалогический монолог «про это» // Эти странные семидесятые. М., 2010. С. 69.

неофициальным запретом²¹⁸. К этому его подтолкнуло пражское вторжение: «Я очень долго не хотел касаться лагерной жизни. Такая была эйфория тогда, в начале 60-х. Как деревенский праздник – все казалось радостным карнавалом. <...> В шестьдесят восьмом году, когда произошла оккупация Чехословакии, вот тогда рассеялись последние иллюзии, и я понял, что нужно написать <...> что-то действительно серьезное. В шестьдесят девятом году я начал писать “Ожог”»²¹⁹. Поднимает Аксенов и «общеизвестную»²²⁰, но не упоминаемую на уровне официального дискурса тему отсутствия творческой свободы в СССР. В совокупности это способствует восприятию его романа как примера инакомыслия.

С другой стороны, то, как интерпретируются выше перечисленные «проблемные» темы в «Ожоге», свидетельствует об узости истолкования текста только как антисоветского.

В этом смысле показательна глава романа «Потом пошел дождь», которая отсылает к обстоятельствам, последовавшим за пражскими событиями. Последние представлены в ней как трагедия для главных героев «Ожога». Саксофонист Самсон Аполлинарьевич Саблер называет август 1968 года «августом Шестьдесят Проклятого»²²¹. Он же вступает в драку с другим героем, начавшим «говорить гадости о чехах»²²². Вместе с писателем Пантелеем Аполлинарьевичем Пантелеем, скульптором Радием Аполлинарьевичем Хвастичевым, хирургом Геннадием Аполлинарьевичем Малькольмовым, ученым Аристархом Аполлинарьевичем Куницером, своими «братьями по таланту и судьбе»²²³, Саблер, узнав о том, что произошло в Праге, напивается и бросает вызов «Единодушному одобрению»²²⁴.

²¹⁸ См.: Беляев А. А. Литература и лабиринты власти: от «оттепели» до перестройки. М., 2009. С. 21; С. 49.

²¹⁹ Кузнецова И. Мой дом там, где мой рабочий стол. Беседа с Василием Аксеновым // Вопросы литературы. 1999. № 2. С. 290.

²²⁰ Определение писателя А. Битова (См.: Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 407).

²²¹ Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 29.

²²² Там же. С. 30.

²²³ Вайль П., Генис А. Советское барокко // Вайль П., Генис А. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2004. С. 376.

²²⁴ Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 31.

Однако трудно не заметить, что наравне с очевидным неприятием действий советских властей в отношении «Пражской весны», главные герои чувствуют себя сопричастными этим действиям. Сопричастность находит выражение в исполнении ими «Марша советских танкистов» («<...> мы были дурными голосами любимую песню нашего детства “Броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди мужеством полны, в строю стоят советские танкисты, своей великой родины сыны”»²²⁵), а также в заявлении Саблера: «Все мы, грязные свиньи, были виноваты в случившемся»²²⁶. «Антисоветские» взгляды соседствуют в сознании героев с ощущением собственной «советскости».

Кроме того, обращает на себя внимание и то, что, несмотря демонстрируемое героями инакомыслие в ряде вопросов, к некоторым его проявлениям они относятся скептически, даже издевательски. К примеру, Куницер, хотя и «был одним из тех, что призывали “выйти на улицы”», «присоединяться к тем Пяти!»²²⁷ (имеется в виду «демонстрация семерых»), при посещении квартиры Аргентова – «штаба свободной мысли»²²⁸, вспоминает следующее: «Сырой зимой 66-го Москва судила двух парней <...>. Тогда-то дом Аргентова пережил свой звездный час <...> Письма, правда, составлялись, и все в большем и большем количестве – в Союз Писателей, в Академию наук, в Президиум Верховного Совета, в ЦК, в ООН... Письмо Двенадцати, Письмо Шестидесяти Четырех, Письмо Двадцати Семи... <...> Режим хмуро молчал, на претензии сучки-интеллигенции не отвечал, но лишь вяловато, туповато, “бескомпромиссно” делал свое дело. <...> Мрачнели, пустели “московские дома”, затихали гитары. В доме Аргентова все больше стало попахивать запойной желчью, дизентерийной хлоркой, мужским климаксом»²²⁹. На сообщение же Аргентова, что сейчас в его квартире собирается «социал-демократическая

²²⁵ Там же. С. 31.

²²⁶ Там же. С. 32.

²²⁷ Там же. С. 472; С. 473.

²²⁸ Там же. С. 473.

²²⁹ Там же. С. 471.

партия», Куницер спрашивает: «Старик Аргентум, а без этого нельзя? Без партии-то разве нельзя?»²³⁰.

На наш взгляд, обращаясь к «крамольным» темам, Аксенов не делает их главными. Основной для него является тема разномыслия.

В том числе это прослеживается в эпизоде, в котором Аксенов касается темы творческой несвободы и который отсылает к известной кремлевской встрече литераторов с Н. Хрущевым в марте 1963 года²³¹. В нем изображается встреча в Кремле писателя Пантелея с Главой Кукитой Кусеевичем²³². Не давая вышедшему на трибуну Пантелею высказаться, прерывая его, Глава заявляет: «Распустились, понимаете ли! Пишут черт-те что! <...> Ни пейзажа, товарищи, ни стройной фабулы, ни одного рабочего даже на уровне райкома нету!»²³³. В ответ на это писатель Пантелей, «ревизионист и битник»²³⁴, просит позволить ему спеть и исполняет «Песню варяжского гостя» – арию из оперы «Садко». В результате он получает одобрение Главы²³⁵ и на вопрос Кукиты Кусеевича «С кем хотите петь?» отвечает: «С моим народом, с партией»²³⁶.

Наравне с проявлениями инакомыслия Аполлинарьевичей, автор описывает и проявления их коллаборационизма. «Открытая Куницером формула закладывает основание для нового оружия массового поражения, собранная Малькольмовым “лимфа Д” <...> потрачена им на реанимацию палача; любимая скульптура Хвастищева – огромный динозавр, названный им “Смирение”, – покидает мастерскую и вместе с советскими танками отправляется топтать “Пражскую весну”»²³⁷.

²³⁰ Там же. С. 478.

²³¹ Провести параллели можно, обратившись к тексту стенограммы встречи, приведенной в книге И. Вирабова «Андрей Вознесенский» (Вирабов И. Андрей Вознесенский. М., 2015. С. 225–235).

²³² Судя по имени, фонетически приближенного к имени Никита Сергеевич и содержащего аллюзии на известное хрущевское выражение «Мы вам кукиш показываем: накося, выкуси» (См.: Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). В 4 книгах [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Хронос». Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_h/hrush00.php), Кукита Кусеевич является прототипом Н.С. Хрущева.

²³³ Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 145.

²³⁴ Там же. С. 143.

²³⁵ Это довольно символично, учитывая, что исполненная Пантелеем ария из известной как любимая оперы И. Сталина «Садко».

²³⁶ Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 147.

²³⁷ Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 2. М., 2001. С. 107.

Тема разномыслия поднимается писателем и в главах, посвященных лагерному прошлому героев, которое у всех Аполлирьевичей одинаково, что передано в романе буквально – общее для всех них, оно представлено в истории мальчика Толи фон Штейнбока, приехавшего в Магадан к матери, которая «отсидела десять лет»²³⁸.

Образ жизни Толика сочетает в себе признаки как «советского», так и «несоветского». С одной стороны, он комсомолец²³⁹, с другой – сын «врагов народа». С одной стороны, он пишет лучшее в классе сочинение, тема которого «Город желтого дьявола»²⁴⁰ не может не отсылать к обличительному очерку М. Горького о Нью-Йорке, с другой – увлекается американскими вестернами²⁴¹. Осознанным это одновременное пребывание в двух мирах становится для Толи после повторного ареста матери. Наблюдая арест как бы со стороны, фон Штейнбок слышит, что на вопрос офицеров «Зачем вам кресты?» мать, будучи верующей, тем не менее отвечает: «Это... это просто украшения»²⁴². Толик замечает «смущение мамы» и понимает, что «мама не просто боится, она еще и стыдится своей тайной веры»: «Ей стыдно потому, что она все еще советская, догадался вдруг сторонний наблюдатель. Советская, несмотря на два года политизолятора и восемь лет колымских лагерей, она советская, как и я советский»²⁴³.

Характерно, что в романе религия представлена как единственно возможный выход из духовного кризиса. Обращение к ней спасает от самоубийства Толю, она же дает надежду на воскресение и Последнему Пострадавшему (в него перевоплощаются Аполлинарьевичи). Испробовав все пути – от посещения богемных тусовок до игры в возвращение к русским корням, но так и не найдя выхода из духовного тупика, Последний Пострадавший совершает прыжок. После него он обнаруживает себя в «пригодном для

²³⁸ Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 210.

²³⁹ Там же. С. 336.

²⁴⁰ Там же. С. 336.

²⁴¹ Там же. С. 433.

²⁴² Там же. С. 362.

²⁴³ Там же. С. 362.

кувыркания» космическом пространстве²⁴⁴, где слышит слово о Боге и получает возможность духовного возрождения: «Сейчас ты отпал от Бога и окружен страшными символами своего несчастья, но бог посылает тебе мысль о себе, и это надежда»²⁴⁵. Однако при этом в «Ожоге» отмечается, как стыдится своей веры мать Толи, как стыдятся ее главные герои «Ожога» («На шее незадачливого Пантелея действительно висел католический крест, оставшийся со времен Толи фон Штейнбока.<...> все пятеро наследников нищего багажа хранили крестик, тщательно оберегая его от посторонних глаз, стыдясь – вот именно стыдясь – его несвоевременного смысла»²⁴⁶). Кроме того, обращает на себя внимание воспоминание писателя Пантелея, отмечающего, что «сравнительно недавно в голоштанном вольном Коктебеле стали появляться молодые супермены с крестами». «Пантелей понял, что его тайный *стыдный* (курсив наш. – В. Д.) талисман превратился в снобистское, эпатирующее жлобов украшение»²⁴⁷. Таким образом, автором вновь подчеркивается проявление разномыслия героев – уже в отношении религии, черта вполне характерная для интеллигенции 1970-х. Судя по воспоминаниям свидетелей тех лет и исследователей, мотивы, по которым люди обращались к религии, были довольно разнообразными – от простого любопытства до расширения собственного культурного горизонта²⁴⁸, от стремления «бросить вызов властям»²⁴⁹ до «поиска нравственных доминант»²⁵⁰. Это нашло отражение в «Ожоге», который, по словам писателя Александра Кабакова, был «романом энциклопедическим», запечатлевшим то, «чем и как жила советская художественная интеллигенция»²⁵¹.

²⁴⁴ Там же. С. 629.

²⁴⁵ Там же. С. 633.

²⁴⁶ Там же. С. 143.

²⁴⁷ Там же. С. 143.

²⁴⁸ Балла О. Мыслители XX века: Сергей Аверинцев [Электронный ресурс] // Живой журнал Gertman (Балла О.). Режим доступа: <http://gertman.livejournal.com/33264.html>

²⁴⁹ Кузнецова И. Мой дом там, где мой рабочий стол. Беседа с Василием Аксеновым // Вопросы литературы. 1999. № 2. С. 289.

²⁵⁰ Харитонов Д. В. Поиск нравственных доминант советской интеллигенцией в романе В. Аксенова «Ожог» // Вестник челябинского государственного университета. 2003. № 1. С. 26–34.

²⁵¹ Кабаков А., Попов, Е. АКСЕНОВ. М., 2011. С. 334.

Действительно, «лагерные» главы романа отсылают к реальному опыту самого писателя²⁵²; опыту его матери Евгении Гинзбург, «генетическая» связь «Ожога» с мемуарами которой более чем очевидна²⁵³; опыту многих его современников²⁵⁴. Эпизоды, констатирующие зависимость стремящегося к творческой свободе художника от власти также отражают положение дел, реальное как для самого Аксенова, так и для других участников официального литературного процесса²⁵⁵. Реакция же героев на пражские события, описанная в во многом автобиографичной главе «Потом пошел дождь»²⁵⁶, мало чем отличается от реакции таких же, как и Аксенов, представителей интеллигенции. Так, явные переключки с «Ожогом» содержатся в воспоминаниях поэта Евгения Евтушенко, который в день вторжения в Прагу находился, как и Аксенов, в Крыму, в Коктебеле. Достаточно сравнить. В. Аксенов: «Тогда в августе Шестьдесят Проклятого они все были в Крыму и вдруг узнали, открыли было рты, чтобы устроить дикий хай, и вдруг заткнулись. Они не понимали, что происходит, почему они не вопят, но рты открывали только для водки <...>, и чуть не сдохли от своей страшной музыки, от водки и молчания»²⁵⁷. Е. Евтушенко: «Выслушав отечественную радиогейббельсовщину о том, что наши танки приглашены самим чехословацким народом, мы с Аксеновым молча направились в поселковую столовую, где продавалась водка, <...> мы пили и плакали»²⁵⁸. В. Аксенов: «Вдруг мы заметили, что на нас смотрит множество глаз. Это была длинная молчаливая очередь в душ. <...> Тогда кто-то из нас, может быть, Левка, может быть, я, может быть, Юзик или еще кто-то вскочил <...> и

²⁵² Арест и ссылка матери Евгении Семеновны Гинзбург, вышедшей замуж за русского немца А. Вальтера (прототип Мартина в «Ожоге»), переезд Аксенова к ней в Магадан в подростковом возрасте (См.: Dalgard P., Lauridsen I. Interview with V. P. Aksenov // Vasilij Pavlovich Aksenov: a writer in quest of himself. Bloomington, 1986. P. 15; Петров Д. П. Аксенов. М., 2012. С. 157).

²⁵³ Сравните: Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 359–366 и Гинзбург Е. Крутой маршрут. М., 2015. С. 567.

²⁵⁴ Писателей Ю. Трифонова, Ф. Искандера, К. Икрамова, редактора В. Новохватко и др.

²⁵⁵ Например, для поэта А. Вознесенского, послужившего одним из прототипов писателя Пантелея. На последнее указывает то, что речь Пантелея во время кремлевской встречи с Главой отсылает не только к выступлению В. Аксенова на встрече с Н. С. Хрущевым в марте 1963 и его статье «Ответственность перед народом», опубликованной после в апрельском номере журнала «Юность» за 1963 год, но и к выступлению А. Вознесенского. Провести параллели можно, обратившись к тексту стенограммы встречи, приведенной в книге И. Виравова «Андрей Вознесенский» (Виравов И. Андрей Вознесенский. М., 2015. С. 225–235).

²⁵⁶ См.: Dalgard P., Lauridsen I. Interview with V. P. Aksenov // Vasilij Pavlovich Aksenov: a writer in quest of himself. Bloomington, 1986. P. 15; Петров Д. П. Аксенов. М., 2012. С. 157.

²⁵⁷ Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 31.

²⁵⁸ Евтушенко Е. А. Волчий паспорт. М., 1998. С. 299.

завопил: “<...> Эй, вы, Единодушное Одобрение, трусы проклятые <...>!” Девушки наши решили, что агитатора сейчас убьют, но Единодушное одобрение молчало <...> Вокруг на огромных просторах Оно ехало мимо нас на автобусах и самолетах, развозило из Москвы в сетках апельсины <...> и кovalo, кovalo, кovalo “чего-то железного” и ехало по Средней Европе, выставив оружие»²⁵⁹. Е. Евтушенко: «Вдруг пошатывающийся от водки и отчаяния Аксенов обратился к очереди: “А вы знаете, что произошло сегодня ночью?” Очередь молчала. <...> Наконец <...> здоровенный парень <...> неприветливо пробурчал: “Ничего особенного. Наши ребята в Праге. Чтобы реваншисты из ФРГ туда не вперлись...” <...> “Вы знаете, кто вы такие? Вы рабы собственного невежества, собственного равнодушия. Вы рабы той тарелки с прокисшим винегретом, за которой вы стоите. А в это время ваши танки дают свободу в Праге, потому что вы хотите, чтобы такое же рабство, как у нас, было везде”»²⁶⁰. В. Аксенов: «<...> а полурасколотый транзистор все кричал слабым голосом Ганзелки: “Не молчите! Друзья!” <...> а мы теперь уже и не молчали, мы были дурными голосами любимую песню нашего детства “Броня крепка и танки наши быстры, и наши люди мужеством полны, в строю стоят советские танкисты, своей великой родины сыны”»²⁶¹. Е. Евтушенко: «Придя домой, я бросился к радиоприемнику, и в него попал голос моего старого друга журналиста Мирека Зикмунда, объехавшего со своим соратником Иржи Ганзелкой <...> почти весь мир. <...> “Женя Евтушенко, ты слышишь меня? – кричал Мирек. – Помнишь, как мы сидели с тобой у костра в твоей родной Сибири и говорили о социализме с человеческим лицом? Женя, почему же ваши танки у нас на улицах?”»²⁶². Кроме воспоминаний Е. Евтушенко, есть и другие свидетельства, отразившие вызванный пражскими событиями кризис советской идентичности и одновременное ему ощущение собственной «советскости», «схваченные» Аксеновым. Так, П. Вайль и А. Генис пишут: «Осознать преступность своей родины, чтобы возвыситься над

²⁵⁹ Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 32.

²⁶⁰ Евтушенко Е. А. Волчий паспорт. М., 2015. С. 299–300.

²⁶¹ Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 31.

²⁶² Евтушенко Е. А. Волчий паспорт. М., 2015. С. 300.

ней, взвалить на весы совести правду одного против лжи всех – это было страшным испытанием для советской интеллигенции <...> самых многочисленных [это привело] к компромиссу двоемыслия»²⁶³.

Несогласие с действиями советских властей в отношении «Пражской весны», а также «несоветский» опыт пребывания в лагерях и посещения диссидентских квартир, религиозный и новый эстетический опыт не отменяли присущую сознанию представителей интеллигенции 1970-х «советскость». Именно это состояние разномыслия и было зафиксировано Аксеновым в «Ожоге», не только став темой романа, но и найдя выражение в его структуре.

Повествование в тексте представляет собой преимущественно «поток сознания» главных героев – типичных представителей интеллигентской среды 1970-х²⁶⁴: физика Куницера, врача Малькольмова, саксофониста Саблера, скульптора Хвасищева и писателя Пантелея. «Поток сознания» образуют отсылки к актуальным для интеллигенции тех лет текстам, например, к произведению В. Войновича «Путем взаимной переписки», опубликованному в «тамиздатовском» журнале «Грани» (№87/88)²⁶⁵, или «трехфразовому тексту» А. Солженицына «Стыдно быть советским!», «выводу <...> из Чехословакии»²⁶⁶, сделанному писателем после интервенции советских войск в Прагу²⁶⁷ и т.д.; колебания героев между поддержкой и критикой диссидентства, «преклонением перед Западом» и обращением к «русским корням», вступлением в социал-демократическую партию и уходом в религию; новые «чуждые» и «гибридные» (полусоветские/ полуанархистские) ценности. Это позволяет писателю передать феноменальную пестроту, присущую сознанию советской интеллигенции тех лет.

При этом значительную часть в «потоке» занимают воспоминания героев о прошлом, в котором каждый из них был колымским и вместе с тем советским

²⁶³ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека // Вайль П., Генис А. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2004. С. 880. См. также: Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М., 2016. С. 307–310. Чудакова М. О. Пора меж оттепелью и застоём (Ранние семидесятые) // Семидесятые как предмет истории русской культуры. Москва–Венеция., 1998. С. 93.

²⁶⁴ Об этом свидетельствует присвоение героям культовых для этой среды профессий (Щеглов Ю. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова. Комментарий. М., 2013. С.10).

²⁶⁵ Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 471.

²⁶⁶ Солженицын. А. Бодался теленок с дубом. Париж, 1975. С. 214–215.

²⁶⁷ Там же. С. 214–215.

мальчиком Толей фон Штейнбоком, что делает акцент на сосуществовании в их сознании признаков «несоветского» и «советского».

С одной стороны, такая структура, позволившая автору «Ожога» запечатлеть описываемое им разномыслие, отсылала к «чуждым» модернистским экспериментам и, например, К. и Э. Профферами была воспринята как «вызов цензуре формы»²⁶⁸, а с другой – обнаруживала в себе признаки традиционного для советской литературы жанра романа эпопейного типа²⁶⁹. Так, например, Аксенов повествует о судьбе своего поколения, переживающего переломные события «Пражской весны», через описание частной жизни героев, являющихся своего рода братьями. На то, что Самсон Саблер, Аристарх Куницер, Радий Хвастышев, Геннадий Малькольмов и Пантелей Пантелей – братья, указывает общее для всех отчество «Аполлинарьевич». И хотя главные герои «сливаются» сначала в Толика фон Штейнбока, а затем в Последнего Пострадавшего, каноническая форма, отличительной чертой которой является «изображение частной семейной истории на фоне больших исторических событий»²⁷⁰, все же угадывается за «квазимодернизмом»²⁷¹ Аксенова.

Став темой романа и обусловив оригинальную манеру повествования, разномыслие проявилось в том числе на уровне поэтики текста. Об этом свидетельствуют и образы главных героев «Ожога», в которых «несоветские» черты сочетаются с чертами, присущими персонажам произведений, выходивших в официальной советской печати.

С одной стороны, Аполлинарьевичи большую часть времени находятся в состоянии алкогольного опьянения, занимаются сексом²⁷², посещают богемные вечеринки и участвуют в манифестациях против войны во Вьетнаме²⁷³. Это делает

²⁶⁸ Липовецкий М. «Ардис» и современная русская литература // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 160.

²⁶⁹ Литовская М. А. Социалистический реализм как «образцовый» творческий метод // Филологический класс. 2008. № 19. С. 20.

²⁷⁰ Там же. С. 20.

²⁷¹ Определение М. Н. Липовецкого (См. Липовецкий М. «Ардис» и современная русская литература // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 153–166).

²⁷² Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 413; С. 514; С. 595.

²⁷³ Там же. С. 152; С. 233.

их подобными «битникам», «ворам и пьяницам», «галлюцинирующим монстрам», т.н. «антигероям» зарубежных романов, осуждаемым советской критикой²⁷⁴.

С другой – они не стоят «в стороне от больших дорог современности», что вменялось в вину советскими критиками героям ранних произведений В. Аксенова²⁷⁵. Все Аполлинарьевичи имеют профессию, не просто успешны в своем деле, а являются в нем выдающимися, и, как следствие, не только «вписаны» в советское общество, но находятся на вершине его иерархии.

При этом, воплощая «советский идеал в области личного жизнеустройства»²⁷⁶, Саблер, Куницер, Малькольмов, Пантелей и Хвастичев в ряде эпизодов обнаруживают сходство с супергероями. В одной из глав хирург Геннадий Малькольмов описан как «аттрактивный сорокалетний мужчина-хирург-супермен, загорелая бестия, оваянный легендами на весь институт почти-профессор»²⁷⁷.

Напомним, что образ супергероя, представленный в зарубежной литературе, осуждался советской критикой, как образ «антигероя», поскольку считалось, что первый, как и второй, «демонстративно противопоставлен всякой общественной нормативности»²⁷⁸. Однако он не был так уж чужд советской литературе с ее стремлением изобразить «советского совершенного человека» и возникшей в «1960-е» модой на описание «многогранной личности»²⁷⁹. Об этом свидетельствует то, что в текстах Аксенова, опубликованных в СССР в годы оттепели и в долгие семидесятые, встречаются разные интерпретации образа «супергероя». Это студент Олег из «Пора, мой друг, пора», Глеб Шустиков из «Затоваренной бочкотары», Геннадий Стратофонтов из повести «Мой дедушка – памятник» и другие фигуры, «собирающие в одном лице разнообразнейшие таланты и достижения, от сочинения музыки и стихов до всех видов

²⁷⁴ См.: Кукаркин А. В. По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология. М., 1974. С. 70; С. 80.

²⁷⁵ См.: Карпенко Г. Ю. Литературная критика о творчестве В. Аксенова // Василий Аксенов: литературная судьба : сборник статей. Самара. 1994. С. 21.

²⁷⁶ Щеглов Ю. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова. Комментарий. М., 2013. С. 9.

²⁷⁷ Аксенов В. П. Ожог. М., С. 63.

²⁷⁸ Кукаркин А. В. По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология. М., 1974. С. 87.

²⁷⁹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека // Вайль П., Генис А. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2004. С. 740.

профессионального спорта, от знания иностранных языков до владения редкими оккультными “воинскими искусствами”, от доступа к новейшим удобствам и игрушкам западной технологии до панибратства со всеми мировыми знаменитостями»²⁸⁰. Наличие черт супергероев у главных персонажей «Ожога» еще не делает последних однозначно «несоветскими».

Более того – в образах Аполлинарьевичей, с одной стороны, «антигероев», с другой – «супергероев», с третьей – признанных истеблишментом физика, скульптора, писателя, врача и музыканта, Аксенов запечатлел типичного «разномыслящего» представителя интеллигенции 1970-х, в котором «методичное, даже системное саморазрушение, энтропически-протеистическая философия, познание себя и Бога через бутылку»²⁸¹ сочетались с «полу-стоическим, полу-эскапистским решением “делать свое дело”»²⁸² и чье поведение, по замечанию А. Жолковского, представляло собой «уникальный сплав принципиальности и цинизма, суперменства и приспособленчества»²⁸³.

Речь главных героев, так же, как и их образ жизни, сочетает в себе признаки «недопустимого» и «дозволенного».

С одной стороны, в ней содержится обценная лексика. Подобный «натурализм», неуместный в советское время даже при описании маргинальной личности в маргинальной обстановке, был и вовсе неприемлем в изображении «нормального» члена общества, поскольку подобная смена языковой картины мира нарушала моделируемое официальным дискурсом представление о нем. Так, писатель Сергей Лукьяненко отмечает: «[В советское время] в СМИ или книгах мат был совершенно неуместен и невозможен. Писатели обходились эвфемизмами даже в случае относительно невинных слов, в ином значении широко употребляемых, к примеру, собаководствами»²⁸⁴. Однако в

²⁸⁰ Щеглов Ю. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова. Комментарий. М., 2013. С. 9.

²⁸¹ Кизельватер Г. От составителя // Эти странные семидесятые, или потеря невинности: Эссе, интервью, воспоминания. М., 2010. С. 13.

²⁸² Жолковский А. К. Из истории вчерашнего дня // Семидесятые как предмет истории русской культуры. Москва–Венеция, 1998. С. 135.

²⁸³ Там же. С. 135

²⁸⁴ Цит. по: Каплан В. Ненормативная лексика в художественной литературе, или кому и зачем она нужна // Фома. Режим доступа: <http://foma.ru/nenormativnaya-leksika-v-xudozhestvennoj-literature.html>.

действительности, по замечанию самого В. Аксенова, поскольку «язык тех лет возник под влиянием двух мощных институтов той жизни – лагеря, через который прошли десятки миллионов людей, и армии, в которой служил почти каждый мужчина», общество не могло говорить по-другому²⁸⁵. Поэтому в «Ожоге» мат возникает и в речи представителей советской власти, в частности, сотрудников КГБ, маркируя их склонность к насилию²⁸⁶, и в репликах посетителей «мужского клуба» (советской пивной)²⁸⁷, а также других маргинальных личностей²⁸⁸, к примеру, «маглаговца» Сани Гурченко²⁸⁹, и в речи представителей творческой интеллигенции²⁹⁰, в том числе главных героев²⁹¹.

С другой стороны, наравне с обценной лексикой, автор «Ожога», в стремление изобразить достоверный портрет поколения прибегает к жаргону²⁹² и сленгу²⁹³, которые, хоть и были объектом официальной критики²⁹⁴, «проходили» в советскую печать, о чем можно судить по опубликованным в СССР текстам самого Аксенова.

Другой пример выражения разномыслия связан с использованием в тексте английского языка. В одном из эпизодов романа автор полностью переходит на английский и ведет на нем повествование. В этом эпизоде главный герой «Ожога» Толя фон Штейнбок становится свидетелем того, как сотрудники НКВД допрашивают его друга Саню Гурченко: «Гурченко, лежащий на полу следственного кабинета, увидел вдруг за ногами офицеров <...> Толю. Он тут же оборвал свой вой и стоны <...>. Он молчал и тогда, когда капитан Чепцов бил его сапогом по почкам и в пах, и тогда, когда Чепцов наступил ему сапогом на лицо и встал на его лице, шутливо балансируя <...>. “Это еще что такое?! Кто такой?!” –

²⁸⁵ Стародубец А. В. Аксенов: От участи алкоголика меня спас письменный стол [Электронный ресурс] // Газета «Труд». Режим доступа: http://www.trud.ru/article/30-12-2004/81982_vasilij_aksenov_ot_uchasti_alkogolika_menja_spas_p.html

²⁸⁶ Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 99; С. 229; С. 272; С. 573.

²⁸⁷ Там же. С. 162.

²⁸⁸ Там же. С. 494; С. 601.

²⁸⁹ Там же. С. 442.

²⁹⁰ Там же. С. 220; С. 380.

²⁹¹ Там же. С. 86; С.125; С. 162; С. 552.

²⁹² Там же. С. 53; С. 94; С. 465 и др.

²⁹³ Там же. С. 83; С. 242; С. 554 и др.

²⁹⁴ См.: Карпенко Г. Ю. Литературная критика о творчестве В. Аксенова // Василий Аксенов: литературная судьба : сборник статей. Самара.1994. С. 21.

гаркнул в следующий момент следователь Борис. <...> “Take it easy! – said Von Steinbok with a smile. – Stay where you are, guys!” He took off his overcoat and came into the interrogation room. The officers both were frightened. They found themselves without arms. At the next moment Tolya was throwing a chair at Cheptsov and right away hitting another officer in the stomach. It was done! After a while Tolya and Sanya were out the door <...>. “They are trying to catch us!” – “Never mind! –Tolya laughed. – Look here! My favorite candy! Dynamite!” Чепцов ничего не сказал своему товарищу, шагнул в коридор, крепко взял фон Штейнбока за плечи, повернул к себе спиной и так сильно ударил ногой в зад, что Толя покатился в глубь коридора»²⁹⁵. Недопустимость пассажа на английском языке состоит не только в его малопонятности или непонятности вовсе широкому советскому читателю, что противоречит важной установке советской литературы на доступность²⁹⁶. Она обусловлена в том числе тем, что посредством английского языка в сознании героя возникает иная реальность, обнаруживающая в себе сходство с американскими вестернами и оппозиционная советской.

В то же время английский язык, появляясь в «Ожоге» в виде отдельных вкраплений в реплики персонажей, служит тем же целям, что и жаргон со сленгом, придавая некоторую вольность речевому портрету героев. В этой функции его использование было вполне допустимо, учитывая, что в таком виде английский встречается и в подцензурных текстах Аксенова²⁹⁷.

Наличие в «Ожоге», с одной стороны, приемов, которые относились к «дозволенным» (по крайней мере, такому писателю, как Аксенов), и тех, использование которых было немислимо в то время в советской печати, вполне объяснимо, учитывая, что в процессе создания романа автор сначала планировал, а затем передумал опубликовать его. Свою роль сыграло и другое. Так, друг и коллега Аксенова, писатель А. Кабаков, отмечает следующее: «“Ожог” – синтез. Все, что Василий наработал <...> во всех своих рассказах московско-тусовочных

²⁹⁵ Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 467.

²⁹⁶ См.: Литовская М. А. Социалистический реализм как «образцовый» творческий метод // Филологический класс. 2008. № 19. С. 19.

²⁹⁷ См.: Карпенко Г. Ю. Литературная критика о творчестве В. Аксенова // Василий Аксенов: литературная судьба : сборник статей. Самара. 1994. С. 16–24.

<...> непосредственно перешло в «Ожог». Плюс – несомненная связь с воспоминаниями Евгении Семеновны Гинзбург «Крутой маршрут». Плюс – мощнейший социальный заряд, а если прямо говорить – *впервые* несомненная антисоветчина»²⁹⁸. Действительно «Ожог» вобрал в себя весь опыт, как профессиональный, так и духовный, с которым Аксенов подошел к своему «сорокалетию»²⁹⁹, соединив в себе отголоски предшествовавших ему «подцензурных» произведений с маркируемыми как «не-» и даже «антисоветскими» приемами и темами.

Подходя уже к выводам, стоит отметить, что, несмотря на сходство аксеновского «Ожога» с описаниями «неофициальной, малотрезвой, расхристанной, богемно-андеграундной, прицерковно-диссидентской Москвы начала 70-х годов»³⁰⁰, выходящими в «самиздате», он все же отличался от них. Предпосылками к этому отличию было то, что роман В. Аксенова изначально все же планировалось опубликовать в СССР, а также то, что за плечами его автора, помимо репрессированных родителей, «пражских» событий и т.п., была энергичная деятельность в качестве члена «Союза писателей», признание «широким» читателем, всевозможные поощрения со стороны руководства, ситуации творческого компромисса и т.д. Получившийся на выходе текст включил в себя и тот, и другой опыт.

В результате интерпретация Аксеновым «пражской» и «лагерной» темы, а также темы творческой свободы расходится с их интерпретациями как в советском официальном, так и в традиционном антисоветском дискурсе, фиксируя разномыслие, бытовавшее в их отношении. Разномыслие в «Ожоге» подчеркивается и в описании всевозможных увлечений героев (религией, Западом, правозащитной деятельностью и т.д.), заключааясь не только в многообразии подобных увлечений, свидетельствовавшем об отсутствии

²⁹⁸ Кабаков А., Попов, Е. АКСЕНОВ. М., 2011. С. 366.

²⁹⁹ См.: письмо В. Аксенова И. Бродскому от 29 ноября 1977 года (Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции. М., 2012. С. 440), его интервью (Dalgard P., Lauridsen I. Interview with V. P. Aksenov // Vasilii Pavlovich Aksenov: a writer in quest of himself. Bloomington, 1986. P. 14–25) и замечание литератора Д. Быкова (Быков Д. Наш человек в раю. Судьба и книги Василия Аксенова // Эхо планеты. 2009. № 27. С. 43–45).

³⁰⁰ Ермолин Е. Владимир Кормер, его время и его герои // Континент. 2008. № 138. С. 427.

единомыслия в интеллигентской среде 1970-х, но и в неоднозначном к ним отношении со стороны типичных представителей последней.

Став главной темой аксеновского романа, разномыслие также повлияло на его структуру, придав тексту вид повествовательного эксперимента, отсылавшего к «чуждым» модернистским произведениям. Однако анализ показал, что Аксенов подчеркнуто соединял в тексте «недозволенные» и вполне «допустимые» литературные приемы, что также можно охарактеризовать как проявление его писательского разномыслия.

1.2. Разномыслие как свойство творческой рефлексии в романе Саши Соколова «Школа для дураков»

Известно, что «Школу для дураков» Саша Соколов написал, работая егерем в охотхозяйстве Тверской области³⁰¹, что текст романа был переправлен на Запад его будущей женой, гражданкой Австрии Иоханной Штайндль³⁰², что по дипломатическим каналам через Египет рукопись пришла в США на адрес Карла и Эллендеи Проффер, основателей издательства «Ардис»³⁰³, что там она была опубликована в 1976 году, переведена на английский и опубликована повторно в 1977³⁰⁴, наконец, что в СССР она была издана лишь в период гласности в 1989 году³⁰⁵. Все это, равно как и то, что автор романа вскоре после написания текста эмигрировал из Советского Союза, в немалой степени упрочило приписанную «Школе» «тамиздатовской» критикой репутацию образца инакомыслия³⁰⁶.

Однако следует иметь в виду, что с 1969 по 1971 год Соколов, сын привилегированного советского чиновника, работал в «Литературной России»³⁰⁷, общался по долгу службы с разными писателями, сочинял и публиковал собственные не только очерковые, но и художественные тексты (небольшие рассказы)³⁰⁸. Свои дела в Москве он считал «очень важными и интересными»³⁰⁹ и оставил их, став егерем, только, чтобы иметь время и силы написать свой первый роман, который «нельзя [было] писать, работая в штате и живя в шумном

³⁰¹ См.: Кравченко В. Интервью с Сашей Соколовым. О встречах и не встречах [Электронный ресурс] // Живой журнал vladkravchenko (В. Кравченко). Режим доступа: <http://vladkravchenko.livejournal.com/978.html>.

³⁰² См.: Усков Н. Ардис. Как спасали запрещенную русскую литературу [Электронный ресурс] // Сноб. 2013. № 09 (62). Режим доступа: <https://snob.ru/go-to-comment/653441>

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ См.: Кравченко В. Интервью с Сашей Соколовым. О встречах и не встречах [Электронный ресурс] // Живой журнал vladkravchenko (В. Кравченко). Режим доступа: <http://vladkravchenko.livejournal.com/978.html>.

³⁰⁶ См.: Karriker A. H. Double Vision: Sasha Sokolov's School for Fools // World Literature Today. 1979. № 53. P. 614; Boguslawski A. Sokolov's A School for fools: An Escape from Socialist Realism // The Slavic and East European Journal. 1983. № 27. P. 91; Proffer C., Proffer E. Contemporary Russian Prose. Ann Arbor: Ardis, 1982. P. 110.

³⁰⁷ См.: Врубель-Голубкина И. Саша Соколов: «Сколько можно на полном серьезе мусолить внешние признаки бытия?» [Электронный ресурс] // Интернет-издание «OpenSpace.ru». 31.10.2011. Режим доступа: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/31471/>

³⁰⁸ См.: Диваков С. Познавший природу тетивы // Вопросы литературы. 2013. № 1. С. 96; С. 101–107.

³⁰⁹ Кравченко В. Интервью с Сашей Соколовым. О встречах и не встречах [Электронный ресурс] // Живой журнал vladkravchenko (В. Кравченко). Режим доступа: <http://vladkravchenko.livejournal.com/978.html>. То же см.: Волчек Д. Беседа с Сашей Соколовым [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Радио Свобода». Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24200193.html>

городе»³¹⁰. И хотя законченный в 1973 году текст в 1976 был опубликован на Западе, сведения, касающиеся того, что Соколов даже не рассчитывал на издание романа в СССР, довольно противоречивы. Сам писатель в одном из интервью скажет, что он «не пытался никогда ходить по издательствам, <...> не хотел унижаться, искать какие-то связи, чтобы с их помощью как-то пробиться»³¹¹, но критик В. Бондаренко отметит, что «Школе для дураков» просто «не нашлось места в советских издательствах»³¹². Это заставляет более широко взглянуть на текст, пересмотрев закрепленный за ним ярлык радикальной альтернативы советскому искусству³¹³.

Как было отмечено ранее, подобному восприятию «Школа» была обязана не в последнюю очередь оценке западных славистов.

По мнению некоторых из них³¹⁴, произведение Соколова затрагивало проблему свободы индивидуального сознания в СССР. Школа для дураков, во дворе которой стоят скульптуры Ленина и Сталина – «два небольших меловых старика, один в кепке, а другой в военной фуражке»³¹⁵, понималась зарубежными критиками и исследователями как аллегория советской действительности³¹⁶. Населяющие же пространство школы персонажи, которые пытаются скорректировать «странности» главного героя, ученика Нимфеи, запрещая ему

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Терещенко М. Интервью с Сашей Соколовым. Я не принимаю большую часть русского словаря [Электронный ресурс] // Газета. 20. 12. 2014. Режим доступа: <http://www.elkost.com/authors/sokolov/interviews/1195-gazeta-2012-2004>

³¹² Бондаренко В. Сумеречное состояние Саши Соколова [Электронный ресурс] // Независимая газета. 15. 09. 2005. Режим доступа: http://www.ng.ru/kafedra/2005-09-15/3_sasha.html

³¹³ См.: Boguslawski A. Sokolov's A School for fools: An Escape from Socialist Realism // The Slavic and East European Journal. 1983. № 27. P. 91; Proffer C., Proffer E. Contemporary Russian Prose. Ann Arbor: Ardis, 1982. P. 110.

³¹⁴ См.: Karkiker A. H. Double Vision: Sasha Sokolov's School for Fools // World Literature Today. 1979. № 53. P. 612; Litus L. Sasa Sokolov's Skola dlya durakov: Aesopian language and Intertextual play // The Slavic and East European Journal. 1997. № 41. P. 120; Barton Johnson J. Introduction for Sasha Sokolov's «School for fools» [Электронный ресурс] // Web-site of University of California. Режим доступа: <http://elkost.com/authors/sokolov/media/854-introductionforsashasokolov>

³¹⁵ Соколов С. Школа для дураков. СПб., 2001. С. 124.

³¹⁶ См.: Boguslawski A. Sokolov's A School for fools: An Escape from Socialist Realism // The Slavic and East European Journal. 1983. № 27. P. 1983: 96; Litus L. Sasa Sokolov's Skola dlya durakov: Aesopian language and Intertextual play // The Slavic and East European Journal. 1997. № 41. P. 116; Kravchenko E. The Prose of Sasha Sokolov: Reflections on of the Real. London. 2013. P. 24.

одни действия и предписывая другие, вызывали у них ассоциацию с советской властью, ограничивавшей свободу личности³¹⁷.

Некоторых критиков и исследователей сходство нестандартного сознания героя с сознанием творческим³¹⁸ в совокупности с напоминавшими цензурные функциями его антагонистов подталкивало к тому, чтобы толковать роман как «аллегорическое повествование о судьбе советского художника»³¹⁹, которое отсылает к проблеме творческой несвободы. Такой интерпретации особенно способствовали два эпизода.

В одном из них наставник Норвегов рассказывает притчу о плотнике, который «жил в пустыне, <...> мог бы при случае построить дом, лодку, карусели, качели<...>, было бы из чего делать <...> но в пустыне, по выражению самого плотника, было пусто»³²⁰. Однажды плотник нашел две доски, «кроме того, у него в кармане с давних пор лежал один гвоздь»³²¹. В результате он сделал крест, поставил его, а после помог распять на нем человека, который позже сказал плотнику: «Ты и я – это один и тот же человек, разве ты не понял, что на кресте, который ты сотворил во имя своего высокого плотницкого мастерства, распяли тебя самого»³²². По мнению Л. Литус³²³, в этой притче иносказательно была описана судьба советского художника, выбравшего путь внутри официального искусства.

Другой эпизод, обращавший на себя внимание зарубежных славистов, представлял собой фантазию Нимфеи о музыкантах и косарях в красных рубахах: «Где-то на поляне расположился духовой оркестр. <...> Но вот на поляну являются косари. <...> И косари начинают косить. [Они срезают травяные стебли, на которых лежат ноты, музыканты уходят], <...> но музыка все равно играет.

³¹⁷ См.: Barton Johnson J. Introduction for Sasha Sokolov's «School for fools» [Электронный ресурс] // web-site of University of California. Режим доступа: <http://elkost.com/authors/sokolov/media/854-introductionforsashasokolov>

³¹⁸ См.: Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 2. М., 2001. С. 276.

³¹⁹ Litus L. Sasa Sokolov's Skola dlya durakov: Aesopian language and Intertextual play // The Slavic and East European Journal. 1997. № 41. P. 127.

³²⁰ Соколов С. Школа для дураков. СПб., 2001. С. 208.

³²¹ Там же. С. 209.

³²² Там же. С. 214.

³²³ См.: Litus L. Sasa Sokolov's Skola dlya durakov: Aesopian language and Intertextual play // The Slavic and East European Journal. 1997. № 41. P. 127.

Она, звучащая теперь пианиссимо, осталась на поляне, и косари, посрамленные чудом, плачут...»³²⁴. А. Каррикер интерпретировала эту фантазию как размышление об уходе советского художника в неофициальное пространство как единственно возможном пути достижения творческой свободы³²⁵.

Расстановка акцентов подобным образом при чтении текста немало способствовала вытеснению романа в поле инакомыслия.

Однако, во-первых, школа для дураков, которая небезосновательно интерпретировалась западными исследователями как советское государство³²⁶, по Соколову, является тем местом, которое не только ограничивает, но и воспитывает свободу личности главного героя. Ведь кроме Перилло с его «тапочной системой» в ней есть босой географ Норвегов, обучающий вразрез с установленными Перилло правилами, следовательно, изображенная писателем «школа» предполагает сосуществование в ней «разных» мыслей.

Во-вторых, само по себе произведение С. Соколова, никогда не имевшего намерения, по его собственным словам, «обнажить социальные язвы»³²⁷, заметно уступало в остроте другим произведениям, выходявшим в то время в «тамиздате». Неслучайно редактор «Континента» В. Максимов отказался печатать «Школу для дураков», объяснив свое решение следующим образом: «Это печенье, а нам нужен черный хлеб»³²⁸. Издавший роман Карл Проффер заметил: «На политическом же уровне читатель останется в недоумении, поскольку политика присутствует <...> только в самом широком смысле»³²⁹.

³²⁴ Соколов С. Школа для дураков. СПб., 2001. С. 41; С. 42; С. 43.

³²⁵ См.: Karriker A. H. Double Vision: Sasha Sokolov's School for Fools // World Literature Today. 1979. № 53. P. 612.

³²⁶ В интеллигентской среде школа и правда ассоциировалась с государством (См.: Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. М., 2015. С.183).

³²⁷ Кравченко В. Интервью с Сашей Соколовым. О встречах и не встречах [Электронный ресурс] // Живой журнал vladkravchenko (В. Кравченко). Режим доступа: <http://vladkravchenko.livejournal.com/978.html>. См. также замечание Саши Соколова, сделанное в интервью И. Кручику: «... хотел похвастаться, что никогда на политические темы не писал. <...> Даже в СССР, когда работал в “Литературной России”, в редакции говорились: Саше политических текстов не надо поручать, он и слов-то таких не знает» (Цит. по: Кручик И. Саша Соколов: «По мне многие скучают...» // Интернет-издание «Шо». Режим доступа: <http://codistics.com/sakansky/paper/kruchik/igor06.htm>).

³²⁸ Терещенко М. Интервью с Сашей Соколовым. Я не принимаю большую часть русского словаря [Электронный ресурс] // Газета. 20. 12. 2014. Режим доступа: <http://www.elkost.com/authors/sokolov/interviews/1195-gazeta-2012-2004>

³²⁹ Цит. по: Липовецкий М. «Ардис» и современная русская литература // Новое литературное обозрение. 2014. № 125.С. 162.

По всей видимости, в «Школе для дураков», являвшейся первым большим произведением писателя, главным предметом его творческого осмысления стал накопленный им к тому времени культурный опыт, вполне типичный для представителя советской интеллигенции 1970-х: русская классика в ее «школьном» варианте (произведения писателей-реалистов), соцреалистические романы воспитания, а также модернистская литература.

Оговорим, что, несмотря на обвинения в СССР модернистских произведений в «элитарности»³³⁰, «натурализме» и «формализме»³³¹, особенно усилившихся в 1970-е годы в связи с подъемом традиционалистской критики³³², советские читатели все равно знакомились с ними, причем не только благодаря доступному «самиздату», но и благодаря текстам, появляющимся в официальной печати: это могли быть как произведения западных классиков, так и эксперименты маститых советских литераторов. Все это обеспечивало вхождение модернизма в круг чтения советских интеллигентов. И случай Саши Соколова, впервые познакомившегося с модернизмом по опубликованному в СССР «обрывкам и клочкам западных произведений»³³³, «Затоваренной бочкотаре» В. Аксенова и «Жизни в ветреную погоду» А. Битова³³⁴, а затем продолжившим это знакомство посредством «самиздата», ходившего «без утайки» не только среди «смогистов», к которым одно время принадлежал Соколов, но и на факультете журналистики и в редакции «Литературной России»³³⁵, был, скорей, правилом, чем исключением.

³³⁰ См.: Азов А. Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013. С. 41.

³³¹ Здесь и далее мы ориентируемся на значение, в котором употребляет это понятие А. Азов (См.: Азов А. Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013. С. 41).

³³² См.: Азов А. Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013. С. 40–42; Разувалова А. Традиционалистские стратегии разоблачения авангарда // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3(40). С. 267.

³³³ Цит. по: Комарова Е. Н. К вопросу о русском постмодернизме и причислении к нему писателя-эмигранта Саши Соколова [Электронный ресурс] // Филологические науки. 2013. № 2. Режим доступа: <http://www.online-science.ru/m/products/filologicheskie-nauki/gid405/pg0/>

³³⁴ См.: Litus L. Sasa Sokolov's Skola dlya durakov: Aesopian language and Intertextual play // The Slavic and East European Journal. 1997. № 41. P. 114.

³³⁵ См.: Врубель-Голубкина И. Саша Соколов: «Сколько можно на полном серьезе мусолить внешние признаки бытия?» [Электронный ресурс] // Интернет-издание «OpenSpace.ru». 31.10.2011. Режим доступа: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/31471/>

Влияние модернизма с его интересом к различным, в том числе девиантным, душевным состояниям человека, ощутимо уже в выборе в качестве главного героя подростка, страдающего раздвоением личности, потерей памяти и глоссоманией³³⁶. В истории взросления этого подростка, рассказанной Соколовым, обнаруживают себя переключки с модернистскими романами воспитания (например, с «Портретом художника в юности» Дж. Джойса³³⁷). С героями-подростками писателей-модернистов Нимфею объединяет состояние эпистемологической неуверенности (так, время от времени он начинает сомневаться в навязываемых его воспитателями – отцом-прокурором, психиатром, учительницей русского языка и литературы, завучем и директором школы – истинах и идеалах³³⁸). Сходство между ними усиливается и за счет описаний сексуальных переживаний Нимфеи в виде фантазий о близости с его учительницей Ветой Аркадьевной: «Как бы между прочим она говорит: “Ванна готова. Белье я уже положила. Сама я уже искупалась”. (Представляете, сударь?) Как замечательно, что она рада и в предвкушении любви все уже приготовила для этого. Не только он желает ее, но и она желает его и без ложного стыда ясно дает ему понять это... Понимаете, сударь? желает меня, Вета желает, желает, без ложного»³³⁹. Напомним, что сексуальная эстетика была приглушена в советском дискурсе еще в 1930-е годы³⁴⁰, вызывая с тех пор обвинения в «натурализме», который воспринимался как «враждебный»³⁴¹, и даже в порнографии³⁴². Но она

³³⁶ Ввиду наличия нескольких вариантов определения термина «глоссомания», оговорим, что в данном случае он употребляется в значении, предложенном исследователем творчества С. Соколова Еленой Кравченко (См.: Kravchenko E. The Prose of Sasha Sokolov: Reflections on the Real. London. 2013. P. 25), как характерное для больных шизофренией языковое расстройство, выраженное в одержимости полисемией и в лишенной видимого смысла омонимической игре.

³³⁷ Опубликованный в 1976 году в журнале «Иностранная литература» (№№ 10-12), «Портрет» какое-то время ходил в «самиздате» и вполне мог быть знаком С. Соколову, судя по его замечанию, сделанному в интервью И. Врубель-Голубкиной (См.: Врубель-Голубкина И. Саша Соколов: «Сколько можно на полном серьезе мусолить внешние признаки бытия?» [Электронный ресурс] // Интернет-издание «OpenSpace.ru». 31.10.2011. Режим доступа: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/31471/>).

³³⁸ Соколов С. Школа для дураков. СПб., 2001. С. 37; С. 45; С. 72; С. 123 и др.

³³⁹ Там же. С. 19. См. там же и другие эпизоды: С. 190; С. 243–244 и др.

³⁴⁰ Так, В. Набоков пишет: «Советская же литература – это сама невинность. Невозможно представить себе русского писателя, сочинившего, к примеру «Любовника леди Чаттерли»» (Цит. по: Блюм А. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790-1990: Опыт комментированной антологии. СПб., 2011. С. 502).

³⁴¹ Азов А. Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013. С. 41.

была присуща модернизму с его вниманием к наиболее интимным состояниям субъекта³⁴³, что и перенимает Соколов.

У модернистов Соколовым была позаимствована также техника письма³⁴⁴. Повествование в романе представляет собой «поток сознания», структура которого отсылает к экспериментам Дж. Джойса. Влияние Джойса отметят как исследователи творчества С. Соколова³⁴⁵, так и сам Соколов³⁴⁶.

Как и у Джойса (например, в «Улиссе»), «поток сознания» в «Школе для дураков» полифоничен³⁴⁷. Он включает несобственно-прямую речь других героев произведения, которые являются либо предметом воспоминания, либо плодом воображения подростка: «Художник [Леонардо] смотрит на тебя хмуро, он как будто всегда чем-то недоволен. Ты хочешь покинуть ров, вернуться назад, в комнату, ты уже поворачиваешься <...> но мастер успевает удержать тебя за руку, и, глядя тебе в глаза, говорит: домашнее задание: опиши челюсть крокодила, язык колибри <...> подари учителю белую розу <...> О Роза, скажет учитель, белая Роза Ветрова, милая девушка, могильный цвет, как хочу я нетронутого тела твоего! <...>»³⁴⁸; «Уважаемый Аркадий Аркадьевич, я чрезвычайно ценю ваше изобретение, однако сейчас я сам нуждаюсь в совете <...> у меня к вам вопрос целой жизни. Подождите, подождите, я опять начинаю опасаться вашего присутствия, неужто вы действительно собираетесь спросить меня о чем-то важном, дайте я сяду <...>»³⁴⁹; «Могу я задать вам один вопрос?

³⁴² См.: Мастеркова-Тупицына М. АПТАРТ: экспансия постмодернизма // Переломные восьмидесятые в неофициальном искусстве в СССР. М., 2014. С. 370.

³⁴³ См.: Садриева А. Н. Трансформация западноевропейского романа воспитания в культурном контексте современности: автореф. дис... канд. культур. наук. Екатеринбург, 2007.

³⁴⁴ См.: Врубель-Голубкина И. Саша Соколов: «Сколько можно на полном серьезе мусолить внешние признаки бытия?» [Электронный ресурс] // Интернет-издание «OpenSpace.ru». 31.10.2011. Режим доступа: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/31471/>

³⁴⁵ См.: Брайнина Т. Д. Ассоциативные связи слова как основа создания образа в произведениях Саши Соколова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006 и др.

³⁴⁶ См.: Врубель-Голубкина И. Саша Соколов: «Сколько можно на полном серьезе мусолить внешние признаки бытия?» [Электронный ресурс] // Интернет-издание «OpenSpace.ru». 31.10.2011. Режим доступа: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/31471/>; Комарова Е. Н. К вопросу о русском постмодернизме и причислении к нему писателя-эмигранта Саши Соколова [Электронный ресурс] // Филологические науки. 2013. № 2. Режим доступа: <http://www.online-science.ru/m/products/filologicheskie-nauki/gid405/pg0/> и др.

³⁴⁷ О структуре «потока сознания» у Дж. Джойса в «Улиссе» см.: Коугия Л. А. Феномен «потока сознания» в произведениях М. Пруста, Дж. Джойса и У. Фолкнера // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 10 № 31. С. 65–69.

³⁴⁸ Там же. С. 33.

³⁴⁹ Там же. С. 163.

Конечно, мальчик, конечно. Ну а теперь, что говорить дальше? Теперь спроси ее о почтовых голубях <...>»³⁵⁰, и др.

Полифоничность «потока сознания» главного героя усиливается тем, что он наделен раздвоением личности, и обе личности ведут диалоги/ споры друг с другом («А? о чем ты? Ты что – не слушаешь меня? Нет, слушаю, просто я сейчас подумал, что в тех склянках было наверное пиво»³⁵¹; «<...> и я скажу ей: тот человек, который хочет вам понравиться, недостойн вас, и вы не можете быть с ним, <...> и вы, тридцатилетняя серьезная женщина, вы должны забыть, оставить его на заснеженном перроне ночью <...>. Врешь, это подлость, ты не скажешь ей так, потому что ничем не отличаешься от меня»³⁵² и др.).

Одним из следствий раздвоения личности главного героя становится также то, что одновременно с одной версией развития сюжета возникает другая («Однажды летом, на даче, в воскресенье, когда отец с утра засадил нас переписывать передовые статьи из газет, чтобы мы лучше разбирались в вопросах внешней и внутренней калитики, я решил, что ты прекрасно справишься здесь и без меня <...> Я не слышно вышел <...> и направился в соседний поселок в гости к естествоиспытателю Акатову. <...> По углам дома врыты в землю пожарные бочки. <...> Пожарная бочка манит тебя пустотой своей, <...> ты не желаешь больше размышлять о том, что кричать в бочку, – ты кричишь первое, что является в голову: я – Нимфея, Нимфея! <...> Отец твой, отдыхающий в гамаке у себя на участке, вздрагивает и просыпается: кто там кричал, будь он проклят, мать, мне слышалось, где-то на пруду орал твой ублюдок, разве я не приказал ему заниматься делом. Отец торопится в дом и заглядывает в комнату. Он видит, как ты сидишь за письменным столом и старательно <...> пишешь»³⁵³).

Как и в других модернистских текстах с подобным типом повествования, временные и причинно-следственные связи в романе Соколова ослаблены. При

³⁵⁰ Там же. С. 189.

³⁵¹ Соколов С. Школа для дураков. СПб., 2001. С. 16.

³⁵² Там же. С. 80.

³⁵³ Там же. С. 152–157. Также см.: С. 80; С. 82; С. 110 и др.

этом их окончательно нарушают ретроградная амнезия и шизофрения героя³⁵⁴: «Послушай, а почему ты произнес только что какие-то непонятные слова: до сих пор, спустя много лет, – что ты хочешь этим сказать, я не понимаю, мы что – разве не учимся больше в школе, не занимаемся ботаникой <...> Пожалуй, что нет, пожалуй, что не пишем, не бегаем и не учимся, нас давно нет в школе, мы то ли окончили ее с отличием, то ли нас выгнали за неуспеваемость»³⁵⁵.

Вместо причинно-следственных в романе Соколова, как и в «Улиссе» Джойса, актуализированы ассоциативные связи³⁵⁶. В некоторых случаях ассоциации стимулируют текстопорождение. Так, новые герои/ образы возникают в романе путем омонимической игры, в основе которой лежит ассоциация по звучанию. Например, ветка акации трансформируется в Вету Акатову³⁵⁷, роза ветров – в Розу Ветрову³⁵⁸. На похожие приемы у Джойса указывает исследователь Л. Коугия³⁵⁹.

Кроме того, ассоциативные связи расширяют содержательный план романа, благодаря отсылкам к другим произведениям³⁶⁰, в том числе – религиозным³⁶¹ (среди них писатель указывает Евангелие и «Житие протопopa Аввакума»³⁶²). Расширению содержательного плана способствует и обращение Соколова к стилизации – приему, который в том числе встречается в «Улиссе»³⁶³. Например, в одном из эпизодов автор переходит на инверсионный порядок слов и использует грамматические формы характерные для религиозной риторики: «<...> в саду уже зрели первые яблоки, и мне казалось, я видел, что в каждом из них сидят черви и

³⁵⁴ См.: Руднев В. Философия языка и семиотика безумия [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. Режим доступа: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/rudnev/4/j113.html

³⁵⁵ Соколов С. Школа для дураков. СПб., 2001. С. 260. См. там же и другие эпизоды: С. 29; С. 39.

³⁵⁶ Об ассоциативных связях в «Улиссе» Дж. Джойса см.: Коугия Л. А. Феномен «потока сознания» в произведениях М. Пруста, Дж. Джойса и У. Фолкнера // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 10. № 31. С. 65–69.

³⁵⁷ Соколов С. Школа для дураков. СПб., 2001. С. 19–20.

³⁵⁸ Там же. С. 33.

³⁵⁹ Коугия Л. А. Феномен «потока сознания» в произведениях М. Пруста, Дж. Джойса и У. Фолкнера // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 10. № 31. С. 65–69.

³⁶⁰ Соколов С. Школа для дураков. СПб., 2001. С. 29; С. 30; С. 136; С. 186; С. 202; С. 234 и др.

³⁶¹ Там же. С. 30; С. 66 и др.

³⁶² Кравченко В. Интервью с Сашей Соколовым. О встречах и не встречах [Электронный ресурс] // Живой журнал vladkravchenko (В. Кравченко). Режим доступа: <http://vladkravchenko.livejournal.com/978.html>

³⁶³ О стилизации у Дж. Джойса см.: Набоков В. Джеймс Джойс // Лекции по зарубежной литературе. М., 2000. С. 373.

без устали грызут наши, то есть отцовы плоды»; «ты не вернулся, хотя тебе было чуточку жаль ее, нашу терпеливую мать»³⁶⁴.

Стилизация, повышенная интертекстуальность, языковая игра в совокупности с отсутствием последовательности изложения, иногда пунктуационных знаков и пробелов между словами в романе «Школа для дураков» были «эхом» Джойса и других писателей-модернистов, проявлением рефлексии Соколова в отношении модернистской литературы на уровне техники письма.

Однако, как уже отмечалось, не только модернизм был предметом рефлексии автора «Школы», читавшего, по собственным словам, «примерно то же, что и все»³⁶⁵. Также им стали советская литература и русская реалистическая классика. На последнее указывают встречающиеся в тексте аллюзии на произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя³⁶⁶ и др.

Напомним, что в 1970-е годы, «диссидентствующая часть советской интеллигенции черпала из произведений [классиков] поучительный опыт “тайной свободы”»³⁶⁷. Неслучайно цитаты из русской классики встречаются в речи не похожего на других учителей школы для дураков, воспитывающего в своих учениках свободомыслие наставника Норвегова: «Знайте, други, *на свете счастья нет*, ничего подобного, ничего похожего, но зато – Господи! – *есть же в конце концов покой и воля*»³⁶⁸; «Вы обязаны открыть мне глаза на истину, дабы прозрел я, *подымите мне веки*»³⁶⁹ (курсив мой – В. Д.).

Но в сознании главного героя русская классика оседает в виде ничего не значащего набора цитат из «Капитанской дочки» А. Пушкина, «Героя нашего времени» и «Корсара» М. Лермонтова, «Преступления и наказания» Ф.

³⁶⁴ Соколов С. Школа для дураков. СПб., 2001. С. 72; С. 74.

³⁶⁵ Кравченко В. Интервью с Сашей Соколовым. О встречах и не встречах [Электронный ресурс] // Живой журнал vladkravchenko (В. Кравченко). Режим доступа: <http://vladkravchenko.livejournal.com/978.html>. То же см.: Волчек Д. Беседа с Сашей Соколовым [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Радио Свобода». Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24200193.html>

³⁶⁶ См.: Соколов С. Школа для дураков. СПб., 2001. С. 30; С. 186; С. 202; С. 234.

³⁶⁷ См.: Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. М., 2015. С. 184.

³⁶⁸ Там же. С. 30.

³⁶⁹ Там же. С. 202.

Достоевского, возникающих в голове Нимфеи наподобие названий магазинов, которые он видит: *«Я приближался к месту моего назначения – все было мрак и вихорь³⁷⁰. Когда дым рассеялся, на площадке никого не было³⁷¹, но по берегу реки шел Бураго, инженер, носки его трепетал ветер. <...>Я часто гибель возвращал одною пушкой вестовою³⁷². В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек³⁷³<...>БОТЫ-ЗОНТЫ-ТРОСТИ, все в одном магазине, чтобы не мешкая, купить все сразу. АТЕЛЬЕ МОД дом ельета. КОЛБАСЫ»³⁷⁴ (курсив мой – В. Д.).*

Данный перечень цитат резонирует со списком произведений русских и советских авторов, составленным учительницей Водокачкой для Нимфеи³⁷⁵. Это наталкивает на мысль о том, что сознание главного героя является в том числе продуктом воспитания школы для дураков, по примеру советских институтов³⁷⁶ апроприировавшей «великое наследие» в обучающих целях и обесмыслившей произведения русской классики, заключив их в списки рекомендуемой литературы.

Эту же мысль подтверждает и то, что писателем, обратившимся к теме взросления, были учтены не только принципы ее раскрытия, характерные для модернизма (изображение состояния эпистемологической неуверенности подростка, формирующейся сексуальности и др.), но и те, которые были закреплены в советском варианте романа воспитания.

В общих чертах эти принципы можно сформулировать следующим образом: «взросление героя сопровождается его идеологическим воспитанием; личные <...> переживания отходят на второй план, уступая место увлеченности

³⁷⁰ Ср. со строкой из повести А. Пушкина «Капитанская дочка» (См.: Пушкин А.С. Сочинение в трех томах. Том третий. М., 1987. С. 339).

³⁷¹ Ср. со строкой из романа М. Лермонтова «Герой нашего времени» (См.: Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. Том второй. М., 1998. С. 458).

³⁷² Ср. со строкой из поэмы М. Лермонтова «Корсар» (См.: Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. Том первый. М., 1998. С. 258).

³⁷³ Ср. со строкой из романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» (См.: Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 2009. С. 3).

³⁷⁴ Соколов С. Школа для дураков. СПб., 2001. С. 186.

³⁷⁵ См.: Соколов С. Школа для дураков. СПб., 2001. С. 116.

³⁷⁶ См.: Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. М., 2015. С. 183.

общественными задачами»; в итоге «потенциально хороший превращается в идеологически грамотного – отличного, <...>, личность добровольно подчиняет себя общему делу, самозабвенно отвергая свою избыточную индивидуальность»³⁷⁷.

Данные принципы, нашедшие воплощение, например, в таких знаковых романах, как «Два капитана» В. Каверина и «Как закалялась сталь» Н. Островского (отсылки к ним встречаются в тексте С. Соколова), явно имелись писателем в виду, о чем свидетельствует то, что главного героя усиленно пытаются «перековать» его антагонисты.

Учителя говорят, что, когда Нимфея закончит школу, он, как и другие ученики, станет инженером, и «мучают» его математикой³⁷⁸. Отец заставляет героя переписывать газетные передовицы, чтобы тот был политически и идеологически грамотным³⁷⁹. Психиатр Заузе старается убедить мальчика в том, что другого, второго Нимфеи, который пытается сбежать из школы на дачу, не существует³⁸⁰. Учительница русского языка и литературы запрещает читать «западных классиков», ввиду «перегрузки воображения», рекомендуя вместо них «вот это: жизнь дается человеку один раз и прожить ее надо так, чтобы. И еще: бороться и искать, найти и не сдаваться <...>»³⁸¹.

При этом, согласно одной сюжетной версии, Нимфее удается избежать «перековки». Он считает утверждения доктора Заузе «ни на чем не основанными»³⁸², позволяя своему другому «я» сбежать от отца и вместо переписывания статей кричать в пустые бочки на даче академика Акатова³⁸³. Он не стремится стать инженером³⁸⁴, считает традиционные меры воспитания, апогеем которых является тапочная система директора Перилло, абсурдными, а «важным [для него становится] сохранение собственного, не сломленного школой

³⁷⁷ Литовская М. А. Формирование соцреалистического канона // Русская литература XX века: закономерности исторического развития. Екатеринбург, 2005. С. 324.

³⁷⁸ Соколов С. Школа для дураков. СПб., 2001. С. 114.

³⁷⁹ Там же. С. 152–157.

³⁸⁰ Там же. С. 45.

³⁸¹ Там же. С. 116.

³⁸² Там же. С. 45.

³⁸³ Там же. С. 152–157.

³⁸⁴ Там же. С. 114.

для дураков, сознания»³⁸⁵. И, ближе к концу книги герой делает следующее – нехарактерное для традиционных советских романов воспитания в качестве финального – замечание: «Дорогой автор, передайте своим читателям, да, прямо так и скажите, что ученик такой-то просил передать, что во всей школе, кроме их двоих <...> нет абсолютно ничего интересного, никакого там удивительного разнообразия нет, все – жуткие дураки, скажите, что Нимфея сказал, что писать можно только о нем, потому что только о нем и следует писать, поскольку он настолько лучше и умнее остальных, что это сознает даже Перилло...»³⁸⁶.

Однако одновременно с этим сюжет в тексте развивается в соответствии с характерной для советского варианта романа воспитания схемой. Герой начинает убеждаться в необходимости стать «нормальным» и мечтает о том, чтобы стать инженером³⁸⁷. Кроме того, в одном из эпизодов он говорит о себе следующее: «Непримиримость с окружающей действительностью, стойкость в борьбе с лицемерием и ханжеством, негибаемая воля, твердость в достижении поставленной цели, исключительная принципиальность и честность в отношениях с товарищами – эти и многие другие замечательные качества ставили тебя вне обычного ряда велосипедистов»³⁸⁸. Описание отсылает к риторике советского славословия, например, к характеристике И. Сталина в одной из передовых статей. Достаточно сравнить: «Народ крепко любит своего Сталина за то, что он, подобно Ленину, видит дальше и лучше всех; любит за его твердость, негибаемую волю и решимость в достижении поставленной цели, за его непримиримость ко всему враждебному, несправедливому»³⁸⁹. Подобные переключки свидетельствуют о том, что попытки «перековать» Нимфею не остаются бесследными.

Очевидно, что в «Школе» Соколов не только отталкивается от традиционной схемы советского романа воспитания, но также реализует ее в своем произведении.

³⁸⁵ Диваков С. В. Творчество Саши Соколова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2012. С. 12.

³⁸⁶ Соколов С. Школа для дураков. СПб., 2001. С. 256.

³⁸⁷ Там же. С. 118.

³⁸⁸ Там же. С. 75.

³⁸⁹ Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. Сборник статей «Правды». М., 1940. С. 151.

Это позволяет писателю передать разномыслие главного героя, в одной части сознания которого идет борьба с навязываемыми школой для дураков правилами и прогнозами, в другой – эти правила и прогнозы прочно осели. В качестве примера можно привести два эпизода. В одном Нимфея говорит своему учителю Норвегову: «<...> надо чертить и думать слишком заставляют Савл Петрович зачем-то мучают примерами говорят будто кто-то из нас когда закончит школу пойдет в институт и станет кто-то из нас некоторые из нас часть из нас кое-кто из нас инженерами а мы не верим ничего подобного не случится ибо <...> мы все ужасные дураки <...> даже если бы мы и стали вдруг инженерами то не надо нет не следует не согласен я заявил бы в комиссию не желаю быть инженером»³⁹⁰. В другом эпизоде, размышляя о своем будущем, он отметит: «Мне – столько-то, я давно закончил спецшколу, институт и стал инженером. У меня много друзей, я совершенно здоров и коплю деньги на машину»³⁹¹. Отрицая³⁹² и принимая³⁹³ разные предписания воспитателей школы для дураков, герой одновременно ощущает себя «[жалкой мошкой], запутавшейся в неукоснительных паучьих сетках учебных часов», и «все же по-своему, по-глупому [любит] ее, <...> ненавистную специалку»³⁹⁴.

«Разномыслящий» герой, использование эстетических принципов разных типов литературного письма, осмысление собственного довольно разнообразного культурного багажа, – все это оправдывает обращение Соколова к модернизму. Именно художественные особенности последнего делали технически возможным и наглядным, во-первых, изображение героя, действующего одновременно согласно установкам советского романа воспитания и вопреки им, а во-вторых – сочетание в рамках одного текста явно различимых отголосков модернистской, русской классической и советской литератур.

При этом характерно, что в 1973 году, в то же время, когда был закончен текст Соколова, переправленный на Запад и получивший там репутацию образца

³⁹⁰ Там же. С. 114.

³⁹¹ Там же. С. 118.

³⁹² Там же. С. 37; С. 45; С. 72; С. 123 и др.

³⁹³ Там же. С. 23; С. 142; С. 205 и др.

³⁹⁴ Там же. С. 205.

инакомыслия, в том числе из-за своей формы³⁹⁵, в СССР был напечатан роман У. Фолкнера «Шум и ярость»³⁹⁶.

Имеющее сходные с романом С. Соколова черты – повествование от лица сумасшедшего (Бенжи) и мотивированное этим нарушение хронологических и причинно-следственных связей, а также непоследовательность и фрагментарность изложения³⁹⁷, делающие текст несоответствующим излюбленным в те годы требованиям консервативных критиков к простоте и общедоступности³⁹⁸, – произведение Фолкнера тем не менее было издано.

Видимо, в данном случае сыграла роль принадлежность «Шума и ярости» к признанным шедеврам мировой классики. Это обеспечило публикацию текста вопреки тому, что он был модернистским, и вполне попадал под обвинения в «формализме», «натурализме» и «элитарности». Все эти потенциальные нарекания были умело нивелированы в предисловии к роману Г. Злобина³⁹⁹ и в последовавшей за его публикацией «пояснительной» статьей А. Зверева⁴⁰⁰.

Так, предисловие содержало упрощающие чтение комментарии⁴⁰¹. Кроме того, в нем, как и в статье, происходило осторожное смещение акцентов с непривычной для «рядового читателя» формы⁴⁰² на содержание, интерпретированное как вполне традиционное⁴⁰³, с «неуместного» натурализма, связанного с образом Бенжи, на эмблематичность этого образа: «Дело вовсе не в том, что Фолкнер стремился с натуралистической точностью описать духовный мир олигофрена. <...> Трагическая история этого героя запечатлела характернейшие приметы “южного” микрокосма с его бездушным насилием над

³⁹⁵ См.: Липовецкий М. «Ардис» и современная русская литература // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 162.

³⁹⁶ Фолкнер У. Шум и ярость / У. Фолкнер // Иностранная литература. 1973. № 1–2.

³⁹⁷ См.: Туманов В. A tale told by two idiots: Крик идиота в «Школе для дураков» С. Соколова и в «Шуме и ярости» У. Фолкнера // RLJ (Russian Language Journal). 1994. № XLVIII. С. 139.

³⁹⁸ См.: Заковырина Н. С. Дискуссия о формализме и натурализме в советской фотографии в середине 1930-х годов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2006. № 8(63). С. 32.

³⁹⁹ Злобин Г. Вступительная статья. Фолкнер У. Шум и ярость // Иностранная литература. 1973. № 1. С. 122–128.

⁴⁰⁰ Зверев А. М. Литература на глубине // Иностранная литература. 1973. № 8. С. 206–213.

⁴⁰¹ Злобин Г. Вступительная статья. Фолкнер У. Шум и ярость // Иностранная литература. 1973. № 1. С. 123.

⁴⁰² Смотрите отрывок из читательского отзыва: «Неужели нельзя было напечатать ничего лучшего, чем роман “Шум и ярость”? Временами в романе нет ни точек, ни запятых, ни других знаков препинания. К чему это? Эти места не читаешь, а расшифровываешь...» (См.: Иностранная литература. 1973. № 8. С. 206).

⁴⁰³ Зверев А. М. Литература на глубине // Иностранная литература. 1973. № 8. С. 207.

слабыми и крайними ступенями человеческой дегенерации»⁴⁰⁴. С «чуждого» советской литературе модернизма на реализм, приписанный последней части: «Внимательный читатель заметит, вероятно, как от части к части упрощается манера письма, <...>, как определеннее становятся характеристики, как одномерное биологическое “проклятье”, лежащее на семье Компсонов, наполняется многогранным социально-психологическим содержанием. Можно сказать, что взятые в совокупности четыре главы романа обозначают то движение к реализму, которое совершит Фолкнер»⁴⁰⁵.

Сложно судить, что помешало быть опубликованным схожему с романом Фолкнера тексту С. Соколова, с учетом существования подобной практики легализации модернизма в советской печати. Роль мог сыграть небольшой на тот момент вес Соколова в литературных кругах. Возможно, дело было в том, что обеспечивавший прохождение в печать модернистского текста способ приписывания последнему черт социальной критики как доминирующих, не работал в случае с романом «Школа для дураков», «в целом, безразличным, к литературе социального комментария»⁴⁰⁶. Однако публикация одного произведения и непубликация другого явно свидетельствовали об условности тех «границ дозволенного», за которые оказался вытеснен роман молодого автора.

При этом сам роман, в силу разнообразных обстоятельств заслуживший репутацию примера «литературного радикализма», «эстетического анархизма»⁴⁰⁷ и т.п., как следует из сделанного нами анализа, запечатлел не менее сложное явление разномыслия.

«Школа» была первым романом писателя, у которого, с одной стороны, было детство в семье привилегированного советского чиновника, элитная советская школа, университет, потом успешное начало литературной карьеры в одном из официальных изданий, с другой – постоянные попытки сбежать из «номенклатурного рая», участие в СМОГе, госпиталь для душевнобольных,

⁴⁰⁴ Там же. С. 211.

⁴⁰⁵ Злобин Г. Вступительная статья. Фолкнер У. Шум и ярость // Иностранная литература. 1973. № 1. С. 128.

⁴⁰⁶ Цит. по: Липовецкий М. «Ардис» и современная русская литература // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 162.

⁴⁰⁷ Там же. С. 166.

несколько попыток эмиграции, с третьей – опыт чтения как советской и русской реалистической классики, так и модернистской литературы, мало чем отличавшийся от опыта многих его современников. И тот, и другой опыт автор предельно честно фиксирует в своей первой большой «вещи».

В результате получился текст, главной проблемой и темой которого стало разномыслие подростка, восстающего против правил школы для дураков и вместе с тем этим правилам подчиняющегося. В стремлении передать сложность сознания своего персонажа, во многом «автопсихологического»⁴⁰⁸, по мнению В. Бондаренко, Соколов использовал модернистскую поэтику, которая наилучшим образом подходила для описания «странного», в данном случае – раздвоенного сознания. Кроме того, он обратился к «школьной» классике, сыгравшей немаловажную роль в формировании как той, так и другой части этого сознания, и к принципам изображения процесса взросления, почерпнутым не только из модернистской, но и из советской литературы. В этом соседстве разнообразных, в том числе взаимоисключающих друг друга творческих решений, проявилось разномыслие самого писателя, предметом рефлексии которого стали реализм и модернизм, советская и несоветская интерпретации романа воспитания.

⁴⁰⁸ Бондаренко В. Сумеречное состояние Саши Соколова [Электронный ресурс] // Независимая газета. 15. 09. 2005. Режим доступа: http://www.ng.ru/kafedra/2005-09-15/3_sasha.html

1.3. Экспликация разномыслия как структурообразующий принцип в романе А. Битова «Пушкинский дом»

История публикации «Пушкинского дома» является столь показательной с точки зрения проявления разномыслия участников литературного процесса семидесятых годов, что требует подробно остановиться на ней.

В 1968 году «официальный» автор Андрей Битов подал заявку на аванс под будущий роман «Пушкинский дом» в издательстве «Советский писатель» в Ленинграде. К тому времени прозаик уже успел, что называется, «прирасти» к издательству⁴⁰⁹ благодаря посещению находившемуся при нем ЛИТО⁴¹⁰, куда входил Битов с начала 1960-х годов. Составление прозаиком заявки в «родном» издательстве было, по его собственному признанию, «веселой игрой»⁴¹¹, участие в которой главным образом могло обеспечить доход. «За одну страничку – как за четверть любого объема <...> [писатель получил] 1125 руб.»⁴¹², сохранившиеся за ним, несмотря на замену заявленного текста доработанным переизданием «Трех путешествий» – произведением «Семь путешествий»⁴¹³. Оставить деньги удалось благодаря помощи сочувствовавшего ему редактора К. Успенской. Характеризуя отношения А. Битова с его редактором, писатель Валерий Попов отметит следующее: «[Успенская] сделала [его] литературную судьбу, терпела его непростой характер, нападки начальства и партийных властей, и спокойно, словно так и нужно, словно иначе и не может быть, выпускала его книги, одну за другой»⁴¹⁴.

При этом, несмотря на редакторскую поддержку, в публикации в «Советском писателе» текста, эволюционировавшего по мере воплощения

⁴⁰⁹ См.: Попов В. Довлатов. М., 2010. С. 167.

⁴¹⁰ См.: Арьев А. Огненный бык в сумеречном пейзаже // Звезда. 2007. № 7. С. 123; Митаев А. Интервью с Ефимовым И. [Электронный ресурс] // Сайт Игоря Ефимова. Режим доступа: <http://igor-efimov.com/interview/index.html>; Митаев А. Морально – на первом месте Литературные объединения Ленинграда 50-х-60-х годов XX века [Электронный ресурс] // Слово/ Word. 2005. № 48/49. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/slovo/2005/48/mi9.html>;

⁴¹¹ Битов А. Г. Азарт, или Неизбежность ненаписанного // Звезда. 1997. № 7. С. 110.

⁴¹² Там же. С. 110.

⁴¹³ См.: Савицкий С. Андеграунд: история и мифы ленинградской неофициальной литературы. М., 2002. С. 46.

⁴¹⁴ Попов В. Довлатов. М., 2010. С. 167.

замысла (1964–1971) в первый большой роман прозаика и, как следствие, вбиравшего весь накопленный им к тому времени интеллектуальный и эмоциональный опыт⁴¹⁵, Битов не был уверен⁴¹⁶. Действительно, «Пушкинский дом», вместивший в себя «все, о чем [автор] мог тогда написать»⁴¹⁷, не был напечатан в Ленинграде.

Часто бывавший, ввиду посещения Высших сценарных курсов⁴¹⁸, в Москве, Битов, считая московские порядки более «либеральными»⁴¹⁹, пытается «пристроить» уже законченный текст там.

Он отдает роман в издательство «Современник»⁴²⁰, через которое в то время «проходит» городская проза так называемых «сорокалетних». «Амбивалентная» на дискурсивном уровне («думали одно, делали другое, говорили третье»⁴²¹) с изверившимся «несоветским» героем, по стилистике и содержанию, как отмечает критик В. Бондаренко⁴²², она была близка произведениям «позднего исповедальщика» А. Битова⁴²³, и вполне понятно, почему последний мог рассчитывать на публикацию в «Современнике». Но и там попытка напечатать текст оказалась безрезультатной.

В итоге в СССР писатель публикует лишь некоторые отрывки из «Пушкинского дома». Делая это, он руководствуется как финансовыми соображениями⁴²⁴, так и стремлением «расширить нишу», в которой предполагалось печататься⁴²⁵.

⁴¹⁵ См.: Битов А. Г. Азарт, или Неизбежность ненаписанного // Звезда. 1997. № 7. С. 108–154.

⁴¹⁶ См.: Львова В. Андрей Битов [Электронный ресурс] // Персональный сайт Валентины Львовой. Режим доступа: <http://lvovna-lvova.narod.ru/>

⁴¹⁷ Битов А. Интервью на «России 24», эфир от 27.05.2012 [Электронный ресурс] // Сайт rutv.ru. Режим доступа: <http://rutv.ru/brand/show/episode/129360/viewtype/tag>

⁴¹⁸ См.: Шаповал С. Беседа с Битовым А. Г. Призраки и души [Электронный ресурс] // Независимая газета. 23. 05. 2003. Режим доступа: http://www.ng.ru/saturday/2003-05-23/13_bitov.html

⁴¹⁹ Там же. Режим доступа: http://www.ng.ru/saturday/2003-05-23/13_bitov.html

⁴²⁰ См.: Савицкий С. Андеграунд: история и мифы ленинградской неофициальной литературы. М., 2002. С. 46.

⁴²¹ Манцов И. В моей жизни много счастья. Беседа с литературным критиком В. Бондаренко [Электронный ресурс] // Веб-журнал «Перемены». Режим доступа: <http://www.peremeny.ru/column/view/1445/>

⁴²² Там же. Режим доступа: <http://www.peremeny.ru/column/view/1445/>

⁴²³ Там же. Режим доступа: <http://www.peremeny.ru/column/view/1445/>

⁴²⁴ См.: Немзер А. В поисках жизни: Андрей Битов. Статьи из романа // Урал. 1988. № 9. С. 170.

⁴²⁵ См.: Климова М. Андрей Битов: «Мне все чаще кажется, что я ничем не отличаюсь от любого прохожего» // Парижские встречи. СПб., 2004. С. 223.

Фрагменты выходят в форме рассказов⁴²⁶, а также статей⁴²⁷. Позже эти «статьи» и «рассказы» составляют подцензурный «дубль»⁴²⁸ «Пушкинского дома» – произведение «Молодой Одоевцев, герой романа», которое печатается в сборнике писателя «Дни человека» в 1976 году издательством «Молодая гвардия».

При этом, судя по всему, А. Битов, ощутивший «заморожок»⁴²⁹ и мало на что рассчитывавший в «короткую брежневскую оттепель»⁴³⁰, был готов к тому, что полную версию романа не удастся опубликовать в СССР и что придется прибегнуть к «тамиздату». Так, в одном из интервью он комментирует свой переезд в Москву в те годы следующим образом: «Прописался здесь [в Москве] с некоторым расчетом. Я знал, что мои тексты выйдут на Западе и что ко мне будут применены санкции. В этом случае москвичам было легче, в Питере меня раскатали бы по обкомовским рецептам»⁴³¹. В конечном счете он переслал роман в издательство «Ardis Publishers», где тот вышел в 1978 году.

В советской печати «Пушкинский дом» появился целиком только с наступлением гласности. Сначала он был опубликован на страницах журнала «Новый мир» в 1987 в 10–12 номерах, в 1989 там же в номере 4 напечатали приложение к роману «Близкое ретро, или комментарий к общеизвестному», а в 1989 роман выпустил отдельной книгой московский «Современник».

⁴²⁶ Битов А. Солдат (из воспоминаний о семье Одоевцевых) // Звезда. 1973. № 7. С. 24–40; Что было, что есть, что будет // Аврора. 1975. № 1. С. 25–44; Под знаком Альбины (из хроники семейства Одоевцевых) // Дружба народов. 1975. № 7. С. 89–98.

⁴²⁷ Битов А. Ахиллес и черепаха // Литературная газета. 1975. № 4. С. 6; Битов А. «Три “Пророка”» // Вопросы литературы. 1976. № 7. С. 145–174.

⁴²⁸ Гурьянова М. А. Феномен «дописывания» в прозе Андрея Битова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2007. № 53. Вып. 14. С. 61.

⁴²⁹ См.: Климова М. Андрей Битов: «Мне все чаще кажется, что я ничем не отличаюсь от любого прохожего» // Парижские встречи. СПб., 2004. С. 221.

⁴³⁰ Митаев А. Интервью с Ефимовым И. [Электронный ресурс] // Сайт Игоря Ефимова. Режим доступа: <http://igor-efimov.com/interview/index.html>. Так, писатель Игорь Ефимов отметит следующее: «После свержения Хрущева, в 1965 году были многие перемены, которые маркируют эту оттепель: Солженицына выдвинули на Государственную премию, опубликовали роман «Мастер и Маргарита», освободили Бродского <...>. [Однако] мы [И. Ефимов, А. Битов, А. Кушнер] понимали, что нам не пробиться. Да и сам факт непрерывного контроля заползал в душу» (Там же. Режим доступа: <http://igor-efimov.com/interview/index.html>).

⁴³¹ Шаповал С. Беседа с Битовым А. Г. Призраки и души [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2003. № 100. 23. 05. 2003. Режим доступа: http://www.ng.ru/saturday/2003-05-23/13_bitov.html

До этого в «полном» варианте он распространялся среди читателей в виде «громоздких машинописных копий»⁴³² или «маленьких совсем с маленькими буквочками фотокопий»⁴³³, а после выхода в «тамиздате» «в красном рассыпающемся томе <...> осторожно передаваемом из рук в руки (20 книжек на всю Москву)»⁴³⁴. Т. Герасимова, читавшая роман в 1970-е годы в «самиздате», вспоминала: «Читать давали только на ночь и бувально из рук в руки. Спрос был бешенный. Приходилось откладывать все дела и визиты и читать. На утро текст надо было отдавать, он шел по цепочке, я точно знала, кому его надо отдать»⁴³⁵.

История публикации «Пушкинского дома» свидетельствует сразу о двух вещах. Во-первых, она «сообщает» о разномыслии издателей, допуская частичную публикацию не прошедшего цензуру текста, и критиков, добросовестно анализировавших появившиеся отрывки, в том числе именно как отрывки, и демонстрировавших свою осведомленность относительно наличия «полной» версии. О последнем можно судить по замечанию критика Вс. Сахарова, сделанном в 1977 году: «И вот в журналах стали появляться “рассказы” и “повести” Андрея Битова, объединенные подзаголовком “Из хроники семейства Одоевцевых” <...>. Мы видели одних и тех же героев и понимали, что это фрагменты, умело вынутые писателем из “прекрасной большой вещи”»⁴³⁶. Во-вторых, она указывает на разномыслие самого А. Битова, с одной стороны, написавшего текст, не уместившийся в «границы дозволенного», с другой – стремившегося как писатель официальный и не принадлежавший к числу так называемых «антисоветских» авторов⁴³⁷, легально этот текст напечатать.

В свою очередь, попытки прозаика «вписать» роман в пределы допустимого оставили отпечаток на его структуре. Эта структура, впоследствии

⁴³² Карабчиевский Ю. Точка боли. О романе Андрея Битова «Пушкинский дом» [Электронный ресурс] // Журнальный зал. Режим доступа: http://old.magazines.russ.ru/novyi_mi/arhiv/karab/esse/tochka8.html

⁴³³ Савицкий С. Андеграунд: история и мифы ленинградской неофициальной литературы. М., 2002. С. 47.

⁴³⁴ Карабчиевский Ю. Точка боли. О романе Андрея Битова «Пушкинский дом» [Электронный ресурс] // Журнальный зал. Режим доступа: http://old.magazines.russ.ru/novyi_mi/arhiv/karab/esse/tochka8.html

⁴³⁵ Савицкий С. Андеграунд: история и мифы ленинградской неофициальной литературы. М., 2002. С. 47.

⁴³⁶ Сахаров В. Власть канона // Наш современник. 1977. № 1. С. 161.

⁴³⁷ См.: Лавров В. Три романа Андрея Битова, или Воспоминания о современнике // Нева. 1997. № 5. С. 191.

охарактеризованная исследователями творчества писателя как «гибкая»⁴³⁸, на наш взгляд, отражала разномыслие, свойственное как самому Битову, так и его окружению.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что форма, с которой работает прозаик, вполне традиционна. Это роман воспитания. Отнести «Пушкинский дом» к данному жанру позволяет ряд черт – сосредоточенность на истории личности, а также изображение характера героя как «переменной величины в формуле романа»⁴³⁹.

Однако, прибегая к этому востребованному советской литературой жанру, Битов отступает от установленных способов изображения взросления героя, представленных популярным романом биографического типа, развитие личности в котором происходит на фоне «становящейся» исторической действительности⁴⁴⁰. Актуальность данного типа романа не в последнюю очередь была связана с тем, что одним из принципов советской литературы была «функциональная доступность формы произведения для массового восприятия»⁴⁴¹, которую в данном случае обеспечивало хронологическое, последовательное изображение событий.

Вместо того, чтобы «написать знаменитую трилогию «Детство. Отрочество. Юность», <...> [воссоздав] некую атмосферу детского восприятия народной драмы, и подменить, [сославшись на забывчивость героя], годы [отрочества] историческим фоном»⁴⁴², Битов, не придерживаясь хронологической последовательности, обращается лишь к отдельным – незначительным, по меркам советской литературы с ее тягой к эпическому размаху, – событиям внутренней жизни героя, что сближает «Пушкинский дом» с модернистскими вариантами

⁴³⁸ Гурьянова М. А. Жанровые процессы в прозе А. Г. Битова: 1960–1970-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. С. 18.

⁴³⁹ Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 200.

⁴⁴⁰ В качестве примера можно привести такие произведения, как трилогия М. Горького, а также роман Н. Островского «Как закалялась сталь».

⁴⁴¹ Литовская М. А. Социалистический реализм как «образцовый» творческий метод // Филологический класс. 2008. № 19. С. 19.

⁴⁴² Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 26.

романа воспитания⁴⁴³, в то же время отдаляя его от традиционных советских. Этому способствует и образ самого главного персонажа.

Лева Одоевцев не похож на образцово-показательного героя, во-первых, отсутствием «поступков». С характерной для советской критики тех лет риторикой об этой типичной для всех битовских персонажей черте, которая делает Леву «героем, в котором нет ровным счетом ничего героического»⁴⁴⁴, «принципиальным “негероем”»⁴⁴⁵, А.Урбан писал следующее: «Они [персонажи] жаждут настоящих поступков, но совершить их все-таки им не удается»⁴⁴⁶.

Место поступков занимает рефлексия иногда по самым несущественным поводам (на эту Левину особенность указано как в критике семидесятых годов⁴⁴⁷, так и в недавних исследованиях⁴⁴⁸). К примеру, на траурной линейке по поводу смерти И. Сталина, Лева «смущен недостаточностью своего горя, <...> боится, что недостаточность эта видна на его лице», жалеет портрет Сталина, хочет «понять, что исчезло из портрета», думает о том, что «первый урок – физика, контрольная, к которой он так был не готов, и не может не испытывать кощунственной радости»⁴⁴⁹.

Кроме того, автор выбирает своему «негерою» оставляющую «бездельное впечатление»⁴⁵⁰ профессию литературоведа. Сам автор по этому поводу пишет следующее: «Он все чувствует, думает даже кое-какие мысли, ничего скверного или подлого во всяком случае... но он ничего не делает»⁴⁵¹.

Также Лева наделен «не лучшими», типичными для большинства, не выдающимися, человеческими качествами – малодушием, склонностью к

⁴⁴³ Например, «Портрет художника в юности» Дж. Джойса, «Волшебная гора» Т. Манна и др.

⁴⁴⁴ Андрианова М. Д. Авторские стратегии в романной прозе А. Битова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. С. 13.

⁴⁴⁵ Гурьянова М. А. Жанровые процессы в прозе А. Г. Битова: 1960–1970-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. С. 15.

⁴⁴⁶ Урбан А. В настоящем времени // Звезда. 1973. № 7. С. 215.

⁴⁴⁷ См.: Гусев В. Искусство, анализ, поиск // Дружба народов. 1973. № 5. С. 278; Урбан А. В настоящем времени // Звезда. 1973. № 7. С. 215; Сахаров В. Власть канона // Наш современник. 1977. № 1. С. 161; Эпштейн М. Время познания // Дружба народов. 1978. № 8. С. 276; Гимейн А. Нулевой час // Континент. 1979. № 20. С. 369.

⁴⁴⁸ См.: Клевх И. Ю. Непрочитанный Битов // Новый мир. 2006. № 5. С. 163; Чансес Э. Андрей Битов: экология вдохновения. СПб., 2006. С. 18; Гурьянова М. А. Жанровые процессы в прозе А. Г. Битова: 1960–1970-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. С. 15.

⁴⁴⁹ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 156. См. также другие эпизоды. Там же. С. 25–26; С. 35; С. 52; С. 167 и др.

⁴⁵⁰ Битов А. Молодой Одоевцев, герой романа // Дни человека. М., 1976. С. 264.

⁴⁵¹ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 258.

самооправданию, избыточным интересом к собственной личности. Иллюстрацией этих качеств может послужить, к примеру, «неприсутствие» Левы на собрании, куда требовалось прийти, чтобы поддержать друга, уволенного позже из института⁴⁵², или встреча с дедом, после которой Лева, обвиненный дедом в предательстве, внушает себе, что Одоевцев-старший «вовсе не умен», «предъявляя претензии чужому уму в том, что тот непременно должен был разглядеть Левину прекрасную суть»⁴⁵³ и т.п. Характерно, что эти качества не делают Леву хуже других. По замечанию критика В. Новикова, Лева для Битова нормальный человек⁴⁵⁴.

В таком же ключе преподносятся и особенности сердечной драмы героя. В центре последней оказываются две женщины. Одна из них – Фаина. Несмотря на свои очевидные для Левы недостатки, среди которых – мелочность, неискренность, местами безнравственность (достаточно вспомнить, например эпизоды с кольцом⁴⁵⁵, в ресторане⁴⁵⁶, сцену объяснения с Левой⁴⁵⁷), она является «предметом страсти» молодого ученого. Другая – «положительная» Альбина – безнадежно влюблена в него. Впрочем, как и все персонажи «Пушкинского дома», она не соответствует в полной мере советским представлениям о добродетели, поскольку в жизни Левы она появляется как «чужая любимая жена»⁴⁵⁸. Таким образом, герой состоит в непривычном для советской литературы «любовном треугольнике», который, к тому же, осложнен чисто физической связью с третьей женщиной – Любашей⁴⁵⁹. Однако, несмотря на сомнительный нравственный облик своего персонажа, автор не «торопится осудить», а тем более – «переделать» его. Это «выражение принципиально нового для советской

⁴⁵² Там же. С. 124.

⁴⁵³ Там же. С. 97.

⁴⁵⁴ См.: Новиков В. Тайная свобода // Знамя. 1988. № 3. С. 229.

⁴⁵⁵ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 190.

⁴⁵⁶ Там же. С. 165–166.

⁴⁵⁷ Там же. С. 200.

⁴⁵⁸ Там же. С. 205.

⁴⁵⁹ Там же. С. 212–216.

литературы – нейтрального отношения» к герою⁴⁶⁰ вызывало недоумение традиционной советской критики⁴⁶¹.

«Пушкинский дом» не содержит и типичных для советской «книги воспитания» идиллических итогов. Так, дружба героя с Митишатьевым, постоянно обращаясь к Леве как к «князю»⁴⁶² и тем самым подчеркивающим их классовое различие (на социальную принадлежность Митишатьева намекают его сигареты «Север», охарактеризованные в комментариях к «Пушкинскому дому» как «сорт дешевых, “работяжких” папирос»⁴⁶³, курение которых, по замечанию автора, «является некой социальной характеристикой»⁴⁶⁴), вместо совместного преодоления «классовости» оборачивается противостоянием. Митишатьев называет интеллигента Леву своим «идейным врагом»⁴⁶⁵. Результатом их противостояния становится моральное подавление Левы⁴⁶⁶, чья история – в совокупности с ранее отмеченным – не может служить жизнеутверждающим примером.

Все это лишает произведение Битова оптимистического пафоса⁴⁶⁷, обещанного составленной в «Советском писателе» заявкой: «Это будет история <...> молодого ученого Левы Одоевцева, типичного представителя поколения <...>. Мы застаем нашего героя накануне важного события его жизни и карьеры – защиты кандидатской диссертации. Ряд обстоятельств, непосредственно предшествующих защите, ставит его в затруднительную творчески-морально-этически-нравственную ситуацию, от преодоления которой зависит дальнейший этап развития и становления личности и самосознания. <...> Через дружбу, любовь и дело нашего героя раскрываются нравственные проблемы...»⁴⁶⁸.

⁴⁶⁰ Гурьянова М. А. Жанровые процессы в прозе А. Г. Битова: 1960–1970-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. С. 15.

⁴⁶¹ См.: Урбан А. В настоящем времени // Звезда. 1973. № 7. С. 215.

⁴⁶² Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 221; С. 222; С. 293; С. 296.

⁴⁶³ Там же. С. 410.

⁴⁶⁴ Там же. 410.

⁴⁶⁵ Там же. С. 229.

⁴⁶⁶ Там же. С. 230.

⁴⁶⁷ На отсутствие оптимистического пафоса не только в «Пушкинском доме», но и в других произведениях А. Битова, обращает внимание исследователь Э. Чансес (Чансес Э. Андрей Битов: экология вдохновения. СПб., 2006. С. 18).

⁴⁶⁸ Битов А. Г. Азарт, или Неизбежность ненаписанного // Звезда. 1997. № 7. С. 110.

Тем не менее расходившаяся с идеологически предпочтительной, тональность истории Лёвы не помешала публикации в советской печати как раз тех частей, в которых нашла воплощение фабула, связанная со становлением героя, содержащие сведения о детстве и юности Одоевцева главы о дяде Диккенсе и посвященные испытанию Лёвы «дружбой и любовью» главы о Фаине, Альбине и Митишатъеве⁴⁶⁹.

Немалую роль сыграло то, что разномыслие Битова в отношении существующих в советской литературе повествовательных шаблонов, нашедшее выражение в «очеловечивании» главного героя, было вполне естественным на фоне проявившегося еще в первые «оттепельные» годы и усилившегося с тех пор интереса советских писателей и читателей к «мелодраматическим» переживаниям⁴⁷⁰ простого человека и к его психологии. На последнее указывает, в частности, популярность «исповедальной» прозы, и то, что, наравне с А. Битовым, «миром современного интеллигента» интересовались другие писатели, к которым, по словам советского критика М. Эпштейна, принадлежали Д. Гранин, Ю. Трифонов, В. Аксенов⁴⁷¹, по замечанию М. Гурьяновой – представители «ленинградской школы» тех лет⁴⁷².

Также публикация этих отрывков могла объясняться соответствием произведения Битова еще одной вариации выбранного им жанра, а именно – тому типу романа воспитания, для которого характерно изображение «пути становления человека от юношеского идеализма и мечтательности к зрелой трезвости и практицизму»⁴⁷³. Характерный для реалистических русских

⁴⁶⁹ Не вошла часть, посвященная Любаше. По-видимому, это было связано с тем, что в 1970-е годы было не принято писать об отношениях, основанных сугубо на физической близости (О цензурных ограничениях на эту тему см.: Битов А. Интервью на «России 24», эфир от 27.05.2012 [Электронный ресурс] // Сайт rutv.ru. Режим доступа: <http://rutv.ru/brand/show/episode/129360/viewtype/tag>).

⁴⁷⁰ О тенденции к мелодраматизму, усилившейся в советской культуре в годы «оттепели» подробно читайте у Е. Добренко (Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М., 2007).

⁴⁷¹ См.: Эпштейн М. Время познания // Дружба народов. 1978. № 8. С. 276; Гимейн А. Нулевой час // Континент. 1979. № 20. С. 280.

⁴⁷² См.: Гурьянова М. А. Жанровые процессы в прозе А. Г. Битова: 1960–1970-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. С. 8.

⁴⁷³ Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 201.

классических и зарубежных произведений⁴⁷⁴, этот тип был также приемлем для раскрытия темы взросления.

Однако, кроме традиционной темы взросления, Битов прибегает и к другим. Решив в «Пушкинском доме», как и в предшествовавших ему текстах, рассказать про обыкновенного советского человека⁴⁷⁵, Битов обратился к вопросам, актуальным в среде интеллигенции, в том числе к тем из них, запрет на которые на уровне официального дискурса не отменял их обсуждение в публично-приватной сфере. Главным образом он обратился к ним в «Комментарии» к «Пушкинскому дому».

В этом «Комментарии», который до 1989 года распространялся лишь в виде рукописи⁴⁷⁶, Битов описывает явления современной ему советской действительности (комментарий о неудачных попытках пересечения границы⁴⁷⁷, о «недостаточно смелом использовании свободы слова»⁴⁷⁸), которые свидетельствуют о невоплощении «оттепельных» «надежд на лучшее будущее»⁴⁷⁹.

Одно из этих явлений – цензура. В ссылке, посвященной ей⁴⁸⁰, автор пишет о тех трудностях, с которыми ему как советскому официальному писателю приходилось сталкиваться, упоминая, например, поиски редакторами «нежелательных аллюзий» или цензурные запреты, в частности, запрет на упоминание Китая⁴⁸¹.

Кроме того, в «Комментариях» А. Битов рассуждает о лагерях⁴⁸², эмиграции⁴⁸³, антисемитизме⁴⁸⁴, не только литературном, но и товарном дефиците⁴⁸⁵.

⁴⁷⁴ В связи с этим, роман А. Битова переключается со многими написанными в том же жанре произведениями А. Пушкина, И. Гончарова, И. Тургенева, Ч. Диккенса и др.

⁴⁷⁵ См.: Чансес Э. Андрей Битов: экология вдохновения. СПб., 2006. С. 20.

⁴⁷⁶ Там же. С. 275. В 1989 «Комментарий» был опубликован в № 4 журнала «Новый мир».

⁴⁷⁷ См.: Битов А. Близкое ретро, или Комментарий к общеизвестному // Новый мир. 1989. № 4. С. 139.

⁴⁷⁸ Там же. С. 140.

⁴⁷⁹ Беляев А. А. Литература и лабиринты власти: от «оттепели» до перестройки. М., 2009. С. 15.

⁴⁸⁰ См.: Битов А. Близкое ретро, или Комментарий к общеизвестному // Новый мир. 1989. № 4. С. 160.

⁴⁸¹ Там же. С. 160.

⁴⁸² Там же. С. 138; С. 142–143; С. 145.

⁴⁸³ Там же. С. 139; С. 140.

⁴⁸⁴ Там же. С. 151; С. 158.

⁴⁸⁵ Там же. С. 139; С. 140.

Все эти темы и явления, которых коснулся Битов, были, используя определение самого писателя, «общеизвестными»⁴⁸⁶. Например, литератор В. Войнович тоже пишет о выискивании редакторами «неконтролируемого» подтекста⁴⁸⁷, а писатель Е. Попов подтверждает⁴⁸⁸ наличие цензурных запретов на упоминание Китая в период конфронтации с последним в 1969 году⁴⁸⁹ и т.п. Но на уровне официального дискурса они оставались «умалчиваемыми». Хотя о цензуре знали и боролись с ней, отправляли «открытые» письма с требованиями об ее отмене⁴⁹⁰ и т.п., на официальном уровне продолжала поддерживаться «легенда» об ее отсутствии⁴⁹¹.

А. Битов обращается к этим темам и явлениям в «Комментарии», тем самым вынося ничем не завуалированные «несвоевременные» мысли за пределы основного текста, в котором, в свою очередь, как следует из изложенного ранее, практически не выходит за пределы «дозволенного».

Исключение составляют главы, посвященные Левиному деду, побывавшему в лагере Одоевцевому-старшему.

Во-первых, это глава со сценой разговора на кухне между дедом, бывшим начальником его лагеря Коптеловым, молодым поэтом Рудиком и Левой⁴⁹².

Недопустимым с точки зрения советской печати было в первую очередь то, что в процессе разговора его участники пили. По словам А. Битова, в семидесятые годы «то, что человек ... пьет водку – про это нельзя было писать»⁴⁹³.

К примеру, в главах о другом герое дяде Диккенсе, опубликованных, в отличие глав о деду Левой, Битов избегает писать прямо о привычке героя

⁴⁸⁶ Там же. С. 135.

⁴⁸⁷ Цит. по: Блюм А. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790-1990: Опыт комментированной антологии. СПб., 2011. С. 574.

⁴⁸⁸ В письме (нам – прим. В. А.) от 09.08.2014 Е. Попов пишет: «Например, в Красноярске цензор собрал как-то писателей, поэтов, журналистов и рекомендовал им (они любили этот глагол!) не употреблять прилагательное «китайский» (во время конфликта с Китаем, конфронтации с Китаем на острове Даманский, 1969)».

⁴⁸⁹ Битов А. Близкое ретро, или Комментарий к общеизвестному // Новый мир. 1989. № 4. С. 160.

⁴⁹⁰ См. письмо А. Солженицына IV Всесоюзному съезду союза советских писателей (Блюм А. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790–1990: Опыт комментированной антологии. СПб., 2011. С. 544–549).

⁴⁹¹ Рейфман П.С. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры [Электронный ресурс] // Сайт П. С. Рейфмана. Режим доступа: <http://reifman.ru/russ-tsenzura/vstuplenie/>

⁴⁹² Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 76.

⁴⁹³ Свиначенко И. Андрей Битов: промывание мозгов [Электронный ресурс] // Медведь. 28. 05. 2015. Режим доступа: http://www.medved-magazine.ru/articles/Andrey_Bitov_Promyvanie_mozgov.2756.html

«выпивать», предпочитая навести читателя на мысль об этом. Фразу «хмелел, налитый...» Битов продолжает словами «брагой жизни»⁴⁹⁴, а сообщая о том, что «дядя Диккенс обладал особым юмором жеста», автор добавляет «как всякий незаурядный алкоголик»⁴⁹⁵, союзом «как» и сближая, и, в то же время, отделяя своего героя от «нежелательной» характеристики. В «подцензурном» варианте Битов опускает определения «старик-пьяница»⁴⁹⁶, «старый алкоголик»⁴⁹⁷, встречающиеся в полной версии романа, а предложение «Здесь он обедал и выпивал свою первую водку»⁴⁹⁸ он формулирует следующим образом: «Здесь он обедал и выпивал свою первую рюмку»⁴⁹⁹, прибегая к приему метонимического переноса.

В главе о деде Битов прямо пишет в том, что герои выпивали. Также в процессе этого, судя по свидетельствам современников А. Битова⁵⁰⁰, типичного «кухонного» разговора, герои затрагивают ряд серьезных тем (к примеру, взаимоотношения власти и человека, пути развития страны и др.⁵⁰¹), выражая расходившуюся с официальной идеологией точку зрения на них и разбавляя свои рассуждения оговорками о Боге⁵⁰², упоминаниями запрещенной литературы⁵⁰³, размышлениями об экологии⁵⁰⁴.

⁴⁹⁴ Битов А. Солдат (из воспоминаний о семье Одоевцевых) // Звезда. 1973. № 7. С. 28. Битов А. Молодой Одоевцев, герой романа // Дни человека. М., 1976. С. 197.

⁴⁹⁵ Битов А. Солдат (из воспоминаний о семье Одоевцевых) // Звезда. 1973. № 7. С. 27; Битов А. Молодой Одоевцев, герой романа // Дни человека. М., 1976. С. 198.

⁴⁹⁶ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 31.

⁴⁹⁷ Там же. С. 38.

⁴⁹⁸ Там же. С. 40.

⁴⁹⁹ Битов А. Солдат (из воспоминаний о семье Одоевцевых) // Звезда. 1973. № 7. С. 27; Битов А. Молодой Одоевцев, герой романа // Дни человека. М., 1976. С. 202.

⁵⁰⁰ Ерофеев В. В. Памятник прошедшему времени. Андрей Битов. Пушкинский дом. Октябрь. 1988. № 6. С. 203.

⁵⁰¹ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 73; С. 76; С. 79; С. 93.

⁵⁰² Там же. С. 74; С. 76.

⁵⁰³ Там же. С. 83.

⁵⁰⁴ Там же. С. 75–76. Как видно на примере самого А. Битова, эта тема не ограничивалась вопросами о взаимоотношениях человека и природы, но распространялась на другие, актуальные в то время в среде интеллигенции вопросы – межличностные связи и связь человека с Богом, роль человека в историческом процессе и др. В период работы над «Пушкинским домом» увлечение «зеленой темой», которой писатель «заболел» еще в 1964 году (См.: Беликов Ю. Андрей Битов: гений грабит всех, или Беседа с Мастером [Электронный ресурс] // Дети Ра. 2009. № 4. Режим доступа: <http://reading-hall.ru/publication.php?id=809>), сохранилось, если не усилилось. В это время Битов знакомится и много общается с директором орнитологической станции Виктором Дольником, оказавшем на прозаика большое влияние (См.: Битов А. Г. БАГАЖЬ : Книга о друзьях. М., 2012), работает – параллельно с написанием романа – над повестью «Птицы, или Новые сведения о человеке», которая вместе с произведением «Молодой Одоевцев» была опубликована в сборнике «Дни человека» в 1976 году. В связи с этим, обращает на себя внимание сходство рассуждений об экологии деда Одоевцева (Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 73–76) с диалогами на ту же тему между героями «Птиц» – доктором Д. (прообраз В. Дольника) и

При этом главным предметом их беседы является «лагерная тема»⁵⁰⁵, которая раскрывается достаточно нетривиально.

По замечанию писателя Виктора Ерофеева, в рассуждениях деда на эту тему «вместо предполагаемых проклятий сталинизму <...> трещали либеральные ценности»⁵⁰⁶.

Отступив немного в сторону, отметим, что битовский герой «выламывался из среды»⁵⁰⁷: критически настроенный по отношению к власти, он так же не поддерживает и находящихся в оппозиции к ней «либералов». В одном из своих монологов, который касается дискуссии между советскими «западниками» и «славянофилами», отсылающей к спорам конца 1960-х годов между критиками «либерального» «Нового мира» и представителями «национальной идеи»⁵⁰⁸, он отмечает: «И те, и другие сейчас – просто необразованные люди»⁵⁰⁹.

В свою очередь, рассуждая на лагерную тему Одоевцев-старший осуждает не репрессии, а реабилитацию: «Меня посадили за дело <...>. Я поставил крест на своем прошлом, на своей работе и призвании. Я понимал жизнь так и так себя понимал, что все, происходящее по судьбе с человеком, должно стать его жизнью <...>. Я прекрасно работал, был хороший прораб <...>. Я стал другим человеком и был им все эти двадцать семь лет»⁵¹⁰; «Это жестокость делать такое с человеком дважды! Сначала изнасиловать – потом заштопать и объявить целкой. <...> Они <...> отменили тридцать лет моей жизни»⁵¹¹. Будучи носителем не совпадающего с принятым, в том числе оппозиционно настроенной по отношению к консервативной идеологии либеральной прослойкой, мнения о реабилитации, дед также отмечает: «<...> те же люди, отвершив несправедливость, – они же

повествователем (прообраз самого Битова) (Битов А. Птицы, или Новые сведения о человеке // Дни человека. М., 1976. С. 336–339).

⁵⁰⁵ «Приоткрытая» во времена хрущевской оттепели, с началом «заморозков» она, как уже было отмечено в предыдущих разделах, попала в разряд запрещенных, но осталась одной из наиболее актуальных.

⁵⁰⁶ Ерофеев В. В. Памятник прошедшему времени. Андрей Битов. Пушкинский дом. Октябрь. 1988. № 6. С. 203.

⁵⁰⁷ Там же. С. 203.

⁵⁰⁸ Козлов Д. Наследие «оттепели»: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 1960-х гг. // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 196.

⁵⁰⁹ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 73.

⁵¹⁰ Там же. С. 84; С. 85.

⁵¹¹ Там же. С. 85; С. 86.

[посмели] и восстанавливать ее»⁵¹². Тем самым он затрагивает подспудно еще одну «отсутствовавшую» на уровне официального дискурса, но актуальную в интеллигентских кругах тему преемственности между «сталинским» и сменившим его режимом. Эту преемственность дед отмечает и в сфере межчеловеческих отношений, а именно – в поведении Левы, «предающего» в стремлении понравиться деду своего отца, как и тот – своего: «“В семени уже предательство! В семени!” – орал, сидя на стуле дед»⁵¹³, – чем ставит под сомнение одну из основных установок «шестидесятников», противопоставляющих себя поколению «отцов»⁵¹⁴.

К этой главе приложены дневниковые записи деда⁵¹⁵, в которых, в частности, подвергаются сомнению основные принципы советской идеологии – «материализация абсолютных понятий», установка на достижение некоего идеала⁵¹⁶, «привитие романтического взгляда на реальность»⁵¹⁷ и т.п.

При этом главы о дедке, как и «Комментарий», могут «выниматься» из текста. Так, в изданных в советской печати частях «Пушкинского дома» о дедке упомянуто лишь вскользь – в отрывке, посвященном смерти дяди Диккенса, сообщается и о смерти Одоевцева-старшего⁵¹⁸.

В других фрагментах романа, предназначенных для публикации, Битов, обращаясь к «общеизвестным», но «запрещенным» темам, «умудряется», по замечанию литератора и критика М. Берга⁵¹⁹, оставаться в строго определенных пределах допустимого.

Например, в повести «Солдат», вышедшей в журнале «Дружба народов», и в главе «Кавалер солдатского Георгия» из книги «Молодой Одоевцев, герой романа», посвященных вернувшемуся из лагеря, как и дед, дяде Диккенсу,

⁵¹² Там же. С. 85.

⁵¹³ Там же. С. 96.

⁵¹⁴ См. комментарий к статье Ст. Рассадина «Шестидесятники» Б. Фирсова (Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб., 2008. С. 398).

⁵¹⁵ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 142–143.

⁵¹⁶ Там же. С. 142.

⁵¹⁷ Такие, как «материализация абсолютных понятий», установка на достижение некоего идеала, «привитие романтического взгляда на реальность» (Там же. С. 143).

⁵¹⁸ Битов А. Солдат (из воспоминаний о семье Одоевцевых) // Звезда. 1973. № 7. С. 33; Битов А. Молодой Одоевцев, герой романа // Дни человека. М., 1976. С. 208.

⁵¹⁹ Берг М. Антиподы: писатель дневной и ночной // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 227.

«резкое и однозначное “сидел”, [которое было в «неподцензурном» варианте], заменялось на многозначное и мягкое “строил”»⁵²⁰. Навязчивое стремление дяди Диккенса к чистоте объяснялось неприятными воспоминаниями не «об окопах и бараках»⁵²¹, но «об окопах и землянках войны, <...> бараках новостроек»⁵²². А вместо советской власти (в полном варианте текста завуалированной при помощи довольно «прозрачного» эзоповского выражения «Софья Владимировна»⁵²³) дядя Митя ругал «кого-то»⁵²⁴.

И хотя на то, откуда на самом деле вернулся в дом Одоевцевых дядя Диккенс, читателю напечатанных отрывков из романа указывала не только понятная метафора «стройки», но «блатной аристократизм» героя⁵²⁵, его речь⁵²⁶, и завариваемый им «чай-чифирек»⁵²⁷, тем не менее, Битов не сообщает об этом прямо, умудряясь лишь с помощью, казалось бы, незначительных деталей сказать о неизбежности страшного опыта прошлого, неизменно присутствующего в настоящем человека. Так, пол в квартире дяди Диккенса «был выскоблен по-деревенски», и при этом сам он «без конца» принохивался⁵²⁸, словно не в силах избавиться от впечатления, оставленного прошлым.

Или другой пример: в опубликованном в «Вопросах литературы» пересказе статьи Левы «Три “Пророка”» в рубрике «Гипотезы и разыскания», т.е. тексте на специальную и, как казалось, непривлекательную для массового читателя, тему, А. Битов позволяет себе отметить – что характерно, не в основном содержании, а в ссылке внизу страницы – что Лева «“лазил”» по иным недоступным

⁵²⁰ Карабчиевский Ю. Точка боли. О романе Андрея Битова «Пушкинский дом» [Электронный ресурс] // Журнальный зал. Режим доступа: http://old.magazines.russ.ru/novyi_mi/arhiv/karab/esse/tochka8.html

⁵²¹ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 38.

⁵²² Битов А. Солдат (из воспоминаний о семье Одоевцевых) // Звезда. 1973. № 7. С. 28; Битов А. Молодой Одоевцев, герой романа // Дни человека. М., 1976. С. 200.

⁵²³ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 32. В раннем варианте – Софья Власьевна (Битов А. Близкое ретро, или Комментарий к общеизвестному // Новый мир. 1989. № 4. С. 144).

⁵²⁴ Битов А. Молодой Одоевцев, герой романа // Дни человека. М., 1976. С. 206.

⁵²⁵ Битов А. Солдат (из воспоминаний о семье Одоевцевых) // Звезда. 1973. № 7. С. 25; Битов А. Молодой Одоевцев, герой романа // Дни человека. М., 1976. С. 195.

⁵²⁶ Там же. С. 25; С. 26; С. 31; Там же. С. 194; С. 196; С. 204.

⁵²⁷ Там же. С. 27; Там же. С. 199.

⁵²⁸ Там же. С. 28; Там же. С. 200; Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 38

источникам»⁵²⁹, намекая тем самым на наличие «второй», альтернативной советской, литературы «самиздата».

Таким образом, видно, что в некоторых частях текста А. Битов придерживается необходимых «правил игры», в то время как в других – выходит за допустимые пределы, но при этом вторые могут быть «вынуты» из текста, оставляя вполне цельный сюжет, отсылающий к традиционному жанру романа взросления. Такая достаточно гибкая структура была «удобна» для выражения разномыслия автора, позволяя ему писать, как и о чем он считал нужным – намеками или прямо, о «становлении» героя или «о пьянстве, о ГУЛАГе, о еврейском вопросе, о том, что мужчина не спит с одной женщиной»⁵³⁰.

При этом чуть ли не основной в «Пушкинском доме» А. Битова стала тема, посвященная процессу написания романа.

Это было обусловлено тем, что, работая над данным произведением, Битов «впервые справлялся с большой формой, <...> эта форма [его] завлекла и [он] не мог не наблюдать за ней в процессе писания»⁵³¹.

В результате параллельно с историей отношений междулевой и его отцом, дедом, дядей Диккенсом, Фаиной, Альбиной, Любашей и Митишатьевым, в романе развивается вторая сюжетная линия, описывающая отношения автора с его произведением⁵³² и представленная в приложениях «Профессия героя»⁵³³ и «Ахиллес и черепаха»⁵³⁴, а также авторских отступлениях, прерывающих курсивом основное повествование о Леве⁵³⁵.

Размывая эпический сюжет⁵³⁶, делая его условным, размышления об эстетике и поэтике текста, выведенные в «полном» варианте на первый план, в то

⁵²⁹ Битов А. Молодой Одоевцев, герой романа // Дни человека. М., 1976. С. 157.

⁵³⁰ Битов А. Интервью на «России 24». Эфир от 27.05.2012 [Электронный ресурс] // Сайт rutv.ru. Режим доступа: <http://rutv.ru/brand/show/episode/129360/viewtype/tag>

⁵³¹ Шкловский Е. Беседа с Андреем Битовым В поисках реальности // Литературное обозрение. 1988. № 5. С. 34.

⁵³² Липовецкий М. Н. Разгром музея: Поэтика романа А.Битова «Пушкинский дом» // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 242; Сухих И. Сочинение на школьную тему // Звезда. 2007. № 4. С. 233; Андрианова М. Д. Авторские стратегии в романной прозе А. Битова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.

⁵³³ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 254–279.

⁵³⁴ Там же. С. 387–405.

⁵³⁵ Там же. С. 12–13; С. 67–71; С. 127–130; С. 149–152; С. 244–246; С. 283–285; С. 360–363.

⁵³⁶ См.: Липовецкий М. Н. Разгром музея: Поэтика романа А. Битова «Пушкинский дом» // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 243.

же время, будучи написаны в форме приложений и отступлений, были «демонтируемы», о чем свидетельствует подцензурный вариант, в котором основной акцент был сделан, как уже оговаривалось выше, на истории «становления» главного героя. Впрочем, в редуцированном виде эти размышления, посвященные фигуре автора, его отношениям с героем, структуре произведения и сюжетостроению, все же появляются в печати.

В них прослеживаются отсылки к различным литературоведческим концепциям.

В главе «Профессия героя» автор приводит пересказ статьи Левы «Три пророка», представляющей собой сравнительный анализ стихотворений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева и отсылающей к статье литературного критика и литератора, «формалиста» Юрия Тынянова «Пушкин и Тютчев», на связь с которой, прокомментированную критиками и исследователями⁵³⁷, опровергая ее, подспудно указывает сам автор⁵³⁸. К данной статье отсылает также замечание автора, сделанное уже в его комментариях к ней. Достаточно сравнить: «Искажение прижизненного пушкинского образа носит как бы оптический характер»⁵³⁹ и «С точки зрения Пушкина, под его знаком изучались самые разнородные явления, среди которых он сам был только одним из многих. В результате – естественное искажение перспективы»⁵⁴⁰.

В этой же главе Битов полемизирует с популярным тогда в среде интеллигенции структуралистским методом интерпретации текста⁵⁴¹. Напомним, что гуманитарные тексты читались в 1970-е даже теми, для кого филология не была сферой профессиональных занятий, и воспринимались не только на узкоспециальном, но и общечеловеческом уровне⁵⁴².

⁵³⁷ См.: Чансес Э. Андрей Битов: экология вдохновения. СПб., 2006. С. 218 и др.

⁵³⁸ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 476.

⁵³⁹ Там же. С. 476.

⁵⁴⁰ Тынянов Ю. Н. Пушкин и Тютчев // Пушкин и его современники. М., 1969. С. 167.

⁵⁴¹ См.: Зенкин С. С/З, или Трактат о щегольстве [Электронный ресурс] // Сайт Александра Жолковского. Режим доступа: <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/review/shegol.htm>

⁵⁴² Балла О. Мыслители XX века: Сергей Аверинцев [Электронный ресурс] // Живой журнал Gertman (Балла О.). Режим доступа: <http://gertman.livejournal.com/33264.html>

В противовес принятому структуралистами подходу («Лотман начинал анализ стихотворения с росписи его лексики, ритмики, фоники <...> методологически неверно начинать анализ с идейного содержания»⁵⁴³) герой Битова «берет на себя смелость, не вдаваясь в обсуждение развития поэтических форм, сравнить их по содержанию»⁵⁴⁴. После этого автор добавляет, что это «в науке последнее время не принято, потому что содержание есть предмет не вполне научный»⁵⁴⁵, иронизируя тем самым над структуралистами, пытающимися приблизить литературоведение к точным наукам⁵⁴⁶. Отмечая, что ему «было любопытно изучить, каким образом воплощается личный опыт в неличном материале»⁵⁴⁷, автор демонстрирует близость взглядам Михаила Бахтина, упрекавшего структуралистов в отсутствии интереса к личности автора, создающего текст⁵⁴⁸.

Именно к концепции Бахтина о «внеаходимости» автора в герое, их несовпадении⁵⁴⁹, отсылает Битов, подчеркивая, что авторство статьи принадлежит его герою, а не ему самому⁵⁵⁰. Он «солидарен» с Бахтиным и в других вопросах, например, о всеведении автора⁵⁵¹ или о том, что, работая над автопортретом, художнику следует занимать позицию вне себя⁵⁵². Последнее у Битова показано буквально, в описании автора самого себя со стороны, возможном благодаря воображаемой встрече автора с собой «другим» во сне⁵⁵³. Но, несмотря на эту солидарность, писатель утверждает свою независимость и от бахтинской теорий. В первую очередь это выражается в установке на комментирование процесса написания романа (М. Бахтин: «Художнику нечего сказать о процессе творчества

⁵⁴³ Гаспаров М. Л. Ю. М. Лотман: наука и идеология [Электронный ресурс] // Русский филологический портал. Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/gasparov-97a.htm>

⁵⁴⁴ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 261.

⁵⁴⁵ Там же. С. 261.

⁵⁴⁶ См.: Зенкин С. С/З, или Трактат о щегольстве [Электронный ресурс] // Сайт Александра Жолковского. Режим доступа: <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/review/shegol.htm>

⁵⁴⁷ Битов А. «Три “Пророка”» // Вопросы литературы. 1976. № 7. С. 146.

⁵⁴⁸ См.: Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 285; Зенкин С. С/З, или Трактат о щегольстве [Электронный ресурс] // Сайт Александра Жолковского. Режим доступа: <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/review/shegol.htm>

⁵⁴⁹ См.: Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 12.

⁵⁵⁰ См.: Битов А. «Три “Пророка”» // Вопросы литературы. 1976. № 7. С. 146.

⁵⁵¹ Ср.: Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 396 и Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 14.

⁵⁵² Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 12.

⁵⁵³ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 394–395.

– он весь в созданном продукте»⁵⁵⁴), а также во включении в текст в качестве героя так называемого первичного автора⁵⁵⁵ и в целом в отсутствии деления на биографического, первичного и вторичного автора, выдвинутого М. Бахтиным⁵⁵⁶.

По-видимому, наибольшее влияние на Битова оказали концепции Ю. Тынянова. Об этом можно судить по тому, что некоторые из идей Ю. Тынянова Битов продолжает развивать за пределами романа. Так, сделанное в «Ахиллесе и черепахе» замечание о том, что в процессе написания романа меняется личность автора⁵⁵⁷, что отсылало к концепции, высказанной Ю. Тыняновым в статье «Литературный факт», Битов развивал во многих интервью. Достаточно сравнить Тынянов: «Авторская индивидуальность не статическая система, литературная личность динамична»⁵⁵⁸. Битов: «Роман не выдержишь. Это годы. Вы меняетесь, обстоятельства жизни меняются, герой меняется, все меняется»⁵⁵⁹; «Роман обязан отражать изменения самого автора»⁵⁶⁰.

Интересно, что с ученицей Тынянова Л. Гинзбург Битов вступает в своего рода полемику⁵⁶¹. В ссылке на рассуждения Гинзбург о Л. Толстом и М. Прусте, Битов, с одной стороны, фактически пересказывает размышления литературоведа⁵⁶², с другой – полемизирует с ней, сообщая о «пропасти, разделяющей писателя Левина и писателя Льва Толстого»⁵⁶³ (Л. Гинзбург утверждала: «Толстой является несомненным и явным прототипом Левина»⁵⁶⁴). Таким образом, кроме осведомленности в различных литературоведческих концепциях, писатель демонстрирует независимость от каждой из них, отвергая в том числе ту, обращение к которой считалось своего рода маркером научного инакомыслия, – структуралистскую.

⁵⁵⁴ Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 9.

⁵⁵⁵ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 396.

⁵⁵⁶ См.: Фаустов А. А. К вопросу о концепции автора в работах М. М. Бахтина [Электронный ресурс] // Русский филологический портал. Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/faustov-86.htm>

⁵⁵⁷ Битов А. Ахиллес и черепаха // Литературная газета. 1975. № 4. С. 6.

⁵⁵⁸ Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М. 1993. С. 125.

⁵⁵⁹ Шкловский Е. Беседа с Андреем Битовым В поисках реальности // Литературное обозрение. 1988. № 5. С. 34.

⁵⁶⁰ Хасбулатова Д. Я непрофессиональный писатель: Беседа с Битовым А. Г. // Известия. 2000. 7 июня. № 102. С. 10.

⁵⁶¹ О том, что А. Битов был учеником Л. Гинзбург см.: Чансес Э. Андрей Битов: экология вдохновения. СПб., 2006. С. 21.

⁵⁶² Ср.: Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 255. и Гинзбург Л. О литературном герое. Ленинград, 1979. С. 13.

⁵⁶³ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 255.

⁵⁶⁴ Гинзбург Л. О литературном герое. Ленинград, 1979. С. 13.

Возможно, ввиду того, что сама по себе сфера выражения «разных мыслей» являлась в данном случае узкой (литературоведение – специальная дисциплина), «недопустимые» в силу своей «разности» взгляды Битова попали в печать: статья «Три “Пророка”» была опубликована в «Вопросах литературы»⁵⁶⁵, как и практически соответствующая ей глава «Профессия героя» в тексте «Молодой Одоевцев, герой романа»⁵⁶⁶, а также статья «Ахиллес и черепаха», которая, правда, вышла с некоторыми купюрами.

Однако авторские наблюдения, «следящие за формой»⁵⁶⁷, оказались «вынуты», как «Комментарий» или глава о деде Левы. Это можно объяснить как тем, что их наличие сближало произведение Битова с «чуждыми» советской эстетике модернистскими и постмодернистскими экспериментами⁵⁶⁸, так и тем, что они содержали эстетические установки, расходившиеся с принятыми официальной советской литературой, – такие, как установка на «вторичность»⁵⁶⁹, отказ от объективно-реалистического изображения⁵⁷⁰, нарушение художественной условности⁵⁷¹, множественность повествовательных вариантов⁵⁷².

Отметим, что последний из перечисленных принципов ложится в основу сюжетостроения «полного» варианта «Пушкинского дома». Так, каждая новая глава романа является «вариантом» предыдущей⁵⁷³, и все они дополнены альтернативными финалами (версиями).

Это до– и переписывание одной и той же истории, напоминая постмодернистские эксперименты с формой, в то же время не сводилось лишь к НИМ.

⁵⁶⁵ Битов А. «Три “Пророка”» // Вопросы литературы. 1976. № 7. С. 145–174.

⁵⁶⁶ Битов А. Молодой Одоевцев, герой романа // Дни человека. М., 1976. С. 260–282.

⁵⁶⁷ Шкловский Е. Беседа с Андреем Битовым. В поисках реальности // Литературное обозрение. 1988. № 5. С. 34.

⁵⁶⁸ См.: Липовецкий М. Н. Разгром музея: Поэтика романа А.Битова «Пушкинский дом» // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 230–244.

⁵⁶⁹ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 12.

⁵⁷⁰ Там же. С. 68.

⁵⁷¹ Там же. С. 71; С. 362.

⁵⁷² Там же. С. 129.

⁵⁷³ Там же. С. 129.

Оставляя впечатление «противоестественной реанимации повествования»⁵⁷⁴, оно отсылало к знакомой советскому официальному писателю, каким и был Битов, практике доработки текста.

Судя по замечанию, сделанному А. Битовым в одном из интервью («Мне никогда фактически не удавалось построить книгу так, как хотелось. Конструкция и целостность разрушались из-за вынимания одной какой-то вещи и заменой ее другой – не по моей воле»⁵⁷⁵), «Пушкинский дом» своей множественностью вариантов отражал этот «скрытый» процесс написания текста советским прозаиком, с одной стороны, учитывающим требования официального канона к тому, каким должен быть текст, с другой – пытающимся уловить новые веяния времени.

В совокупности с авторскими отступлениями, которые свидетельствовали о кругозоре советского писателя, не ограниченном «дозволенными» знаниями, но отражающем творческие поиски автора в области различных литературоведческих теорий, а также «неприемлемой» модернистской эстетики, подобная форма, перефразируя самого Битова, «болтала»⁵⁷⁶, сообщая о том, что «все сложнее, чем хотят заставить думать»⁵⁷⁷. Последнее демонстрировала и битовская «игра в классики».

Вызывавшие у некоторых советских критиков обвинения во «вторичности»⁵⁷⁸, отсылки к русской классической литературе, которые в неподцензурном варианте буквально «перенасыщают» текст, усложняя его, что можно проинтерпретировать как вызов упрекам в «элитарности», часто достававшимся битовской прозе⁵⁷⁹, были «опасны» еще и тем, что выражали иное отношение к классическому наследию.

⁵⁷⁴ Карабчиевский Ю. Точка боли. О романе Андрея Битова «Пушкинский дом» [Электронный ресурс] // Журнальный зал. Режим доступа: http://old.magazines.russ.ru/novyi_mi/arhiv/karab/esse/tochka8.html

⁵⁷⁵ Шкловский Е. Беседа с Андреем Битовым В поисках реальности // Литературное обозрение. 1988. № 5. С. 37.

⁵⁷⁶ В оригинале: «Время болтало» (Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 31).

⁵⁷⁷ Балла О. Мыслители XX века: Сергей Аверинцев [Электронный ресурс] // Живой журнал Gertman (Балла О.). Режим доступа: <http://gertman.livejournal.com/33264.html>

⁵⁷⁸ Рассадин С. Нужны ли литературоведению гипотезы? // Вопросы литературы. 1977. № 2. С. 101; Фомичев С. О литературоведении чистом и нечистом, о заведомых гипотезах и Леве Одоевцеве // Звезда. 1978. № 4. С. 210.

⁵⁷⁹ См.: Чансес Э. Андрей Битов: экология вдохновения. СПб., 2006. С. 16.

Считающий, что «советская власть [сделала] классиков номенклатурой»⁵⁸⁰, хотя, «наоборот <...> стоило их только почитать разутыми глазами и советской власти как не бывало»⁵⁸¹, Битов пытается нарушить устоявшееся представление о них.

Например, на интертекстуальном уровне он помещает А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Лермонтова и др. в один ряд с полузапрещенным Дж. Джойсом и модернистом М. Прустом. Любовная история Левы, явно отсылая к отношениям Печорина с Верой и княжной Мэри, подспудно напоминала и о «любви Свана»⁵⁸².

Также писатель подчеркивает – за счет заголовков, эпиграфов и реминисценций – сходство не только своих героев с классическими, но и классических героев со своими, приравнивая «героя нашего времени» к «негерою» Леве, дуэль Пушкина и Дантеса к «стычке» Левы и Митишатъева из-за Фаины.

Кроме того, он делает классиков предметом пьяной беседы между сотрудниками «Пушкинского дома», вольность содержания которой нарушает устоявшиеся в советской культуре стереотипы, связанные с литературой 19 века. В частности, обсуждалось то, «спала все-таки Наталья Николаевна с Дантесом или не спала?»⁵⁸³. Попытки переосмысления классического наследия предпринимались в среде творческой интеллигенции тех лет. Об этом можно судить по дискуссии, последовавшей за публикацией «Левинной» статьи «Три “Пророка”»⁵⁸⁴, некоторые участники которой отмечали необходимость свежего взгляда на классику⁵⁸⁵, а также по проведению дискуссии «Классика и мы», которая состоялась 21 декабря 1977 года в Центральном доме литераторов. И, следовательно, ничего принципиально «инакового» в том, что писал Битов, не

⁵⁸⁰ Климова М. Андрей Битов: «Мне все чаще кажется, что я ничем не отличаюсь от любого прохожего» // Парижские встречи. СПб., 2004. С. Андрей Битов: «Мне все чаще кажется, что я ничем не отличаюсь от любого прохожего» // Парижские встречи. СПб., 2004. С. 227.

⁵⁸¹ Там же. С. 227.

⁵⁸² Baker Harold D. Bitov reading Proust through the windows of Pushkin house // Slavic and East European Journal. Vol. 41. № 4. P. 604.

⁵⁸³ Битов А. Пушкинский дом. М., 2007. С. 310.

⁵⁸⁴ Нужны ли литературоведению гипотезы? // Вопросы литературы. 1977. № 2. С. 82–112.

⁵⁸⁵ См.: Кушнер А. Нужны ли литературоведению гипотезы? // Вопросы литературы. 1977. № 2. С. 95 и др.

было. Однако именно таким образом прозаик утверждал свое право думать и писать о классике, как хочет, что позволяла сделать и структура текста, поскольку нетрадиционные представления о литературе или жизни были разбросаны по «приложениям», отступлениям, «версиям» и «вариантам», то есть дополняющим основное, вполне традиционное, содержание фрагментам.

Первое, что стоит отметить, обращаясь к выводам о «Пушкинском доме» А. Битова, это то, что данный роман, распространявшийся в 1970-е годы в Советском Союзе только в виде «самиздатовских» копий и фотокопий, в действительности не содержал ничего такого, о чем бы не знал или не думал обычный представитель интеллигенции тех лет, в т.ч. официальный писатель. Однако, хотя в ряде вопросов, затронутых Битовым, не было ничего предосудительного, часть мыслей предполагалось умалчивать на уровне официального дискурса, а часть можно было выразить лишь в отвлеченной, иносказательной форме. Это множество точек зрения, как дозволенных, так и недопустимых, не совпадающих не только с теми, которые педалировались советской властью, но и друг с другом, иными словами – разномыслие, находит отражение в структуре битовского текста.

Так, в основу этой структуры легли главы, посвященные любви, дружбе, профессии главного героя. Рассказывающие историю его становления, все вместе они составили роман воспитания в его «классическом» варианте, т.е. текст, приемлемый в советской печати с точки зрения как формы, так и содержания (это подтверждает публикация этих глав в СССР). Однако этим Битов не ограничился. В полный вариант «Пушкинского дома» он также включает «Комментарий», всевозможные «приложения», авторские отступления и дополнительные варианты развития основного сюжета.

«Комментарий», «приложения» и отступления содержат мысли, касающиеся «лагерной темы», темы цензуры, вопросов классического наследия, зарубежных экспериментов; рефлексии писателя по поводу того, какими должны быть согласно существующим в советской литературе установкам роман и его главный герой, какими видит их автор, и метарефлексию, в процессе которой

автор обращается к посвященным тем же вопросам различным литературоведческим теориям Ю. Тынянова, М. Бахтина, Л. Гинзбург, и др., полемизируя с каждой из этих теорий. То есть Битов касается тех тем, которые играли немалую роль в «истории становления» советского интеллигента, в частности, его самого, но либо были запрещены на уровне официального дискурса, либо в их отношении в публичной сфере навязывалась доминирующая точка зрения, либо они были довольно «специальными».

Дополнительные же версии развития основного сюжета отсылали к реальной, но скрываемой практике доработки текста советским официальным писателем, и демонстрировали, что допустимый вариант не был единственным.

При этом все эти дополнительные фрагменты, вместе с основной частью воплощающие и передающие состояние разномыслия, характерное как для Битова в частности, так и для его среды в целом, были легко демонтируемы. Это позволяло автору при переходе на уровень официального дискурса «вынуть» (как это было, например, в случае с главами о деде, а также разными версиями Левиной истории) или перераспределить их (так, например, статью Левы он помещает в специализированный литературоведческий журнал «Вопросы литературы»).

В итоге получившаяся структура, традиционно характеризуемая как постмодернистский эксперимент, отражала, если рассматривать ее с интересующей нас точки зрения, разномыслие, которое, проявившись на уровне формы и литературной рефлексии, а также став темой художественного анализа, сыграло конституирующую роль в романе «Пушкинский дом».

Глава 2.

Приемы выражения разномыслия в жанрах различной функциональной направленности

2.1. Разномыслие «в подтексте»⁵⁸⁶: литература государственного заказа («Степень доверия» В. Войновича, «Любовь к электричеству» В. Аксенова, «Нетерпение» Ю. Трифонова)

В 1968 году издательство политической литературы ЦК КПСС запустило серию беллетризованных биографий революционных деятелей под общим названием «Пламенные революционеры» (далее – *ПР*). По словам ее редактора В. Новохватко, «серия возникла по инициативе Союза писателей СССР и Политиздата»⁵⁸⁷ с благими намерениями: «Увлékла задача: воспитание идейного, духовного, нравственного потенциала современного “юноши, обдумывающего житье”»⁵⁸⁸.

Запуск серии был обусловлен рядом факторов. Приурочив его к пятидесятилетию Октябрьской революции, Политиздат, судя также по сопровождавшим выход романов критическим отзывам⁵⁸⁹, ставил перед собой цель напомнить молодому поколению о героическом прошлом страны. Однако сам замысел объяснялся не только близостью исторической даты. Возросшая социальная активность населения, в первую очередь – молодежи в странах Западной Европы и США, приведшая к «революциям 1968 года», энергичные попытки реформировать социализм в Восточной Европе, в том же 1968 году вызвавшие «Пражскую весну», действия партизанских отрядов, возглавляемых

⁵⁸⁶ См.: Новохватко В. Белые вороны «Политиздата» [Электронный ресурс] // Живой журнал В. Новохватко pov18088. Режим доступа: <http://www.online812.ru/2010/09/24/007/>

⁵⁸⁷ Тарощина С. «Острее стало ощущение шагов истории самой» // Литературная газета. 05. 04. 1978. С. 3.

⁵⁸⁸ Там же. С. 3.

⁵⁸⁹ См.: Бровман Г. Люди революции: мысль и действие [образы революционеров в художественной литературе] // Знамя. 1971. № 8. С. 233–239; Жак Л. У истоков нового мира // Литературная газета. 25. 04. 1973. С. 5; Хотимский В. Злободневно о былом (Повести о революционерах) // Юность. 1972. № 11. С. 64–65.

Эрнесто Че Геварой, наконец, формирование диссидентского движения в самом СССР, – все это достаточно бурно обсуждалось в Союзе, провоцировало сдвиги в сознании советских людей⁵⁹⁰ и требовало активной государственно-партийной реакции. Одним из проявлений последней и стал выход серии о «пламенных революционерах» разных стран и лет, призванной через рассказ «о том, что думали, чувствовали, о чем мечтали люди, совершая поступки, вошедшие во все учебники истории»⁵⁹¹, убедить в закономерности и справедливости советского строя, главным образом молодежь.

Необходимость завоевать новый сегмент аудитории, увлеченной «новомирской» и «юношеской» прозой, потребовала «очеловечивания» легендарных революционеров⁵⁹², превращения их в героев для нового поколения читателей. В связи с этим, «литературной формой были избраны не скучные, назидательные пропагандистские трактаты, а живые документальные романы и повести, могущие увлечь за собой не только сознание, но и чувства, воображение читателя»⁵⁹³, серия была эффектно оформлена и регулярно обновлялась, а к работе над ней были привлечены многие популярные писатели тех лет, в частности, В. Аксенов, В. Войнович, А. Гладилин, Б. Окуджава, Ю. Трифонов и др.

В результате книги серии расходились огромными тиражами – «обычный тираж – 200 тысяч экземпляров, а то и больше»⁵⁹⁴, некоторые из них неоднократно переиздавались⁵⁹⁵.

В советских рецензиях успех, который имели многие романы серии, объяснялся «полным отсутствием сухости, голой “политграмоты” традиционных

⁵⁹⁰ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека // Вайль П., Генис А. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2004. С. 570; Аксенов В. П. Десятилетие клеветы (радиодневник писателя). М., 2004. С. 86; Виравов И. Андрей Вознесенский. М., 2015. С. 343.

⁵⁹¹ Логинов В. О романе Василия Аксенова «Любовь к электричеству» // Юность. 1971. № 3. С. 33.

⁵⁹² См.: Фоменко Л. Рыцари революции // Правда. 23. 06. 1974. С. 7; Савченко В. Мысль, совесть, действие // Литературное обозрение. 1977. № 12. С. 5.

⁵⁹³ Новохватко В. «Так за царя, за Родину святую...» // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 331.

⁵⁹⁴ Азольский А. Посторонний // Новый мир. 2007. № 4. С. 18.

⁵⁹⁵ Например, «Любовь к электричеству» В. Аксенова (1972, 1975 гг.); «Степень доверия» В. Войновича (1972, 1973 гг.); «Нетерпение» Ю. Трифонова (1973, 1974, 1988 гг.), «Завещаю вам братья» Ю. Давыдова (1975, 1977 гг.) и др.

и набивших оскомину биографий»⁵⁹⁶. Однако, судя по всему, у популярности ПР были и другие причины.

Уже в отзывах 1970-х годов⁵⁹⁷, наравне с дежурными упреками в схематизме⁵⁹⁸, встречаются замечания критиков о «смещении акцентов в изображении героев»⁵⁹⁹. С середины 1980-х годов (в это время отзывы о ПР лишаются прежней благосклонности: авторам указывают на существенные исторические и стилистические просчеты, статьи с обличительным пафосом⁶⁰⁰ сообщают об «особом положении» серии⁶⁰¹, определяя участие в ней таких литераторов, как В. Аксенов, А. Гладилин, В. Войнович и др., как двурушничество⁶⁰²), критики начинают писать о наличии подтекста в некоторых произведениях⁶⁰³. В более поздних комментариях к ПР, оставленных создателями серии, ее авторами и читателями⁶⁰⁴, наличие подтекста в некоторых романах свяжут со спросом на них в интеллигентских кругах 1970-х годов. Эти свидетельства являются основанием к тому, чтобы уточнить роль серии в литературном процессе тех лет.

В 2000 году писатель С. Баймухаметов напишет: «Главное партийное издательство [Политиздат] <...> стало тогда рассадником вольнодумства. В общем, сейчас слышать это странно, но тогда казенные партийные слова – Политиздат, серия “Пламенные революционеры” – были неким паролем, знаком вольнодумства...»⁶⁰⁵. Во-первых, знаками «вольнодумства» были так называемые кукиши в кармане. К примеру, В. Топоров отмечает: «Здесь печатались поэт Владимир Корнилов, бард Булат Окуджава, фантаст Еремей Парнов, критик

⁵⁹⁶ Покровская С. «Вы жили истинно и смело» // Аврора. 1978. № 2. С. 56.

⁵⁹⁷ См.: Логинов В. О романе Василия Аксенова «Любовь к электричеству» // Юность. 1971. № 3. С. 32–33; Покровская С. «Вы жили истинно и смело» // Аврора. 1978. № 2. С. 53–58; Хотимский В. Злободневно о былом (Повести о революционерах) // Юность. 1972. № 11. С. 64–65.

⁵⁹⁸ Жак Л. У истоков нового мира // Литературная газета. 25. 04. 1973. С. 5

⁵⁹⁹ Куклис Г. Отчизне посвятим! // Литературная газета. 30. 07. 1975. С. 2.

⁶⁰⁰ С пафосом, характерным для критики периода гласности, направленной на «заказную» литературу.

⁶⁰¹ См.: Сухих И. Ответственность перед темой // Звезда. 1987. № 11. С. 206; Уланов Э. От Невы до Селенги // Слово. В Мире книг. 1989. № 12. С. 49.

⁶⁰² См.: Семанов С. Пламенные революционеры и их певцы // Литературная Россия. 02. 08. 1991. С. 10.

⁶⁰³ Там же. С. 10; Савченко В. Они дышали свободой // Знамя. 1988. № 11. С. 204.

⁶⁰⁴ См.: Гладилин А. Интервью [Электронный ресурс] // Живой Журнал ivin92s. Режим доступа: <http://ivin92s.livejournal.com/7240.html>; Новохватко В. Белые вороны Политиздата // Знамя. 2013. № 5. С. 97–115; Топоров В. Бизнес-план книжной серии «Пламенные революционеры» [Электронный ресурс] // 812 online. 24. 09. 2010. Режим доступа: <http://www.online812.ru/2010/09/24/007/> и др.

⁶⁰⁵ Баймухаметов С. Кукиш в кармане // Знамя. 2000. № 2. С. 160.

Станислав Рассадин и многие другие. С некоторым опозданием подтянулись и Яков Гордин, Игорь Ефимов, Александр Житинский... У каждого из них нашлось тогда не одно доброе слово и про “Софью Власьевну”. Но не без кукиша в кармане, конечно. Как же без кукиша-то?»⁶⁰⁶. Однако «кукишами в кармане» дело не ограничилось. На это указывает серьезное отношение авторов к романам, созданным в рамках серии.

В. Аксенов, отвечая на вопросы Ю. Коваленко об издании собрания своих сочинений, настаивал: «Есть вещи конъюнктурные, но дрянью их не назовешь. Скажем, роман для Политиздата про Леонида Красина – “Любовь к электричеству” в серии “Пламенные революционеры”, который я собираюсь издать»⁶⁰⁷. Сходного мнения придерживается В. Войнович: «Сейчас, когда я заглядываю в свою книгу [“Степень доверия”], мне в ней (каюсь) не все нравится, но я ее писал честно, душой не кривил»⁶⁰⁸.

И хотя в литературно-критических кругах бытует мнение⁶⁰⁹, что, соглашаясь на работу в серии, приглашенные авторы руководствовались преимущественно финансовыми соображениями (этого нельзя отрицать: судя по замечанию писателя и публициста А. Житинского, выпустившего там книгу «Предназначение», о том, что он «сразу получил аванс в полторы тысячи советских рублей плюс потиражные»⁶¹⁰, за работу в серии хорошо платили⁶¹¹, что, как отмечает другой писатель Георгий Садовников, «было важно в [то] безденежное время»⁶¹²), сами авторы не сводили все лишь к финансовому аспекту. Прямо или косвенно они объясняли свое согласие взяться за государственный заказ возможностью поразмышлять на актуальные темы

⁶⁰⁶ Топоров В. Бизнес-план книжной серии «Пламенные революционеры» [Электронный ресурс] // 812 online. 24. 09. 2010. Режим доступа: <http://www.online812.ru/2010/09/24/007/>

⁶⁰⁷ Климова М. Парижские встречи. СПб., 2004. С. 42.

⁶⁰⁸ Войнович В. О «Степени доверия» [Электронный ресурс] // Галерея Владимира Войновича. Режим доступа: http://www.voinovich.ru/guest_book.jsp?numberLink=6&idMessage=1858

⁶⁰⁹ См.: Кабаков А., Попов, Е. АКСЕНОВ. М., 2011. С. 153; Семанов С. Пламенные революционеры и их певцы // Литературная Россия. 2. 08.1991. С. 10.

⁶¹⁰ Троицкая Л. Писатель, публицист, создатель первой энциклопедии русского рока Александр Житинский: «Пытаясь устроить Гребенщикову квартиру, я познакомился со своей третьей женой» // Бульвар Гордона. 5. 07. 2005. Режим доступа: <http://www.bulvar.com.ua/arch/2005/11/42cbea910e1a2/>

⁶¹¹ Тираж составлял 200 тысяч экземпляров, «причем массовым тиражом считалось 50 тысяч, то есть гарантировался двойной гонорар» (Азольский А. Посторонний // Новый мир. 2007. № 4. С. 18).

⁶¹² Садовников Г. Мой одноклассник Вася [Электронный ресурс] // Интернет-издание журнала «Казань». 13.08.2012. Режим доступа: <http://kazan-journal.ru/pages/item/368-moy-odnoklassnik-vasya>

современности, обсуждение которых обычно жестко контролировалось на уровне официального дискурса⁶¹³.

Возможность обратиться к злободневным вопросам появилась у авторов не в последнюю очередь благодаря редакторскому коллективу, состав и работа которого свидетельствовали о том, что смена идеологических установок происходила на всех уровнях системы, включая руководство (об этом свидетельствуют, в частности, воспоминания А. Беляева, работавшего в то время в ЦК КПСС⁶¹⁴).

Заведующим редакцией был Владимир Новохватко. По словам В. Новохватко, в Политиздат он пришел, уже придерживаясь определенной гражданской и издательской позиции, лишённого идеологических шор взгляда на прошлое и настоящее страны.

В своих воспоминаниях он пишет, что его понимание истории и советской действительности сформировалось во многом под влиянием работы в издательстве, выпускавшем публицистику на современные темы, – в нем он работал до того, как прийти в редакцию ПР: «[Там] мне довелось редактировать три книги, оставившие заметный след в моем отношении к происходящему в стране. Первой из них была книга известного в то время публициста Ильи Зверева “Что за словом”, в которой показывалось царившее в обществе раздвоение между словом и делом. <...> Второй книгой была “Суть дела” Анатолия Аграновского. Его блистательная публицистика окончательно убедила меня в порочности советской экономики, с порога отвергавшей предпринимательство. <...> Третьей была книга “Спор идет” Наталии Четуновой, не раз выступавшей в “Литературной газете” в защиту несправедно осужденных»⁶¹⁵.

⁶¹³ См.: Войнович В. Автопортрет. Роман моей жизни [Электронный ресурс] // E-reading Club. Режим доступа: http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/146121/291/Voinovich_-_Avtoportret_Roman_moei_zhizni.html; Гладилин А. Интервью [Электронный ресурс] // Живой журнал ivin92s. Режим доступа: <http://ivin92s.livejournal.com/7240.html>

⁶¹⁴ См.: Беляев А. А. Литература и лабиринты власти: от «оттепели» до перестройки. М., 2009. С. 20–21. О борьбе, идущей внутри самой партии см. также: Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М., 2016. С. 312.

⁶¹⁵ Новохватко В. «Так за царя, за Родину свякую...» // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 331–345.

Также редакцией книг занимались Алла Пастухова, Лариса Родкина и Галина Щербакова. Все они, по замечанию В. Новохватко, придерживались схожих с ним взглядов на советскую действительность, и, несмотря на то, что между авторами и редакторами иногда случались разногласия (смотрите, к примеру, воспоминания В. Войновича об Алле Пастуховой⁶¹⁶), тем не менее, последние, по воспоминаниям Анатолия Гладилина, выпустившего в серии два романа («Евангелие от Робеспьера» и «Сны Шлиссельбургской крепости»), «доводили [произведения] до такого вида, что проходило то, что хотелось сказать в подтексте, а, с другой стороны, не царапало <...> партийные мозги»⁶¹⁷.

В этом смысле большое значение имел сам жанр историко-революционного романа. Повествование велось о событиях прошлого, и придирки цензуры о наличии в тексте намеков, отсылающих к настоящему в конечном итоге могли быть оспорены писателями или редакторами как натянутые.

Так, Владимир Новохватко, вспоминая, как проходила редакцию книга Юрия Давыдова «Завещаю вам, братья» (1975), цитирует свой разговор с главным редактором издательства В. Тропкиным: «Он [Давыдов] под видом Николая пишет о Сталине! О сталинских порядках! Эдакие намеки, эзоповский язык!» – «Мне кажется, что нельзя так многопланово толковать художественную литературу. Если с этих позиций подойти, скажем, к басне “Волк и ягненок”, то это можно расценить как оголтелое антисоветское произведение. Ты говоришь, что Давыдов там пишет о подавлении народа, о несправедливости, о произволе власти – но как же об этом не говорить, если это было и с этим революционеры боролись!» – «Да, надо»⁶¹⁸.

Таким образом, форма историко-революционного романа в сочетании с вполне дружеской редакторской правкой позволяла писателям давать

⁶¹⁶ Войнович В. Автопортрет. Роман моей жизни [Электронный ресурс] // E-reading Club. Режим доступа: http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/146121/291/Voinovich_-_Avtoportret_Roman_moei_zhizni.html;

⁶¹⁷ Гладилин А. Интервью [Электронный ресурс] // Живой журнал ivin92s. Режим доступа: <http://ivin92s.livejournal.com/7240.html>

⁶¹⁸ Новохватко В. Белые вороны «Политиздата» [Электронный ресурс] // Живой журнал В. Новохватко nov18088. Режим доступа: <http://www.online812.ru/2010/09/24/007/>

«неофициозную интерпретацию»⁶¹⁹ как революции (в результате Дмитрий Быков отметит: «Провокации, нечаевщина, мучительное противоречие между душевной чистотой борцов и кровавой бессмысленностью методов – вот, что составляло сюжет <...> серии “Пламенные революционеры”»⁶²⁰), так и других тем, актуальных в обществе 1970-х годов, изменив свою функциональную направленность и став в итоге формой проявления разномыслия.

Это иллюстрируют романы «Степень доверия» В. Войновича, «Любовь к электричеству» В. Аксенова и «Нетерпение» Ю. Трифонова.

Посвященные разным «вехам» «истории революции» (первые два описывают народофильское движение, последний – события революции 1905 года), разным героям (героиня «Степени доверия» – Вера Фигнер, герои «Нетерпения» и «Любви к электричеству» – Андрей Желябов и Леонид Красин), отличающиеся друг от друга по стилю (роман Войновича выдержан в присущей писателю саркастической интонации, роман Трифонова отличается психологизмом, аксеновский – содержит фрагменты, написанные в пародийном ключе), эти тексты тем не менее содержательно схожи между собой.

Все три романа были созданы авторами, критически относившимися к окружающей действительности и наполнившими структуру обслуживавшего государственные задачи нарратива специфическими смыслами, о чем свидетельствуют как более поздние комментарии авторов, так и замечания исследователей⁶²¹.

То, как именно «неофициозная интерпретация» актуальных проблем проникала в текст «госзаказа», рассмотрим, обратившись сначала к роману В. Войновича «Степень доверия».

⁶¹⁹ Гладилин А. Интервью [Электронный ресурс] // Живой журнал ivin92s. Режим доступа: <http://ivin92s.livejournal.com/7240.html>

⁶²⁰ Быков Д. Л. Календарь - 2. Споры о бесспорном [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. Режим доступа: <http://mreadz.net/new/index.php?id=38180&pages=28>

⁶²¹ Там же. Режим доступа: <http://mreadz.net/new/index.php?id=38180&pages=28>; Гладилин А. Интервью [Электронный ресурс] // Живой журнал ivin92s. Режим доступа: <http://ivin92s.livejournal.com/7240.html>; Ларина К., Пешкова М. Новое издание книги «Деревянное яблоко свободы». Нужна ли нынче серия «Пламенные революционеры»? Интервью В. Войновича радио «Эхо Москвы» [Электронный ресурс] // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/kazino/578326-echo/#element-text>; Новохватко В. «Так за царя, за Родину свякую...» // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 331–345.

Произведение впервые вышло в рамках серии в 1972 году⁶²². Судя по замечаниям самого писателя, к работе в ПР его подтолкнуло то положение, в котором он оказался из-за того, что подписывал письма в защиту осужденных литераторов⁶²³, а также написал и опубликовал за рубежом роман «Жизнь и удивительные приключения Ивана Чонкина», заслуживший репутацию «антисоветского» и «антинародного»⁶²⁴. Его перестали печатать, и он испытывал не только финансовые трудности, но и давление со стороны Союза писателей и комитета госбезопасности⁶²⁵.

Позже, рассуждая о том, почему его позвали в те годы в Политиздат, Войнович заметит: «Власть решила нас как-то так отвлечь в сторону от злободневных тем, чтобы мы не писали о современных делах, не описывали реальную советскую действительность, а ушли в историю, и там копались»⁶²⁶. Однако, судя по комментариям прозаика о написанном им для серии тексте, которые появляются в его автобиографическом романе «Автопортрет», в предисловии к переизданию книги в «Эксмо» в 2008 году, а также в интервью радиостанции «Эхо Москвы»⁶²⁷, результаты работы разошлись с ожиданиями «заказчиков», и роман следует рассматривать как иносказательный.

Действительно, некоторые приемы, к которым обратился писатель, расширяют интерпретативный потенциал произведения, наталкивая на вычитывание подтекста.

Роман разделен автором на две части. Сюжет второй части развивается согласно утвердившемуся канону революционного жизнеописания⁶²⁸. В ней последовательно рассказывается о деятельности главной героини – народоволки

⁶²² В 1973 году роман был переиздан.

⁶²³ А. Синявского и Ю. Даниэля, Ю. Галанскова и др.

⁶²⁴ См.: Войнович В. Автопортрет. Роман моей жизни [Электронный ресурс] // E-reading Club. Режим доступа: http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/146121/291/Voionovich_-_Avtoportret__Roman_moeii_zhizni.html

⁶²⁵ Там же.

⁶²⁶ Ларина К., Пешкова М. Новое издание книги «Деревянное яблоко свободы». Нужна ли нынче серия «Пламенные революционеры?». Интервью В. Войновича радио «Эхо Москвы» [Электронный ресурс] // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/kazino/578326-echo/#element-text>

⁶²⁷ Там же. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/kazino/578326-echo/#element-text>; Войнович В. Автопортрет. Роман моей жизни [Электронный ресурс] // E-reading Club. Режим доступа: http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/146121/291/Voionovich_-_Avtoportret__Roman_moeii_zhizni.html; Войнович В. Деревянное яблоко свободы. М., 2008. С. 3.

⁶²⁸ См.: Оскоцкий В. Д. Роман и история. Традиции и новаторство советского исторического романа. М., 1980; Петров С. Русский советский исторический роман. М., 1980.

Веры Фигнер – о ее хождении в народ, участии в восстании у Казанского собора, покушении на царя, аресте и суде. Повествование в первой части ведется от лица героя-рассказчика, в роли которого выступает муж Фигнер – Филиппов. Филиппов вспоминает о Вере, о том, какой она была до того, как вступила в революционное движение, пытается разобраться в первопричинах ее решения.

С одной стороны, такая композиция вполне соответствовала установке, заданной идеологами серии, – «избрать литературной формой не сухие научные биографии, а эмоционально насыщенные романы и повести, способные вызвать живой интерес к героям серии»⁶²⁹. С другой стороны, нарушение традиционной, довольно жесткой структуры (Л. Савинич характеризует это как эзоповский прием⁶³⁰) создавало «семантическую двуплановость», «второй семантический ряд для выражения мыслей недозволенных»⁶³¹, давая писателю, «возможность для выражения собственной точки зрения на исторические события»⁶³².

Так, следует заметить, что воспоминания Филиппова, на чьей стороне находятся явные симпатии автора, сопровождаются многочисленными остротами, направленными в адрес революционно настроенной молодежи («Нельзя сказать, чтобы время мы проводили особенно весело, вечерами играем в лото да ведем разговоры на общие темы, какие теперь ведут все российские интеллигенты, но, по моему теперешнему представлению, и в лото играть полезнее»⁶³³ и др.), а также личными переживаниями, связанными с выбором Веры: «Я стоял на тротуаре и смотрел вслед этой малюсенькой группке воздушных созданий, вообразивших, что они ухватились за тот самый рычаг, с помощью которого можно перевернуть всю землю. Они удалялись, уводя за собой Веру, мою Веру, ступившую на путь, с которого нет возврата. Сердце мое рвалось на куски. Я готов был бежать за ней, упасть на колени, целовать ноги – только бы остановить»⁶³⁴. Повествование в саркастических и сочувственных интонациях

⁶²⁹ Новохватко В. Белые вороны Политиздата // Знамя. 2013. № 5. С. 97.

⁶³⁰ См.: Савинич Л. В. Приемы эзопова языка в журнале «Современник»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. С. 9.

⁶³¹ Там же. С. 9.

⁶³² Новохватко В. Белые вороны Политиздата // Знамя. 2013. № 5. С. 97.

⁶³³ Войнович В. Н. Степень доверия. М., 1973. С. 115. См. там же: С. 116; С. 117; С. 122; С. 131 и др.

⁶³⁴ Войнович В. Н. Степень доверия. М., 1973. С. 143.

вносит нежелательное «смещение акцентов», и, предшествуя части, представляющей «революционное жизнеописание» Фигнер, свидетельствует о неоднозначном отношении самого В. Войновича к выбору Веры связать собственную жизнь с народовольческим движением.

На такое отношение указывает, по словам самого автора, и неконкретная формулировка «торжество дела», использованная им в финале романа для характеристики того, что увидела героиня, выйдя из долгого заключения уже в годы свершившегося государственного переворота. Судя по поздним объяснениям и комментариям писателя к роману, это формулировка, вполне идиоматичная для советского дискурса, представляла собой незавершенное высказывание (еще один эзоповский прием⁶³⁵): «У меня было там, что вот Вера Фигнер прожила 90 лет и увидела, к чему привело... Намек такой был. Воплощение своих идей увидела»⁶³⁶.

Тем, что именно подразумевал автор, он делится в более поздней редакции книги (в 2008 она была опубликована издательством «Эксмо» под названием «Деревянное яблоко свободы»). В этой редакции послесловие, по словам самого В. Войновича, «более уже четкое, строгое», и там он более внятно говорит то, «о чем [он] мог сказать намеком тогда»⁶³⁷: «[Фигнер] увидела конечный результат своих усилий: установившийся на долгие десятилетия тоталитарный строй. Строй, совершавший на протяжении всей своей семидесятилетней истории неслыханное насилие над собственным народом и сделавший жильем миллионов не хрустальные замки из снов Веры Павловны и мечтаний Николая Морозова, а лагерные бараки. Ради этого жертвовали чужими и своими жизнями Вера Фигнер и ее товарищи? Нет, конечно, у них были другие намерения. Благие. Которыми, как известно, устлана дорога в ад. После революции Фигнер занималась

⁶³⁵ См.: Савинич Л. В. Приемы эзопова языка в журнале «Современник»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. С. 9.; Briedis R. Censorship and Aesopic Language: An Analysis of Censorship Documents (1940–1980) // Baltic Memory. Processes of Modernisation in Lithuanian, Latvian and Estonian Literature of the Soviet Period. Vilnius, 2011. P. 17.

⁶³⁶ Ларина К., Пешкова М. Новое издание книги «Деревянное яблоко свободы». Нужна ли нынче серия «Пламенные революционеры»? Интервью В. Войновича радио «Эхо Москвы» [Электронный ресурс] // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/kazino/578326-echo/#element-text>

⁶³⁷ Там же. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/kazino/578326-echo/#element-text>

общественной и литературной деятельностью в тех ограниченных пределах, которые допускала советская власть. А допускала она вспоминать кое-что о прошлом, мечтать сколько угодно о будущем и не совать свой нос в настоящее. Вера Николаевна Фигнер умерла в 1942 году в возрасте 90 лет»⁶³⁸.

Таким ли был изначальный замысел автора или нет, но неконкретная формулировка, хоть и имела шанс быть воспринятой буквально, в то же время могла зацепить внимание читателей, наталкивая последних на разные, не исключено, что в том числе критические мысли.

Ту же роль могло сыграть и обращение В. Войновича к проблемам, актуальным не только для описываемого им времени, но и для советской действительности 1970-х годов.

Например, среди них была проблема искажения фактов истории господствующей системой взглядов, которая в семидесятые годы попала в разряд важных этических дилемм⁶³⁹. В одном из эпизодов Вера на замечание Филиппова о том, что в реферате ее подруги о Стеньке Разине описан не Разин, а Бакунин, отвечает: «Я не считаю это недостатком. Понятно, что исследователь, беря исторический факт, использует его для передачи своих современных мыслей»⁶⁴⁰. При этом В. Войнович вводит противоположную Вериной точку зрения на прием узурпации прошлого в пользу той или иной идеи. Это мнение Филлипова: «Все это справедливо, но только до тех пор, пока исторические события не переименовываются в угоду современным мыслям исследователя»⁶⁴¹. Столкновение двух разных точек зрения на одну и ту же проблему могло способствовать формированию критического отношения к ней со стороны читателей.

Также Войнович обращается и к другим злободневным темам современной ему советской действительности, в частности, к теме цензуры.

Один из второстепенных героев повести Носов, советуя Филиппову прочитать статью о земских больницах в одном из столичных журналов, говорит:

⁶³⁸ Войнович В. Деревянное яблоко свободы. М., 2008. С. 3.

⁶³⁹ См.: Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008. С. 117.

⁶⁴⁰ Войнович В. Н. Степень доверия. М., 1973. С. 132.

⁶⁴¹ Там же. С. 132.

«Цензура, конечно, как всегда выбросила самое лучшее, но кое-что все-таки осталось»⁶⁴². Филиппов в свою очередь отвечает на это следующее: «Некоторые все же ухитряются говорить дельные вещи через цензуру»⁶⁴³. Судя по воспоминаниям советских литераторов, в том числе самого В. Войновича⁶⁴⁴, замечания героев были актуальны не только для авторов дореволюционного времени, но и для советских писателей 1970-х годов.

Кроме того, автор обращается к теме политических репрессий. Мать Веры Екатерина Христофоровна после ареста младшей дочери Лиды думает следующее: «Если ты кого-нибудь убил или ограбил, тут еще можно как-то защищаться, можно на что-то рассчитывать, можно кого-то взять слезами и взяткой, но когда речь идет о том, что один человек дал другому человеку почитать книжку запрещенного содержания, то тут уже не поможешь ничем, <...> ибо чтение запрещенной книжонки расценивается как особо опасное государственное преступление»⁶⁴⁵. Как и в случае с эпизодами, в которых поднимаются проблемы цензуры и историографии, при чтении данного отрывка «может возникнуть (а может не возникнуть, а может возникнуть)»⁶⁴⁶ второй план: как известно, в 1970-е годы в СССР за литературу «давали срок»⁶⁴⁷, поэтому размышление матери Фигнер было вполне актуальным для читателей «Степени доверия».

При чтении романа обращает на себя внимание и исполнение одной из героинь романса на стихи Байрона «So, we'll go no more a-roving»⁶⁴⁸. Среди исполнителей этой песни была певица Джоан Баэз. При этом песни, написанные самой Баэз, были анархического содержания, а певица была активным участником правозащитного движения⁶⁴⁹. Благодаря системе открытых лекций по

⁶⁴² Там же. С. 31.

⁶⁴³ Там же. С. 107.

⁶⁴⁴ См.: Блюм А. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790-1990: Опыт комментированной антологии. СПб., 2011. С. 574.

⁶⁴⁵ Войнович В. Н. Степень доверия. М., 1973. С. 145.

⁶⁴⁶ Сандомирская И. Эзопов язык, или Неблагонадежное слово: техника, эстетика, меланхолия [Электронный ресурс] // YouTube. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=s_0YTo4T1Ko

⁶⁴⁷ См.: Ермолин Е. Мечтатель на службе и в отставке // Континент. 2011. № 150. С. 310.

⁶⁴⁸ Войнович В. Н. Степень доверия. М., 1973. С. 7.

⁶⁴⁹ Баллада «So, we'll go no more a-roving» выходит в альбоме «Joan Baez/5», записанном певицей в 1964 году. Кроме лирических, в альбоме есть песни протестного содержания.

американской музыкальной культуре, творчество Баэз было доступно любому интересующемуся человеку, но интересовало оно, скорей всего, тех же, кто читал «самиздатовскую» литературу, вел «кухонные разговоры» и т.д. Возможно, что для этой аудитории упоминание песни «So, we'll go no more a-roving» могло служить намеком на то, что историко-революционный роман о царской России и народолюбцах, написанный В. Войновичем, следует воспринимать как иносказательный текст о советской действительности. По замечанию Л. Лосева, включение в произведение намеков, понятных лишь «своим», а также поиск таковых со стороны читателей, был обычной практикой для семидесятых годов⁶⁵⁰.

Таким образом, роман «Степень доверия» В. Войновича мог быть воспринят как иносказательный благодаря, в частности, изменению композиционной структуры, а также переносу проблем современности в прошлое. Причем обращение к этим двум техникам было инспирировано, собственно, теми творческими задачами, которые руководство серии ставило перед ее авторами – создание историко-революционных романов, «эмоционально насыщенных <...>, способных вызвать живой интерес к героям серии»⁶⁵¹. Сам жанр оправдывал обращение к историческому материалу, революционной и политической проблематике, а цель захватить внимание широкого читателя подразумевала, что к созданию романов необходимо подойти новаторски, изменив привычную структуру «традиционных, набивших оскомину биографий»⁶⁵². В результате итоговый текст был способен восприниматься двояко, что позволяло автору опубликовать роман, проведя его через цензуру, а читателю разглядеть (или сформировать свои, что более реально, учитывая неоднозначность написанного) «вольные» соображения, касающиеся актуальных проблем советской действительности.

Аналогично могла быть прочитана и книга Василия Аксенова «Любовь к электричеству». Роман о Леониде Красине вышел в 1971 году. Книга

⁶⁵⁰ См.: Losef L. On the Benificence of Censorship. Aesopian language in Modern Russian Literature. Munchen, 1984. P. 147.

⁶⁵¹ Новохватко В. Белые вороны Политиздата // Знамя. 2013. № 5. С. 97.

⁶⁵² Покровская С. «Вы жили истинно и смело» // Аврора. 1978. № 2. С. 56.

пользовалась популярностью у читателей и была переиздана в рамках серии в 1974 году.

В советское время роман был «доброжелательно отмечен критикой»: обязательную программу Аксенов выполнил, «раскрыв человеческое обаяние героя»⁶⁵³ – легендарного наркома с непростой политической биографией. Позже, в уже нес советское время, роман назовут «поверхностным и конъюнктурным»⁶⁵⁴. В околосредствительной среде распространятся истории о том, что это признавал сам автор: «Рассказывают, как, подмахнув договор, Аксенов буркнул: “Писатель я или не писатель? Что я, двадцать листов не напишу?”. Написал. Скучнейшую “Любовь к электричеству”»⁶⁵⁵.

Главным поводом к неудовольствию критиков был поступок писателя: автор «Затоваренной бочкотары» и «Ожога» написал книгу на заданную Политиздатом тему. Так, Ж. Нива, характеризуя «Любовь к электричеству», отмечает: «То, что удалось опубликовать, кажется неискренним»⁶⁵⁶.

Однако В. Жукова и М. Литовская, отмечая, что «роман создавался “под заказ”, построен в соответствии с конвенциями историко-революционного романа, долженствующего беллетризовать биографию члена РСДРП на фоне все усиливающегося революционного брожения в обществе (модные в 1970-е годы приемы оживления подобных сочинений – драматическая любовь героя, включение в текст романа подлинных и вымышленных документов, ведение персонажами длинных нравственно-философских споров – придают тексту окончательно благонамеренный вид)»⁶⁵⁷, пишут: «В то же время писатель активно использует в романе зачастую хулиганские намеки, передающие его истинное отношение как к революционной теме, так и к советской власти»⁶⁵⁸.

⁶⁵³ Фоменко Л. Рыцари революции // Правда. 23. 06. 1974. С. 7.

⁶⁵⁴ Миронов С. Последний сюжет [Электронный ресурс] // Сайт «Топфотоп». Режим доступа: <http://top4top.ru/sergmironov/posts/10765>

⁶⁵⁵ Немзер А. Литературное сегодня. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. [Электронный ресурс] // Журнальный зал. Режим доступа: http://magazines.russ.ru:81/novyi_mi/redkol/nemzer/nemze076.html

⁶⁵⁶ Нива Ж. Возвращение в Европу [Электронный ресурс] // Сайт Жоржа Нива. Режим доступа: <http://nivat.free.fr/livres/retour/15b.htm>

⁶⁵⁷ Жукова В. А., Литовская, М. А. Серия «Пламенные революционеры»: исторический роман как воспитатель свободомыслия // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 99.

⁶⁵⁸ Там же. С. 99.

С. Семанов и С. Миронов⁶⁵⁹ сообщают о неслучайности самого выбора главного героя романа: «Повесть была посвящена наркому Леониду Красину, чей внук в 1970-е был арестован по громкому делу правозащитников Красина и Якира!»⁶⁶⁰. Однако сам Аксенов об этом нигде не упоминает⁶⁶¹, отмечая лишь, что «остановился на Красине, <...> который выделялся на фоне большевистской верхушки дендизмом»⁶⁶². Анатолий Гладилин, издавший в серии ПР роман «Евангелие от Робеспьера», так комментирует выбор, сделанный товарищем по цеху: «Заранее был утвержден список, это же серьезное издательство. <...> Но интересных революционеров очень быстро разобрали. <...> Вот Вася Аксенов успел взять Леонида Красина из ранних большевиков, потому что там были революционные деятели интересные, это Васю заинтересовало»⁶⁶³.

Согласно датированным документам, включенным в повествование, начало действия в повести приходится на 1895 год, когда герой, отбывающий наказание за антиправительственную деятельность, присягает на верность подданства, получает некоторую свободу и продолжает, уже тайно, работать на благо революции. Аксенов описывает события, связанные с первой русской революцией 1905 года. В их центре – действия большевистской группировки, которой руководит Красин, ведущий двойную – легальную в качестве инженера и главы Петербургской кабельной сети и нелегальную революционную – жизнь. Все это прекращается в 1908 году вместе с арестом Красина в Финляндии. За этим следуют подробности его освобождения и отъезда за границу. Обрывается повествование в тот момент, когда Красин возвращается в Петербург в качестве

⁶⁵⁹ См.: Миронов С. Последний сюжет [Электронный ресурс] // Сайт «Топфотоп». Режим доступа: <http://top4top.ru/sergmirov/posts/10765>; Семанов С. Пламенные революционеры и их певцы // Литературная Россия. 2. 08.1991. С. 10.

⁶⁶⁰ Миронов С. Последний сюжет [Электронный ресурс] // Сайт «Топфотоп». Режим доступа: <http://top4top.ru/sergmirov/posts/10765>

⁶⁶¹ В действительности, фактов, подтверждающих, что Виктор Красин, член Инициативной группы по защите прав человека в СССР, был внуком Леонида Красина, нет. Кроме того, судебный процесс, на который ссылаются критики, проходил в 1973 году, а повесть Аксенова первый раз была опубликована в 1971. Но не исключено, что при выборе своего героя писатель мог рассчитывать на ассоциацию с известным диссидентом.

⁶⁶² Быков Д. Россия и секс совместимы [Электронный ресурс] // Огонек. 30. 10. 2006. Режим доступа: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=1713>

⁶⁶³ Гладилин А. Интервью [Электронный ресурс] // Живой журнал ivin92s. Режим доступа: <http://ivin92s.livejournal.com/7240.html>

представителя немецкой фирмы «Сименс и Шуккерт» (1913 год) и «еще не знает, что будет с ним»⁶⁶⁴.

Основная сюжетная линия романа соответствует историческим фактам, связанным с деятельностью Леонида Красина во время первой русской революции. Однако при этом действительность, описываемая Аксеновым, содержит также приметы иного – советского времени.

К примеру, в эпизоде, описывающем встречу Красина, Носкова и Гальперина, обсуждающих «июльскую резолюцию» ЦК, Аксенов пишет: «Случайный зритель подумал бы, что <...> за столом идет столь обычный для России тех лет бесконечный интеллигентский чай на тему о смысле жизни, о народе, о долге перед народом, о религии, о литературе»⁶⁶⁵. Так называемые «кухонные разговоры» были характерным явлением жизни советской интеллигенции 1970-х годов⁶⁶⁶. В связи с этим, не исключено, что словосочетание «интеллигентский чай», сопровождаемое эпитетом «бесконечный», что способствовало восприятию эпизода вне конкретного, заданного в произведении, времени, могло натолкнуть на мысль о том, что в историко-революционном романе Аксенова речь шла о настоящем.

В связи с этим, примечательно, что в романе секретным оружием революционеров является типографская машина. На одном из тайных собраний Красин заявляет, что подпольные типографии необходимы для того, чтобы «правда о царском насилии дошла до всех»⁶⁶⁷. Схожая роль в 1970-х годах отводилась «сам-» и «тамиздату», в которых, помимо запрещенных по разным причинам художественных текстов, выходили стенограммы судов над диссидентами.

Ввиду обращения Аксенова к явлениям, характерным не только для описываемой, но и актуальной действительности, заставляют насторожиться такие реплики героев, как «Господа, сегодня в газетах – суд приговорил

⁶⁶⁴ Аксенов В. П. Любовь к электричеству. М., 1974. С. 382.

⁶⁶⁵ Там же. С. 47.

⁶⁶⁶ Воронков В. 25 февраля 1956 года – начало «разномыслия» в СССР // Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008) : сборник материалов научной конференции. СПб., 2010. С. 33.

⁶⁶⁷ Аксенов В. П. Любовь к электричеству. М., 1974. С. 47.

кишиневских печатников-эсдеков к пожизненной ссылке! Какое варварство! <...> Варварски свирепый приговор! Азия неистребимая!»⁶⁶⁸ или «Я бы предусмотрел какую-то степень наказания для членов семей государственных преступников»⁶⁶⁹. Вторая реплика принадлежит следователю с характерной фамилией Караев, и это замечание является ответом на высказывание другого персонажа – следователя Ехно-Егерна, рассуждающего о том, что не всех родственников политических преступников «останавливает суровое наказание, понесенное»⁶⁷⁰ последними: «Мы-то с вами знаем множество противоположных примеров. Ну вот вам... брат одного из казненных в 1887 году, сейчас виднейший социал-демократ, вы знаете, о ком я говорю»⁶⁷¹ (имя социал-демократа умалчивается, но можно предположить, что речь идет о Ленине, чей брат Александр Ульянов был казнен в 1887 году за подготовку к покушению на царя Александра III). Реплика Караева отдает горьким пророчеством, отсылая к положению членов семей «врагов народа» в советское время и словно указывая на то, что пришедшая на смену царской советская власть оказалась менее лояльной.

С одной стороны, форма историко-революционного романа не позволяла понять наверняка, идет речь о современной реальности или нет. С другой – она настраивала на поиск знаков, «ключей»⁶⁷², подтверждавших наличие аналогий с советскими семидесятыми.

В романе В. Аксенова такими «ключами» стали цитаты-анахронизмы. Это позволяет косвенно понять работу, проделанную цензурой: ее усилиями из отдельного издания «Любови к электричеству» исчезает одна из подобных цитат, встречающаяся в журнальной версии романа 1971 года. Один из персонажей, председатель совета министров Горемыкин, гуляя после заседания по набережной, размышляет: «До чего же хорошо кругом!»⁶⁷³. Эти слова, отсылающие к первой строчке известной советской песни, исполняемой в

⁶⁶⁸ Аксенов В. П. Любовь к электричеству. М., 1974. С. 23.

⁶⁶⁹ Там же. С. 29.

⁶⁷⁰ Там же. С. 28.

⁶⁷¹ Там же. С. 29.

⁶⁷² Термин Л. Лосева (См.: Losef, L. On the Benificence of Censorship. Aesopian language in Modern Russian Literature. Munchen, 1984).

⁶⁷³ Аксенов В. П. Любовь к электричеству // Юность. 1971. № 5. С. 36.

пионерских лагерях «До чего же хорошо кругом! Под деревьями густыми – светлый дом. И дорожка золотая, ярким солнцем залитая, по которой мы идем, мы идем»⁶⁷⁴, не выдержали второго переиздания текста.

Интересен и другой анахронизм. Во время декабрьского восстания один из главных героев Павел Берг «в распахнутой по обыкновению шинели метался между Поварской и Никитской, выкрикивал что-то очень пламенное, красивое: “Товарищи, стоять до конца! Ни шагу назад!”»⁶⁷⁵. Призыв Павла «Ни шагу назад!» вполне мог вызвать в памяти знаменитый приказ № 227 от 28 июля 1942 года.

При этом о разномыслии автора текста, обслуживавшего государственные задачи, свидетельствовали не только прием переноса проблем современности на исторический материал и подтверждающее этот перенос включение в текст цитат-анахронизмов, но и утрированная апологетика революции.

При чтении романа создается впечатление, что у героев повести представления об истории сложились под влиянием книг и картин о французских революциях. Аллюзии на них то и дело возникают в речи героев.

Так, Павел Берг в разговоре с Лихаревым, пытающимся соорудить на баррикадах места для костров, чтобы люди смогли согреться, восклицает: «В бою согреемся! Вспомни картину Делакруа, дружище! Я тебе показывал! Вот что такое баррикада!»⁶⁷⁶ (имеется в виду картина Эжена Делакруа «Свобода на баррикадах», посвященная событиям буржуазной революции 1830 года). Неуместность сказанного Павлом подчеркивается саркастическим замечанием другого героя – Колючего: «У Делакруа обнаженная дама, товарищ Берг, а значит, погода теплая. А у нас мороз, товарищ Берг»⁶⁷⁷.

Не только Павел увлечен романтикой революции. Главный герой романа Красин, обсуждая с Лениным итоги декабрьского восстания 1905 года, говорит:

⁶⁷⁴ С текстом песни можно познакомиться на сайте «Советская музыка». Режим доступа: http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=do_chego

⁶⁷⁵ Аксенов В. П. Любовь к электричеству. М., 1974. С. 229.

⁶⁷⁶ Там же. С. 229.

⁶⁷⁷ Там же. С. 230.

«Москве в декабре не хватало лидера, Дантона, Марата»⁶⁷⁸, – намекая на то, что таким лидером мог бы стать Ленин. Красин ставит в один ряд фигуры вождей Великой французской революции и Ленина, романтизируя, тем самым, его образ, но также намекая на кровавый итог Февральской революции.

Подобно другим персонажам, Красин является заложником истории, нарративизированной в соответствии с романтической традицией.

Излишняя романтизация революции, «подчеркнутый фанатизм революционеров, которые всегда на первое место ставят революцию, а на второе – семью, любовь, профессию <...> создает атмосферу неуловимой насмешки над законами жанра и госзаказом, появление этого жанра предопределившим»⁶⁷⁹.

Так, посмеиваясь над важнейшим идейно-воспитательным жанром советской литературы, а также предлагая куда более низменные и простые объяснения тому, что должно было однозначно трактоваться как «революционный подвиг» (личная месть, любовь, склонность к авантюрам, трагическая случайность), Аксенов не только расшатывает структуру государственного нарратива, но и профанирует сакральную в советском идеологическом дискурсе тему революции.

Кроме того, как и Войнович, он использует форму историко-революционного романа не только, чтобы вложить новые смыслы, касающиеся темы революции, но и чтобы поразмышлять на другие актуальные проблемы современности.

Хоть и ограниченный возможностями нарратива, этот круг включает в себя проблему свободы слова и печати, а также политических репрессий. На актуальность повествования указывают цитаты-анахронизмы («До чего же хорошо кругом!» и «Ни шагу назад!») и многозначные эпитеты («бесконечный интеллигентский чай»).

К иным приемам, но со сходными целями обращается другой писатель серии – Юрий Трифонов.

⁶⁷⁸ Там же. С. 289.

⁶⁷⁹ Жукова В. А., Литовская, М. А. Серия «Пламенные революционеры»: исторический роман как воспитатель свободомыслия // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 102.

Рассуждая о том, почему прозаик решил поработать в жанре историко-революционного романа, В. Огрызко предполагает, что ему «надоело постоянно находиться у властей под подозрением, и он сознательно обратился в Политиздат, попросил заказ, чтобы наконец доказать, что он – никакой не диссидент»⁶⁸⁰.

Аналогичного мнения придерживается литературовед Т. Патера: «... Он на некоторое время отошел от каверзных проблем современности и углубился в безопасное героическое прошлое революционного движения в царской России»⁶⁸¹.

Действительно, в шестидесятые годы, с выходом «московских повестей», проза Юрия Трифонова становится объектом нападков со стороны советских критиков. Но желание прекратить болезненные уколы со стороны критиков вряд ли можно считать основной причиной, побудившей писателя взяться за государственный заказ. Сам Трифонов писал о нападках критиков следующее: «Меня порядочно хвалили, когда я писал слабые вещи, потом достаточно ругали, когда я стал писать посильнее. Я доволен и тем, и другим»⁶⁸².

Среди причин, объясняющих участие Трифонова в создании серии ПР, – «гонорары по самым высоким ставкам»⁶⁸³. На это, по замечанию исследователя Н. Ивановой, ссылаются многие зарубежные литературоведы: «Западная критика <...> связывает появление романа “Нетерпение” в творчестве Трифонова всего лишь с профессионально-материальными нуждами»⁶⁸⁴. Не исключено, что при заключении контракта с Политиздатом литератор мог руководствоваться финансовыми соображениями.

Однако очевидно, что Трифонов писал роман не только ради денег. Критик А. Немзер так комментирует его участие в проекте: «Сводить историю контактов

⁶⁸⁰ Огрызко В. Русские литераторы: Трифонов и Вампилов [Электронный ресурс] // Золотой лев. 2008. № 175–176. Режим доступа: <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=6&article=195>

⁶⁸¹ Патера Т. Обзор творчества и анализ московских повестей Юрия Трифонова [Электронный ресурс] // Russia beyond Russia. The Andrey Savine Digital Library. Режим доступа: <http://dc.lib.unc.edu/cdm/item/collection/rbr/?id=20689>

⁶⁸² Цит. по Иванова Н. Скрытый сюжет: литература при переходе через век [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. Режим доступа: <http://romanbook.net/book/8585728/?page=5>

⁶⁸³ Огрызко В. Русские литераторы: Трифонов и Вампилов [Электронный ресурс] // Золотой лев. 2008. № 175–176. Режим доступа: <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=6&article=195>

⁶⁸⁴ Цит. по Иванова Н. Скрытый сюжет: литература при переходе через век [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. Режим доступа: <http://romanbook.net/book/8585728/?page=5>

[писателей] с политиздатовской серией “Пламенные революционеры” к словесам о “продажности” ... было бы неправдой. Серия стимулировала “Нетерпение” – роман не лучший, но принципиальный для эволюции Трифонова»⁶⁸⁵.

О серьезном отношении литератора к выполнению заказа свидетельствует качество проделанной им работы: «Тщательнейшим образом Трифонов готовился к созданию [романа], <...> им было законспектировано свыше четырехсот источников»⁶⁸⁶.

Можно судить, что для Трифонова это занятие не являлось чем-то второстепенным. Получившийся текст не был проходным, что подтверждает его массовое признание советскими читателями. Опубликованный в 1973 году, роман «Нетерпение» стал одной из самых популярных книг серии. Его повторно выпускали дважды: в 1974 и 1988 году. По свидетельству заведующего редакцией В. Новохватко, он «был издан общим тиражом 900 000 экземпляров»⁶⁸⁷.

Читателей привлекало в «Нетерпении» то, что привлекало в истории народовольческого движения самого Трифонова, а именно – актуальность событий далекого прошлого. Так, уже начало повествования позволяло проводить прямые параллели с жизнью советского общества семидесятых годов XX века: «К концу семидесятых годов современникам казалось вполне очевидным, что Россия больна. Спорили лишь о том: какова болезнь и чем ее лечить? <...> Одни находили причину темной российской хвори в оскудении национального духа, другие – в ослаблении державной власти, третьи, наоборот, в чрезмерном ее усилении»⁶⁸⁸. Н. Иванова комментирует такое вступление следующим образом: «Эзоповым языком [Трифонов] свидетельствовал ... о начале 70-х, о тяжелой стагнации – то есть о том, о чем в печати начали открыто говорить примерно с 1986 года»⁶⁸⁹. Знаки современности внутри историко-революционного романа

⁶⁸⁵ Немзер А. Литературное сегодня. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. [Электронный ресурс] // Журнальный зал. Режим доступа: http://magazines.russ.ru:81/novyi_mi/redkol/nemzer/nemze076.html

⁶⁸⁶ Иванова Н. Скрытый сюжет: литература при переходе через век [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. Режим доступа: <http://romanbook.net/book/8585728/?page=5>

⁶⁸⁷ Новохватко В. «Так за царя, за Родину святую...» // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 332.

⁶⁸⁸ Трифонов Ю. Нетерпение. М., 1974. С. 3.

⁶⁸⁹ Иванова Н. Скрытый сюжет: литература при переходе через век [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. Режим доступа: <http://romanbook.net/book/8585728/?page=5>

«заставляли читателя невольно вздрагивать... (как цензура пропустила *это!*), а потом выискивать социальные аллюзии, экстраполировать события XIX века в сегодняшний день»⁶⁹⁰.

Как и для многих других писателей серии, для Юрия Трифонова исторический материал был возможностью выразить свое отношение к тому, что происходило в настоящем. Но в «Нетерпении» история не просто служила завесой для отвода глаз цензора.

«Нетерпение» было для писателя не первым обращением к событиям прошлого. Напомним, что в 1965 году времена революции и гражданской войны становятся предметом размышлений писателя в документальной повести «Отблеск костра». Повесть была посвящена памяти его отца Валентина Трифонова, профессионального революционера, убитого в годы сталинских репрессий. Поэтому, а также в силу бытовавшего тогда в шестидесятнической среде трепетного отношения к событиям Октября, образы революционеров в этой повести Трифонова еще были окружены романтическим ореолом.

Выросший из личной трагедии интерес к истории лег в основу поисков Юрия Трифонова (в «Отблеске костра» он напишет: «История полыхает, как громадный костер, и каждый из нас бросает в него свой хвост»⁶⁹¹).

Поэтому не исключено, что участие в серии позволило ему еще раз обратиться к волновавшим его вопросам революционного прошлого и проблеме террора.

Работа над «Нетерпением» оказалась важным этапом в историческом самообразовании Трифонова – он отказался от революционно-романтической оптики. В романе писатель вновь обратился к непростой роли человека в истории, и здесь, уже более уверенно, чем в «Отблеске костра», проговорил: пытаюсь изменить ход истории, человек оказывается ее жертвой.

⁶⁹⁰ Поликарпов В. Д., Шитов А. П. Юрий Трифонов и советская эпоха: Факты, документы, воспоминания. М., 2006. С. 276.

⁶⁹¹ Трифонов Ю. Отблеск костра. Исчезновение. М., 1988. С. 4.

С «Нетерпения» начинается пересмотр прежних взглядов Трифонова на революционное движение в России, меняется отношение к «пламенным революционерам», история становится предметом вдумчивого анализа.

По свидетельству В. Новохватко, прохождение романа «Нетерпение» через цензуру было очень тяжелым: «Чрезвычайные усилия потребовались на то, чтобы отстоять название романа Трифонова. <...> А уж как проходил издательские рогатки сам его текст. <...> Цеплялись даже не за фразу, за отдельное слово. Главный редактор сказал мне, что за этот роман перед ЦК партии я буду отвечать головой (я был его редактором)»⁶⁹². Но благодаря стараниям редакции роман был все-таки опубликован. Попытаемся понять, что же именно «отвоевывал» Новохватко.

В отличие от, скажем, Василия Аксенова Трифонов выбрал относительно «безопасный», за давностью событий, исторический сюжет – народовольческое движение.

Сюжет развивался вполне хрестоматийно: в его основе лежала биография Андрея Желябова, несостоявшегося цареубийцы. Повествование выстраивается главным образом как внутренний монолог Желябова, вспоминающего прошлое: как он попал в революционный кружок, как принимал участие в покушениях на Александра II. Из воспоминаний Желябова мы узнаем и о других народовольцах. При этом «Трифонов остается верен традиционному преклонению перед народовольцами: он рисует их людьми, бескорыстно преданными высокой идее освобождения народа»⁶⁹³. Пожалуй, этим связь с традицией и ограничивается. Потому что автор подчиняет сюжет своему намерению – показать движение героев в сторону террора. В текст об истории Трифонов включает моральную проблематику: он оценивает методы революционной борьбы с позиций нравственности, что, по словам В. Новохватко, «очень не нравилось впоследствии

⁶⁹² Новохватко В. «Так за царя, за Родину святую...» // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 332.

⁶⁹³ Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 2. М., 2001. С. 157.

учредителя серии, разделявшим ленинскую оценку морали как буржуазного пережитка»⁶⁹⁴.

Для этого он вводит в роман фигуру Нечаева. Нечаев является воплощением всего порочного, что таит в себе революция, а именно – кровавые расправы над врагами, убийство невинных людей, обман. Образ Нечаева становится мерилom, которое помогает судить о нравственных убытках человека, вставшего на путь революционной борьбы.

Изначально Андрей Желябов скептически относится к методу Нечаева – *цель оправдывает средства* (курсив мой. – В. Д.). Размышляя о «киевских бунтарях», которые собирались «с помощью самозванства и подложных манифестов будто бы от имени царя, поднять крестьянское восстание за душевой передел»⁶⁹⁵, он отмечает про себя, что «не мог идти к [ним] – там был обман, пахло нечаевщиной»⁶⁹⁶. Первое время Желябов склоняется к революционному движению пропагандистского толка: «... тише едешь, дальше будешь, зато уж наверняка, но конечная цель все та же – бунтовать народ! Все это было ведомо, слышано, Андрей сочувственно одобрял»⁶⁹⁷. В разговоре с друзьями тестя он противопоставляет себя и своих соратников Нечаеву: «Нечаев-то – вчерашний день, его и не помнят, другие люди пришли, другие идеи владеют умами»⁶⁹⁸.

Однако уже ближе к концу романа Желябов на одном из последних собраний партий «Народная воля» скажет о том, что они «заметно приблизились к [Нечаеву]»⁶⁹⁹. Среди его аргументов – готовящееся ими покушение на царя, убийство Александра II («а он не шпион, не предатель, не личный враг»⁷⁰⁰), то есть готовность пожертвовать чужой жизнью ради дела. Замечание Андрея воспринимается народовольцами в штыки: «Что ты говоришь? Доказательства!

⁶⁹⁴ Новохватко В. Белые вороны «Политиздата» [Электронный ресурс] // Живой журнал В. Новохватко nov18088. Режим доступа: <http://www.online812.ru/2010/09/24/007/>

⁶⁹⁵ Трифонов Ю. Нетерпение. М., 1974. С. 20.

⁶⁹⁶ Там же. С. 21.

⁶⁹⁷ Там же. С. 28.

⁶⁹⁸ Там же. С. 100.

⁶⁹⁹ Там же. С. 468.

⁷⁰⁰ Там же. С. 468.

Такими обвинениями не бросаются!»⁷⁰¹. Андрей более сознателен в своем выборе, это отдаляет его от друзей и сближает с Нечаевым.

Автор показывает это сближение буквально, описывая встречу Желябова и Нечаева в равелине. Характерно, что в действительности точно неизвестно, была ли эта встреча⁷⁰², однако писателю она необходима, чтобы указать на изменения, которые произошли с Андреем после того, как он встал на путь террора.

При этом для Трифонова Желябов и другие народовольцы, несмотря на свой нравственный расход, все равно лучше Нечаева.

В своей статье 1980 года «Нечаев, Верховенский и другие» писатель, продолжая размышлять о терроре, заметит: «Члены знаменитой “Народной воли”, хотя и проклинали Нечаева за антинравственность, к концу деятельности во многом – силою обстоятельств и логикою движения – приблизились к Нечаеву. И все же глубинной своей природой они отличались от Нечаева бесконечно. <...> Тут очень существенное различие. <...> возможность гибели людей сторонних приводила их в ужас и заставляла порой откладывать покушения»⁷⁰³.

В «Нетерпении» автор неоднократно указывает на то, что в своих действиях народовольцы отталкиваются от христианских идеалов. Так, на суде Желябов скажет: «Я признаю, что вера без дела мертва и что всякий истинный христианин должен бороться за правду, за права угнетенных и слабых, и если нужно, то за них пострадать»⁷⁰⁴. А другой герой – Дворник в разговоре с Андреем заметит: «Нас с тобой назовут антихристами. <...> Мы ведь антихристами стали от Христа. Это я верно тебе говорю. На меня, к примеру, евангельская история не менее влияла, чем история Гракхов и Вильгельма Телля. А “цель оправдывает средства”? Разве иезуиты придумали? Макиавелли? Неправда, это есть в самом христианском учении, в подкладке, за всей красотой»⁷⁰⁵.

⁷⁰¹ Там же. С. 468.

⁷⁰² См.: Щеголев П. С. Г. Нечаев в равелине // Сайт Lib.ru. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/shegolew_p_e/text_1906_nechaev.shtml

⁷⁰³ Трифонов Ю. Нечаев, Верховенский и другие // Как слово наше отзовется. М., 1985. С. 47.

⁷⁰⁴ Трифонов Ю. Нетерпение. М., 1974. С. 538.

⁷⁰⁵ Там же. С. 169.

Моральная дилемма, обозначенная Трифоновым, берет свои истоки в философии Ф. Достоевского. Ссылаясь в своей статье на роман «Бесы», Трифонов напишет о «двойном лике терроризма: бесовское и святое»⁷⁰⁶. Безнравственности действий народовольцев писатель противопоставляет нравственность их намерений, которые он признает благими. Само же движение в сторону террора Трифонов оценивает как моральное заблуждение, способное привести к гибели – в том числе и духовной: «бес рано или поздно должен убить святого <...> сначала в себе»⁷⁰⁷.

Помимо встречи Желябова и Нечаева еще одной исторической вольностью – более серьезной, определившей в целом проблематику романа – являлся вопрос, который ставил Трифонов, описывая опасную эволюцию своего героя. Это вопрос о целесообразности террора. По словам редактора романа В. Новохватко, «всем строем романа, его смыслом, Трифонов отрицает результативность “подталкивания истории”, то есть революционного пути для России, и утверждает плодотворность пути “либерального”, то есть реформаторского»⁷⁰⁸, что было «явным ревизионизмом»⁷⁰⁹ и, «разумеется, вызывало гнев начальства [серии]»⁷¹⁰.

Характерно, что вопрос о необходимости кровавых революций был одним из самых важных и злободневных вопросов семидесятых годов. В то время сотрудники Института истории РАН ставят под сомнение основные положения, на которые опиралась история революции. По свидетельству А. Шубина, исследователи обратилась к проблемам, «наводившим на мрачные размышления о советском опыте: <...> Возможны ли смены так называемых социально-экономических формаций без кровавых революций?»⁷¹¹.

Схожие сомнения терзают и героев трифоновского «Нетерпения». Неуверенность в правильности выбранного им пути подтверждается уже тем, что герои романа долго не могут решиться на «метод Вильгельма Телля», осуждают

⁷⁰⁶ Трифонов Ю. Нечаев, Верховенский и другие // Как слово наше отзовется. М., 1985. С. 47.

⁷⁰⁷ Там же. С. 47.

⁷⁰⁸ Новохватко В. «Так за царя, за Родину свякую...» // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 332.

⁷⁰⁹ Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008. С. 119.

⁷¹⁰ Новохватко В. Белые вороны «Политиздата» [Электронный ресурс] // Живой журнал В. Новохватко nov18088. Режим доступа: <http://www.online812.ru/2010/09/24/007/>

⁷¹¹ Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008. С. 119.

Нечаева. А убежденность Желябова, все же решившегося на террор, соседствует с «голосом» сомнения Александра Сыцяно («И вот тогда в разговоре я спросил Желябова: а если гибель врага повлечет за собой гибель близкого, невинного человека? Он, подумавши, ответил: “А вы готовы принести себя в жертву ради будущего России?”). Я сказал, что лично себя – готов. “Так вот это и есть жертва: ваши близкие. Это и есть – вы”. Признаться, его ответ показался мне чудовищным софизмом»⁷¹²) и «голосом» раскаяния Николая Рысакова («О вы люди милые, что будете жить через сто лет, неужто вы не почуваете, как воеет моя душа погубившая себя навеки»⁷¹³). И Сыцяно, неудачно содействующий народовольцам и вскоре схваченный со всей семьей, и Рысаков, убийца царя, – случайные жертвы террора, недопустимые, по мнению Трифонова.

Далеко не все тексты ПР представляют собой вдумчивый анализ исторических событий, каким является роман «Нетерпение». Но именно этот роман определил новную задачу серии – «излучать трезвое аналитическое отношение к текущим общественным процессам, обучать самостоятельному политическому мышлению»⁷¹⁴.

Из всего выше сказанного следует, что закрепленная за жанром историко-революционного романа функция «отображения жизни в революционном развитии, воплощения закономерного характера именно такого развития»⁷¹⁵ в произведениях В. Войновича, В. Аксенова, Ю. Трифонова, а судя по воспоминаниям В. Новохватко, и других авторосов серии, претерпела некоторые изменения.

Оставаясь источником «просвещения», историко-революционные романы серии заставляли усомниться в правомочности революции, задуматься о ее цене.

Кроме темы закономерности революционного развития, писатели обращались и к другим проблемам общества 1970-х годов, которые сложно, практически невозможно было поставить в подцензурном советском искусстве –

⁷¹² Трифонов Ю. Нетерпение. М., 1974. С. 270.

⁷¹³ Там же. С. 529.

⁷¹⁴ Новохватко В. «Так за царя, за Родину святую...» // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 333.

⁷¹⁵ Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанры. Жанровые закономерности развития советской прозы в 60–70-е годы. Свердловск, 1982. С. 232.

проблемам цензуры, репрессий и т.д., тем самым расширяя традиционный круг вопросов, поднимающихся в историко-революционных романах.

Изменить функциональную направленность жанра историко-революционного романа таким образом позволяло включение в текст намеков, понятных лишь своим, анахронизмов, «вольностей» в обращении с историческим материалом, прием незавершенного высказывания, а также прием переноса проблем современности в прошлое (этому способствовал сам жанр историко-революционного романа) и изменение традиционной жанровой структуры (оправданное целью издания серии).

Все это позволяло не только инкорпорировать в тексты государственного заказа непростую проблематику, о которой говорилось ранее, а также ее «неофициозную» интерпретацию, но и настраивало на поиск скрытых смыслов. При этом сложно судить наверняка, что имело больший эффект – те «просветительские» идеи, которые пытались донести писатели с помощью различных приемов, или сами приемы, которые, будучи эзоповскими, не позволяли судить однозначно о том, что хотел сказать автор, провоцируя на «додумывание», а следовательно – на размышления об актуальной действительности и формирование собственных «разных мыслей» о ней.

Так, представляя, с одной стороны, уступки госзаказу (частичный отказ от прежней тематики отдельных авторов и согласие на новую, диктуемую требованиями государства, а также жесткое редактирование материала и т.п.), с другой – романы серии позволяли «выпустить пар в границах легального поля»⁷¹⁶.

В итоге серия ПР стала площадкой для осторожного пересмотра господствующей идеологии, единомыслие в отношении которой отсутствовало, судя по самому факту появления и функционирования такой площадки, на всех уровнях государственной власти, включая самые высокие.

Эпоха, которую позже назовут «застоем», вовсе не была временем затишья или замедления хода истории: кардинально, хотя и почти незаметно со стороны,

⁷¹⁶ Колесников А. В. Попытка словаря. Семидесятые и ранее. М., 2010. С. 118.

менялись идеологические установки общества, что свидетельствовало о разномыслии последнего.

2.2. Возможности эзоповской речи в философской притче Ф. Искандера «Кролики и удавы»

Вопреки распространенной в литературоведении точке зрения на то, что «Кролики и удавы» создавались Фазилем Искандером в 1972–1973 годах⁷¹⁷ – либо параллельно с текстом «Сандро из Чегема»⁷¹⁸, либо сразу после его неудачной публикации⁷¹⁹ в «Новом мире»⁷²⁰, в настоящем исследовании предлагается придерживаться иных данных, сообщенных писателем Д. Быковым. Основываясь на сведениях, полученных от самого Искандера, Быков пишет⁷²¹, что над «Кроliками и удавами» писатель начал работать уже после «разгрома» альманаха «Метрополь», в составлении которого он принял участие.

«Метрополь» представлял собой антологию, созданную в 1978 году при участии как известных (В. Аксенова, А. Битова, Ф. Искандера и др.), так и малоизвестных (Вик. Ерофеева, Е. Попова) в то время советских прозаиков и поэтов и предназначенную для официальной публикации без предварительной правки. Задачей, которую ставили перед собой авторы, было заявить свои права на свободу самовыражения и раздвинуть границы советской литературы. Несколько машинописных экземпляров альманаха планировалось продемонстрировать на вернисаже 23 января 1979 года в кафе «Ритм».

⁷¹⁷ См.: Иванова Н. Б. Смех против правил, или Фазиль Искандер. М., 1990. С. 19; Нефагина Г. Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века. Минск, 1998. С. 82; Угроватова Т. Ю. Уроки 1-2. «Кролики и удавы» (1973) – сказка Ф.Искандера [Электронный ресурс] // Русская литература последних десятилетий. Режим доступа: http://www.prosv.ru/ebooks/Marancman_Rus_liter_11kl/index.html

⁷¹⁸ См.: Липовецкий М. Н. «Знаменитое чегемское лукавство»: странная идиллия Фазиля Искандера // Континент. 2000. № 2. С. 439.

⁷¹⁹ В опубликованном в 1973 году (№№ 8–11) романе «из двадцати одной главы были полностью вынуты тринадцать, а из остальных вычеркнуты наиболее острые, откровенные, раскрывающие авторскую мысль, важные для концепции вещи в целом страницы» (Иванова Н. Б. Смех против правил, или Фазиль Искандер. М., 1990. С. 19). Сам Фазиль Искандер говорил об этом так: «Это уже был “Новый мир” без Твардовского. Они не просто выкидывали целиком, как, скажем, главу о Сталине, главу о коллективизации. <...> Они рылись в каждой главе, каждую ироническую фразу, абзац выкидывали. Она [книга] была насквозь прострелена. <...> Я отдал лучшую свою вещь изуродовать» (Интервью Ф. Искандера передаче «Больше, чем любовь» [Электронный ресурс] // Сайт телеканала «Культура». Режим доступа: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20883/episode_id/154713/video_id/154713/)

⁷²⁰ См.: Иванова Н. Б. Смех против правил, или Фазиль Искандер. М., 1990. С. 19.

⁷²¹ См.: Быков Д. Л. Календарь - 2. Споры о бесспорном [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. Режим доступа: <http://mreadz.net/new/index.php?id=38180&pages=28>

Искандера, потерпевшего в 1973 году неудачу при публикации его «лучшей вещи» (романа «Сандро из Чегема»)⁷²², на участие в альманахе подтолкнуло недовольство литературно-издательскими делами. Об этом свидетельствует его заявление, сделанное позже: «В известной мере, я принял участие в альманахе. <...> Человек не вечен, человек умирает, так и не увидев опубликованными своих трудов. <...> Помогите людям работать, и никакого альманаха не будет»⁷²³.

Однако, как известно, вернисаж не состоялся. 22 января 1979 года прошло совместное заседание правления секретариата и парткома Московской писательской организации, на котором авторов вынудили отказаться от идеи проводить вернисаж, а альманах признали «политической провокацией, направленной на поддержку антисоветской деятельности на Западе»⁷²⁴. О том, чем это обернулось для Ф. Искандера, писатель Д. Быков напишет следующее: «После разгрома альманаха у него [Искандера] рассыпали все книги, остановили все публикации и перестали приглашать на выступления. <...> Он сдал квартиру и уехал жить на <...> писательскую дачу во Внукове»⁷²⁵.

Тогда-то, по свидетельству, Д. Быкова, он и начал свою работу над «Кроliками и удавами»: «<...> И тут, – рассказывал он, – наступила полная беспечность. Я понял, что больше у меня ничего не отберут и я совершенно свободен. Разве что посадят, но сажать они уже не хотели. Было чувство, что достиг дна и можно оттолкнуться. Пожалуй, я никогда не был так весел, как в эти полгода. (А что он делал в эти полгода? Писал “Кроliков и удавов” <...>»⁷²⁶. Комментируя (в ответ на нашу просьбу – прим. В. Д.) мнение исследователей о том, что притча создавалась в начале 1970-х годов, Быков сообщает: «Искандер совершенно отчетливо говорил мне в интервью, что писать “Кроliков и удавов” он начал на даче, сдавая московскую квартиру, чтобы было на что жить, и ослепнув на один глаз. <...> Это было после разгрома «Метрополя», когда

⁷²² См.: Интервью Ф. Искандера передаче «Больше, чем любовь» [Электронный ресурс] // Сайт телеканала «Культура». Режим доступа: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20883/episode_id/154713/video_id/154713/

⁷²³ Заламбани М. Дело «Метрополя» // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 262.

⁷²⁴ Там же. С. 246.

⁷²⁵ Быков Д. Л. Календарь - 2. Споры о бесспорном [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. Режим доступа: <http://mreadz.net/new/index.php?id=38180&pages=28>

⁷²⁶ Там же. Режим доступа: <http://mreadz.net/new/index.php?id=38180&pages=28>

прекратились все публикации. <...> Может, первый набросок этой вещи был сделан раньше. Но в 1973 году, насколько знаю, он писал “Сандро”, ни на что особенно не отвлекаясь»⁷²⁷.

Если придерживаться этой версии, вполне справедливо предположить, что «разгром» «Метрополя» и последовавшие за ним меры, вероятно, и стали толчком к написанию «Кроликов и удавов» – тексту, определенному самим Искандером как «философская притча»⁷²⁸, в которой предметом размышлений прозаика была, по его собственному замечанию, «природа власти»⁷²⁹.

Обобщая не только свой личный опыт столкновения с властью, но и исторический опыт страны до универсальной истории «кроликов и удавов», писатель обратился, что вполне объяснимо законами выбранного им жанра⁷³⁰, к иносказанию. Однако эзопов язык, который был конституирующим для философской притчи, в то же время менял закрепленную за этим жанром функцию символизации философских максим.

То, что главные герои произведения – животные, наделенные человеческими чертами, причем одни – удавы – представляют опасность для других – кроликов, что вынесено в заголовок, отсылало читателей притчи к жанру сказки о животных⁷³¹. Такому восприятию мог, в частности, способствовать построенный на редупликации прилагательных характерный для сказки зачин («Это случилось в далекие-предалекие времена в одной южной-преюжной стране»⁷³²).

Кроме того, использованный Искандером прием анимализации не мог не отсылать читателей и к жанру басни⁷³³.

⁷²⁷ Из письма Д. Быкова (нам - прим. В. Д.) от 19.10.2013.

⁷²⁸ Так определил жанр сам автор. См.: Искандер Ф. Творческий вечер в концертной студии «Останкино» 1991 года [Электронный ресурс] / Сайт «Спектакли онлайн». Режим доступа: <http://spektaklionlayn.narod.ru/1/1086.html>

⁷²⁹ Искандер Ф. Творческий вечер в концертной студии «Останкино» 1991 года [Электронный ресурс] / Сайт «Спектакли онлайн». Режим доступа: <http://spektaklionlayn.narod.ru/1/1086.html>

⁷³⁰ См.: Бологова М. А. Современные интерпретации жанра притчи: проблема жанровых номинаций, жанрового синтеза и отрицания жанра // Критика и семиотика. 2013. № 1 (18). С. 211.

⁷³¹ См.: Троль Ю. «Кролики и удавы» Фазиля Искандера // Часть речи. 1981. № 2/3. С. 313.

⁷³² Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М., 2011. С. 29.

⁷³³ См.: Липовецкий М. Н. «Знаменитое чегемское лукавство»: странная идиллия Фазиля Искандера // Континент. 2000. № 2. С. 439; Шевель Е. А. Философская сказка Ф. Искандера «Кролики и удавы»: феноменология жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012. С. 4.

При этом в советское время сказки о животных, равно как и басни принято было воспринимать как «подчеркнуто аллегорические повествования, имеющие глубокий социальный смысл»⁷³⁴. И хотя не все басни имели такой смысл, а фольклорным сказкам о животных, по замечанию Е. Костюхина, он в большей степени приписывался советской фольклористикой⁷³⁵, тем не менее существовала определенная тенденция социологизаторского истолкования подобного рода произведений. Судя по замечаниям Л. Лосева⁷³⁶ и И. Сандомирской⁷³⁷, советских читателей со школы обучали поиску аллюзий. В совокупности же с тем, что среди представителей интеллигенции 1970-х разгадывание аллегорий стало мейнстримом⁷³⁸, выбранная Искандером иносказательная форма повествования сподвигала на считывание не только (и не столько) универсальных, как предполагалось при чтении философской притчи, а актуальных, скрытых социально-политических смыслов.

Этому способствовало также то, что прием анимализации отсылал читателей в том числе к произведениям и с явной, а не приписываемой, как это было в случае со сказками и баснями, социально-политической проблематикой.

Так, М. Липовецкий пишет о связи притчи Искандера с антиутопией Дж. Оруэлла «Скотный двор»⁷³⁹, отмечая сходство кроликов, злоупотребляющих чернилами, с оруэлловскими свиньями, которые, несмотря на запрет на алкоголь, в конце концов, начали пить виски и пиво. Текст Оруэлла был доступен в «самиздате». Об этом сообщает А. Блюм в статье «Английский писатель в стране большевиков»: «Один мой знакомый в 1960-е годы познакомился с книгой <...> по зарубежному изданию»⁷⁴⁰. В связи с этим, некоторые читатели 1970-х могли

⁷³⁴ Яшин Д. А. Удмуртские народные сказки. Ижевск, 1965. С. 75.

⁷³⁵ См.: Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987. С. 112.

⁷³⁶ См.: Losef L. On the Benificence of Censorship. Aesopian language in Modern Russian Literature. Munchen, 1984. P. 83.

⁷³⁷ См.: Сандомирская И. Эзопов язык, или Неблагонадежное слово: техника, эстетика, меланхолия [Электронный ресурс] // YouTube. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=s_0YTo4T1Ko

⁷³⁸ См.: Блюм А. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790-1990: Опыт комментированной антологии. СПб., 2011. С. 585.

⁷³⁹ См.: Липовецкий М. Н. «Знаменитое чегемское лукавство»: странная идиллия Фазиля Искандера // Континент. 2000. № 2. С. 439.

⁷⁴⁰ Блюм А. Английский писатель в стране большевиков // Звезда. 2003. № 6. С. 182.

знать антиутопию Оруэлла и провести параллели между притчей Искандера и ней.

В свою очередь, для Е. Шевель прием анимализации стал поводом разглядеть в «Кроliках и удавах» черты сатирической повести 16-17 веков⁷⁴¹ (известный пример подобных повестей – «Сказка о Ерше Ершовиче»). Е. Шевель утверждает, что сатирические повести вообще были одним из литературных источников «Кроliков и удавов». В качестве доказательства исследователь обращает внимание на то, что суды над удавом Косым и кроликом Находчивым напоминают суды, описанные в некоторых сатирических повестях⁷⁴². Если согласиться с версией о том, что Искандер ориентировался на жанр сатирической повести 16-17 веков, вполне резонно предположить и то, что некоторые читатели 1970-х могли это ощутить. А поскольку этот жанр, как и жанр антиутопии, являлся формой для размышлений на общественно-политические темы, «Кроliки и удавы», ассоциируясь благодаря приему анимализации с произведениями, написанными в этих жанрах, начинали восприниматься читателями как текст с глубоким политическим смыслом, посвященный актуальной действительности.

В результате в рассказанной писателем философской притче о кроliках, управляемых надеждой о Цветной Капусте, и удавах, заглатывающих кроliков сначала с помощью гипноза, а затем посредством удушения (уже после того, как один из кроliков по имени Задумавшийся ценой собственной жизни доказал, что гипноз удавов – всего лишь страх кроliков), читатели 1970-х видели отсылки к советской реальности⁷⁴³.

На последнее немало настраивало наличие в тексте примет этой реальности (например, Т. Снигирева проводит параллель между «чернилами», которыми злоупотребляют кроliки, и дешевым вином, популярным в 1960–70-е годы⁷⁴⁴), а

⁷⁴¹ См.: Шевель Е. А. Философская сказка Ф. Искандера «Кроliки и удавы»: феноменология жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012. С. 4.

⁷⁴² Там же. С. 4.

⁷⁴³ См.: Троль Ю. «Кроliки и удавы» Фазиля Искандера // Часть речи. 1981. № 2/3. С. 313–315.

⁷⁴⁴ См.: Снигирева Т. А. А. Т. Твардовский. Поэт и его эпоха. Екатеринбург, 1997. С. 359.

также стилистических «сдвигов» (термин Л. Лосева⁷⁴⁵) в сторону языка советских газет с типичными для него клише. Включенные как в речь героя-рассказчика («Правда, в кроличьей среде всегда жили слухи о том, что местные туземцы вместе с засекреченными кроликами, работающие на тайной плантации по выведению Цветной Капусты, *добились решительных успехов*»⁷⁴⁶ – курсив наш. – В. Д.), так и в реплики Короля кроликов («Размножаться *с опережением* и ждать Цветной Капусты – вот *источник* нашего *исторического оптимизма*»⁷⁴⁷ – курсив наш. – В. Д.) и Великого Питона («Ему [Питону] ни разу не приходилось глотать кроликов, занятых любовью, и он решил поподробней узнать, какие вкусовые ощущения тот испытал во время этого пикантного заглота. <...> *Присматривайтесь к опыту удава из глубинки*, – сказал царь»⁷⁴⁸ – курсив наш. – В. Д.), риторические штампы способствовали «переключению» читателей на размышления об актуальной советской действительности. Также они заставляли думать, что за образами представителей власти «экзотической страны» скрываются представители советской власти, для речи которых были типичны подобные обороты⁷⁴⁹.

Такую же роль могли играть и выражения, характерные для речи Сталина, которые автор включает в реплики правителей фантастической страны. Они встречаются в речи Великого Питона⁷⁵⁰ («Тише, шипите шепотом, не забывайте, что *враг внутри нас*⁷⁵¹ ... Во всяком случае, внутри одного из нас...»⁷⁵²; «Удав, из которого говорит кролик, это *не тот*⁷⁵³ удав, *который нам нужен*»⁷⁵⁴ – курсив

⁷⁴⁵ См.: Losef L. On the Benificence of Censorship. Aesopian language in Modern Russian Literature. Munchen, 1984. P. 104.

⁷⁴⁶ Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М., 2011. С. 49

⁷⁴⁷ Там же. С. 179.

⁷⁴⁸ Там же. С. 133.

⁷⁴⁹ См.: Троль Ю. «Кролики и удавы» Фазиля Искандера // Часть речи. 1981. № 2/3. С. 313–315.

⁷⁵⁰ Его образ традиционно связывают с фигурой «вождя» (См.: Иванова Н. Б. Смех против правил, или Фазиль Искандер. М., 1990. С. 281; Нефагина Г. Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века. Минск, 1998. С. 82). Не случайно, когда в 1987 году сказку решено было напечатать в «Юности», «художник изобразил властителя удавов – Великого Питона <...> во френче. Для пушей ясности Питон изображен с руками, одна из которых заложена за борт френча – жест хорошо знакомый читателям старшего поколения, да и не только им, а другая – жест столь же характерный – убрана за спину» (Казинцев А. Очищение или злословие? // Наш современник. 1998. № 2. С. 188).

⁷⁵¹ Аллюзия на понятие «внутренний враг» («враг народа»).

⁷⁵² Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М., 2011. С. 36.

⁷⁵³ Характерный для речи И. Сталина синтаксический оборот (см.: Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2002. С. 66).

⁷⁵⁴ Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М., 2011. С. 42.

наш. – В. Д.), в речи Короля кроликов («Кролики, *братья и сестры*»⁷⁵⁵ – курсив наш. – В. Д.), а также Удава-Пустынника («*Братья*⁷⁵⁶-удавы!»⁷⁵⁷ – курсив наш. – В. Д.)⁷⁵⁸.

На то, чтобы разглядеть за экзотической страной кроликов и удавов советский мир, читателей подталкивало также включение в текст узнаваемых, судя по отзывам критиков и комментариям исследователей⁷⁵⁹, пародий на известных политических и культурных деятелей.

В качестве примера пародии можно привести образ Придворного Поэта, отсылающий к фигуре Максима Горького (об этом пишут Ю. Тролль⁷⁶⁰; Н. Иванова⁷⁶¹, О. Козэль⁷⁶²).

Узнавание достигалось посредством отсылок к известному тексту М. Горького «Песня о Буревестнике» («Одним словом, поэт ужасно любил воспевать буревестников»⁷⁶³), а комический эффект – за счет снижения героико-романтического пафоса этого произведения в следующем эпизоде: «Поэт все время смотрел на небо в поисках буревестника и не замечал вокруг себя ничего. «Разразись над миром...[перифразированное «Пусть сильнее грянет [буря]!»⁷⁶⁴ с сохранением размера – прим. В. Д.] – бывало, начинал Поэт, но тут его перебивал глазастый крольчонок: «Дяденька Поэт, это не буревестник, это ворона!»⁷⁶⁵.

Кроме того, что узнаваемые пародии инспирировали читателей на проведение параллелей между реальностью, описанной в тексте, и советской действительностью, они также способствовали выстраиванию связи между

⁷⁵⁵ Там же. С. 55.

⁷⁵⁶ Это обращение отсылает к известному сталинскому призыву к «братьям и сестрам», использованному им в выступлении 3 июля 1941 года и рассчитанному на патриотический эффект (см.: Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2002. С. 88).

⁷⁵⁷ Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М., 2011. С. 170.

⁷⁵⁸ За их образами, по мнению исследователей, скрываются деятели хрущевской и брежневской эпохи или сами Н. Хрущев и Л. Брежнев (см.: Иванова Н. Б. Смех против правил, или Фазиль Искандер. М., 1990. С. 281; Нефагина Г. Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века. Минск, 1998. С. 82).

⁷⁵⁹ См.: Казинцев А. Очищение или злословие? // Наш современник. 1998. № 2. С. 186–189; Тролль Ю. «Кролики и удавы» Фазиля Искандера // Часть речи. 1981. № 2/3. С. 313–315.

⁷⁶⁰ См.: Тролль Ю. «Кролики и удавы» Фазиля Искандера // Часть речи. 1981. № 2/3. С. 315.

⁷⁶¹ См.: Иванова Н. Б. Смех против правил, или Фазиль Искандер. М., 1990. С. 282.

⁷⁶² См.: Козэль О. С. Проза Фазиля Искандера. Мирозидение писателя. Поэтика: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. С. 69.

⁷⁶³ Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М., 2011. С. 76.

⁷⁶⁴ Горький М. Песня о Буревестнике // Рассказы. Пьесы. Мать. М., 1978. С. 284.

⁷⁶⁵ Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М., 2011. С. 77.

текстом Искандера и остросатирическими романами М. Салтыкова-Щедрина, в которых использовался аналогичный прием (на это указывает О. Шаврина⁷⁶⁶) и в которых поднимались волновавшие Щедрина общественно-политические проблемы.

В результате вместо философских обобщений иносказательная форма притчи Искандера, вызывая в культурной памяти читателей параллели с произведениями, писавшимися «на злобу дня», настраивала на конкретизацию образов, уточнение стоящего за ними историко-политического контекста и размышление над актуальными социально-политическими вопросами.

В то же время эта форма не предполагала однозначных отгадок и ответов. Следствием этого стали совершенно разнообразные интерпретации произведения.

Например, «тамиздатовский» критик Юлии Тролль прокомментировала притчу после ее первой публикации в «Континенте» в 1980 году (№№22-23)⁷⁶⁷ следующим образом: «Книга <...> совершенно лишена камуфляжа, <...> [это] печальный документ советской эпохи. <...> Вряд ли кто из читателей Искандера не обнаружит аналогии в метаморфозе власти удавов с метаморфозой сталинизма»⁷⁶⁸.

Более конкретны Н. Иванова и Г. Нефагина. Так, Н. Иванова отмечает: «В одном мифическом времени и пространстве Искандер уместает сразу несколько типов авторитарной власти: сталинского (удава) и брежневского (Король и Королева кроликов, «Допущенные к столу» – идеологи кроличьего руководства). В королевстве кроликов писатель видит продолжение тех же авторитарных тенденций, только лишь лицемерно замаскированных. Недаром один режим закономерно вытекает из другого: кроличье королевство, его функционирование обеспечено существованием удавов и обеспечивает их существование»⁷⁶⁹. Г. Нефагина пишет, что «время Великого Питона – тоталитарное государство

⁷⁶⁶ См.: Шаврина О. Традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина в сказке Ф. Искандера «Кролики и удавы» [Электронный ресурс] // Литература. 1998. № 33. Режим доступа: <http://lit.lseptember.ru/article.php?ID=199803301>

⁷⁶⁷ Искандер Ф. Кролики и удавы // Континент. 1980. № 22. С. 51–107; № 23. С. 79–136.

⁷⁶⁸ Тролль Ю. «Кролики и удавы» Фазиля Искандера // Часть речи. 1981. № 2/3. С. 313.

⁷⁶⁹ Иванова Н. Б. Смех против правил, или Фазиль Искандер. М., 1990. С. 280.

сталинского типа, время Пустынника – более мягкий авторитаризм брежневского типа»⁷⁷⁰.

Однако в конце 1980-х – начале 1990-х гг., попав в эпицентр так называемой «журнальной войны» (ожесточенной полемики между «западно-либеральными» и «патриотически» настроенными изданиями), притча интерпретируется иначе.

Так, стараясь представить напечатанное в «Юности» произведение Искандера⁷⁷¹ в неблагоприятном свете – как насмешку над «трагедией народа»⁷⁷², критик «Нашего Современника» А. Казинцев утрирует авторский замысел. Об этом свидетельствует замечание самого Искандера: «Автор рецензии в слегка завуалированной форме намекает читателю, что под кроликами я имею в виду русских. Меня поразило такое ничем не доказанное утверждение. <...> Если кролики – русские, то кто такие удавы, туземцы, обезьяны?»⁷⁷³.

Встречаются и другие интерпретации. О. Козэль пишет: «В художественной системе Искандера удавы – это империалистические державы, страх перед которыми активно поддерживало советское руководство все годы советской власти. <...> В советское время человек, эмигрировавший за границу, для своей страны становился “проглоченным”, мертвым... “туземцы” – это дружественные социалистические страны, а также некоторые советские республики, у которых активно изымалась “пища”»⁷⁷⁴.

Одним из следствий того, что интерпретации притчи могли быть какими угодно, ей приписывались в том числе и довольно радикальные подтексты. Об этом можно судить по истории, рассказанной Андреем Дементьевым, главным редактором «Юности», где в 1987 году и были напечатаны «Кролики и удавы»: «Когда я захотел напечатать “Кролики и удавы” Искандера, меня вызвали в очередной раз в ЦК. Я почему-то не смог, и туда отправился мой заместитель

⁷⁷⁰ Нефагина Г. Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века. Минск, 1998. С. 82.

⁷⁷¹ Искандер Ф. Кролики и удавы // Юность. 1987. № 9. С. 20–62.

⁷⁷² Казинцев А. Очищение или злословие? // Наш современник. 1998. № 2. С. 188.

⁷⁷³ Иванова Н. Б. Смех против правил, или Фазиль Искандер. М., 1990. С. 274.

⁷⁷⁴ Козэль О. С. Проза Фазили Искандера. Мировидение писателя. Поэтика: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. С. 68.

Алексей Пьянов. Возвращается и говорит: “Просили передать. Будут бить до кровавых соплей”. Я ответил: “С соплями разберемся”. И мы напечатали»⁷⁷⁵.

Весь этот разброс интерпретаций и реакций на текст свидетельствует о том, что его форма, с одной стороны, подталкивала на размышления о советском государстве, а с другой – не давала понять наверняка, что и как о нем предлагал думать автор, и, провоцируя тем самым множество несовпадающих мнений, развивала разномыслие читателей.

Кроме того, что притча «воспитывала» разномыслие в читателях, она демонстрировала разномыслие самого автора, проявившееся, в частности, в полемике с одним из текстов, который, на наш взгляд, инспирировал «Кроликов и удавов». Речь идет об «Архипелаге ГУЛАГе» А. Солженицына.

Поскольку ранее это произведение не было учтено критиками⁷⁷⁶ и исследователями⁷⁷⁷ как один из литературных источников «Кроликов и удавов», отнесение его к ним требует от нас некоторых пояснений.

Несмотря на то, что в 1970-е годы книга Солженицына не могла быть опубликована в СССР, она была доступна советскому читателю благодаря публикации в парижском издательстве «УМКА-Press»⁷⁷⁸ и налаженным в СССР каналам распространения изданных на Западе текстов. Ввиду этого, Искандер мог познакомиться с произведением Солженицына сразу, как только оно появилось в «тамиздате», а может, и раньше в «самиздате»⁷⁷⁹.

⁷⁷⁵ Дементьев А. Созвездие Искандера [Электронный ресурс] // Литературная газета. 4. 03. 2009. Режим доступа: http://lgz.ru/article/N9-10--6214---2009-03-04-/Sozv%D0%B5zdi%D0%B5-Iskand%D0%B5ra8016/?sphrase_id=68404

⁷⁷⁶ См.: Казинцев А. Очищение или злословие? // Наш современник. 1998. № 2. С. 186–189; Соловьев В. Фазиль Искандер в окружении своих героев // Литературная учеба. 1990. № 5. С. 109–114; Троль Ю. «Кролики и удавы» Фазиля Искандера // Часть речи. 1981. № 2/3. С. 313–315; Хлебников О. «Гипноз удава – это наш страх» [Электронный ресурс] / О. Хлебников // Новая газета. 16. 09. 2011. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/gulag/48541.html>; Чупринин С. Похвала злословию // Литературная газета. 28. 10. 1987. С. 5 и др.

⁷⁷⁷ См.: Иванова Н. Б. Смех против правил, или Фазиль Искандер. М., 1990; Козэль О. С. Проза Фазиля Искандера. Мирозрение писателя. Поэтика: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006; Липовецкий М. Н. «Знаменитое чегемское лукавство»: странная идиллия Фазиля Искандера // Континент. 2000. № 2. С. 431–441; Нефагина Г. Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века. Минск, 1998; Шевель Е. А. Философская сказка Ф. Искандера «Кролики и удавы»: феноменология жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012 и др.

⁷⁷⁸ Первая часть «Архипелага ГУЛАГА» была опубликована в Париже в 1973 году в издательстве УМКА-Press, там же в 1974 и 1975 годах были напечатаны вторая и третья книги (см.: Рогов К. Ю., Уварова И. П. Семидесятые: хроника художественной жизни // Семидесятые как предмет истории русской культуры. Москва–Венеция, 1998. С. 29–74).

⁷⁷⁹ Так, прозаик Андрей Битов вспоминает, что читал «Архипелаг ГУЛАГ» «в 71-м или 72-м», видимо, еще в «самиздате» (Битов А. Читаем Солженицына // Литературное обозрение. 1991. № 2. С. 65).

О том, что знакомство автора «Кроликов и удавов» с «Архипелагом ГУЛАГом» состоялось именно в 1970-е годы, косвенно свидетельствует замечание самого Искандера, сделанное в 1991 году: «Очень сильное впечатление на меня производило чтение всех книг Солженицына, которые удавалось тогда доставать и читать. С немалыми трудностями. <...> Ну и конечно, “Архипелаг ГУЛАГ”! Я даже не стал его перечитывать сегодня – берегу в себе восприятие тех лет, то огромное, оглушительное впечатление <...>. Я думаю, и явление “ГУЛАГа” в жизни общества 70-х годов, и атмосфера вокруг книги и ее автора, – все это создавало силу электрического поля. Значение этой силы сегодня переоценить невозможно. <...> Его духовное влияние ощущает каждый из нас, причастных к литературному Делу»⁷⁸⁰. Это замечание наталкивает на поиск параллелей между образами искандеровской притчи и книги Солженицына.

В первую очередь обращает на себя внимание образ кроликов. В «Архипелаге» тоже есть «кролики». Это люди, которые, попав под следствие, позволяли приписывать себе необоснованные обвинения. Есть в книге Солженицына и «туземцы». Это те же люди, но уже этапированные на острова Архипелага ГУЛАГа и лишённые прав. Характерно, что в притче Искандера маленькая мартышка спрашивает у своей мамы: «Уж не от кроликов ли произошли туземцы?»⁷⁸¹.

В свою очередь, «заглот» кроликов удавами отсылает к описанию Солженицыным следствия во «внутренних органах»: «В разные годы и десятилетия следствие по 58-й статье <...> состояло в неизбежной грязной процедуре: недавнего вольного, иногда гордого, всегда неподготовленного человека – согнуть, протащить через узкую трубу, где б дышать ему было нельзя»⁷⁸².

Обращает на себя внимание еще одна деталь. Характеризуя действия работников соответствующих «органов», Солженицын неоднократно использует

⁷⁸⁰ Искандер Ф. Читаем Солженицына // Литературное обозрение. 1991. № 2. С. 65.

⁷⁸¹ Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М., 2011. С. 95.

⁷⁸² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования: в 3 т. Т. 1. Екатеринбург, 2006. С. 99.

такие глаголы, как «обработать», «проглотить» и «задушить». «Как их *обработать*? А так: вы жить хотите? <...> Вы понимаете, что расстрелять вас, не выходя из двора ГПУ, уже ничего не стоит?»⁷⁸³; «А мы уже проследили, как “политических” отъединили, *удушили* и извели»⁷⁸⁴; «<...> очерк жизни тюремно-лагерных преследований и гибели отца Павла Флоренского – может быть, одного из самых замечательных людей, *проглоченных* Архипелагом навсегда»⁷⁸⁵ (курсив наш. – В. Д.). К похожим «методам» обращаются и удавы из притчи Искандера: «В тот день я подстерег кролика у Ослиного Водопоя и вполне нормально *проглотил* его»⁷⁸⁶; «Удав-Пустынник одним прыжком обвился вокруг кролика и стал его неумело и грубо *душить*»⁷⁸⁷; «Через некоторое время одно за другим стали поступать сообщения о том, что тот или иной удав поймал этого преступного кролика и *обработал* его»⁷⁸⁸ (курсив наш. – В. Д.).

Еще одна аналогия: в одном из эпизодов притчи рассказывается о «пикантном заглоте», сделанном провинциальным удавом: «он застал двух кроликов во время любовного экстаза <...>, не растерялся, а загипнотизировал обоих сразу и тут же обработал»⁷⁸⁹. В «Архипелаге», описывая «туземный быт», Солженицын отмечает, что заключенных отлавливали прямо во время ночных свиданий⁷⁹⁰.

Привлекает внимание и поучительный рассказ Великого Питона о казни удава самопоеданием: «С одной стороны, он понимает, что это его собственный хвост и ему жалко его глотать, с другой стороны, как удав, он не может не глотать то, что попадает ему в пасть. С одной стороны, он, самопожираясь, уничтожается, с другой стороны, он, питаясь самим собой, продлевает свои муки. В конце концов, от него остается почти одна голова»⁷⁹¹. Казнь удава самопоеданием

⁷⁸³ Там же. Т. 1. С. 365.

⁷⁸⁴ Там же. Т. 2. С. 234.

⁷⁸⁵ Там же. Т. 2. С. 544.

⁷⁸⁶ Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М., 2011. С. 32.

⁷⁸⁷ Там же. С. 139.

⁷⁸⁸ Там же. С. 38.

⁷⁸⁹ Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М., 2011. С. 132.

⁷⁹⁰ См.: Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования: в 3 т. Т. 2. Екатеринбург, 2006. С. 190.

⁷⁹¹ Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М., 2011. С. 39.

вызывает в памяти следующий отрывок из книги Солженицына: «И подходит <...> очередь садиться в тюрьму членам правящей партии! <...> Всем свой черед. Членик за члеником прожевав с хвоста, доберется пасть и до собственной головы»⁷⁹².

Хотя у Солженицына нет прямого сравнения служащих НКВД с удавами, но в сотрудниках внутренних органов время от времени он подчеркивает нечто змеиное. Так, в одном из эпизодов, описывая вербовку сексота, Солженицын характеризует служащего, вербующего «стукача», следующим образом: «неизвестный горбоносый капитан с гипнотизирующим взглядом кобры»⁷⁹³. И далее по тексту так и называет его – «капитан-кобра» («Спадают с У. все чары капитана-кобры, весь гипноз, вся скованность, вся боязнь даже за семью»⁷⁹⁴).

О том, что в творческом сознании Искандера представление о партии и НКВД могли переплестись с образом удава, свидетельствует отрывок из повести сатирика «О, Марат!», написанной незадолго до притчи и опубликованной в альманахе «Метрополь». В ней автор сравнивает с удавом Л. Берия. Главный герой повести Марат начинает встречаться с любовницей Берии. Но во время их первого свидания «высокий покровитель» неожиданно приезжает. Спрятавшийся Марат узнает Берия по профилю. В конце концов, все складывается удачно – Берия уезжает. Но Марат под впечатлением от увиденного надолго теряет романтический настрой: «Этот случай, по словам Марата, еще долго мешал ему в любви. В самые решительные часы чувственного восторга перед его глазами всплывал профиль человека в пенсне, и Марат впадал в вялую меланхолию. <...> Думаю, сам того не подозревая, Марат потянулся к укротительнице [удава], чтобы зримым видом живого удава вытеснить из сознания профиль удава метафизического»⁷⁹⁵.

Данные текстологические совпадения позволяют предположить, что солженицынские сравнения интеллигента, не способного противостоять власти, с

⁷⁹² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования: в 3 т. Т. 1. Екатеринбург, 2006. С. 62.

⁷⁹³ Там же. Т. 2. С. 298.

⁷⁹⁴ Там же. Т. 2. С. 301.

⁷⁹⁵ Искандер Ф. Маленький гигант большого секса // Метрополь. Анн Арбор, 1979. С. 395.

кроликом, а представителей внутренних органов – со змеями, были «позаимствованы» Искандером (и, вероятно, не только им: так, в написанном в 1977–1979 годы романе «Остров Крым» В. Аксенова входившего в ту же творческую среду, что и Искандер, один из персонажей Хэлоуэй предлагает главному герою Андрею Лучникову снять «гигантский блокбастер о воссоединении Крыма с Россией» со следующим сюжетом: «Тоталитарный гигант пожирает веселенького кролика по воле последнего»⁷⁹⁶).

В свою очередь, это предположение позволяет увидеть, что в своей притче, в которой писатель, по собственным словам, решил поразмышлять, «на чем держится власть»⁷⁹⁷, он продолжает рассуждения А. Солженицына о механизмах подчинения и природе власти.

Как и Солженицын, Искандер пытается разобраться в психологии кроликов, позволяющих управлять собой. Как и у Солженицына, в тексте Искандера начальной возможной версией является гипноз. Солженицын свидетельствует: «Писали о тибетском зелье, лишаящем воли, о применении гипноза. Всего этого при объяснении не стоит отвергать: если средства такие были в руках НКВД, то непонятно, какие моральные нормы могли бы помешать прибегнуть к ним? <...> А известно, что в 20-е годы крупные гипнотизеры покидали гастрольную деятельность и переходили служить в ГПУ. Достоверно известно, что в 20-е годы при НКВД существовала школа гипнотизеров»⁷⁹⁸. У Искандера возникает похожий образ: «Почему кролики не убегают, когда я на них смотрю, ведь они обычно очень быстро бегают?» – «Как – почему? <...> Ведь мы их гипнотизируем»⁷⁹⁹. Однако, как и в «Архипелаге», в «Кроliках и удавах» эта версия ставится под сомнение. В «Архипелаге» – самим Солженицыным («Нет, без объяснения более высокого, психологического, тут не обойтись»⁸⁰⁰), в

⁷⁹⁶ Аксенов В. Остров Крым. М., 2003. С. 113.

⁷⁹⁷ Искандер Ф. Творческий вечер в концертной студии «Останкино» 1991 года [Электронный ресурс] / Сайт «Спектакли онлайн». Режим доступа: <http://spektaklionlayn.narod.ru/1/1086.html>

⁷⁹⁸ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования: в 3 т. Т. 1. Екатеринбург, 2006. С. 276.

⁷⁹⁹ Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М., 2011. С. 30.

⁸⁰⁰ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования: в 3 т. Т. 1. Екатеринбург, 2006. С. 276.

«Кроliках и удавах» – кроликом по имени Задумавшийся («Я ощутил все признаки гипноза, а удав меня даже не заметил!»⁸⁰¹).

На этом сходство заканчивается. У А. Солженицына в размышлениях о том, почему большинство людей не сопротивлялось даже тогда, когда их приговаривали к смерти, находим: «А убить себя человек дает почти всегда покорно. Отчего так гипнотизирует смертный приговор? <...> Надежда! Что больше ты – крепишь или расслабляешь? Если бы в каждой камере смертники дружно душили проходящих палачей, не верней ли прекратились бы казни? Уж на ребре могилы почему бы не сопротивляться? Но разве и при аресте не так же было все обречено? Однако, все арестованные, на коленях, как на отрезанных ногах, ползли поприщем надежды»⁸⁰².

В «Кроliках и удавах», как и в «Архипелаге», поведение кроликов также имеет «объяснение психологическое»⁸⁰³, но у Искандера оно не «высокое», а довольно приземленное. Управлять кроliками позволяет их мечта о Цветной капусте.

Если в книге Солженицына обличительный пафос в большей степени направлен на власть, то в притче Искандера акценты расставлены немного иначе – автор констатирует, что строй, при котором кроliки рискуют быть проглоченными, держится на них самих, точнее – на их опасениях лишиться благополучия (как реального, так и мнимого).

Таким образом, текст Искандера, который, с одной стороны, был инспирирован непозволительным вопросом «На чем держится власть?» и отсылал к содержащей ответ на этот вопрос запрещенной в СССР книге Солженицына, с другой – отвечал на него, хоть и не менее непозволительно, но иначе, чем «Архипелаг».

Будучи откликом Искандера на частные и общественно-политические события, «Кроliки и удавы» для самого автора являлись текстом, который

⁸⁰¹ Искандер Ф. Кроliки и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М., 2011. С. 60.

⁸⁰² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования: в 3 т. Т. 1. Екатеринбург, 2006. С. 410.

⁸⁰³ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования: в 3 т. Т. 1. Екатеринбург, 2006. С. 276.

позволял осмыслить, а также обобщал, универсализировал полученный опыт. Неслучайно сам писатель определил свое произведение как «философскую притчу».

Однако конституирующий для этого жанра прием иносказания отсылал читателей к жанрам сказки и басни, которые в Советском Союзе, особенно в 1970-е годы, ставшие расцветом иносказательной культуры⁸⁰⁴, воспринимались как аллегорические тексты, имевшие социально-политический смысл. Тот же прием сближал «Кроликов и удавов» с антиутопиями и сатирическими повестями/ романами, в которых этот смысл действительно присутствовал. В результате помимо «философских максим, конкретных формул этических принципов»⁸⁰⁵, читатель «1970-х» видел в притче Искандера «проекции на современную действительность»⁸⁰⁶ и настраивался на поиск «скрытых» писателем критических смыслов. Но, ввиду того, что иносказание исключало возможность некой однозначной трактовки, о чем свидетельствуют многочисленные интерпретации притчи, разгадка тайнописи и поиск аналогий превращался для читателей в процесс формирования/ выражения собственных «разных мыслей» относительно советского мира и его устройства.

⁸⁰⁴ См.: Уварова И. П. Место эзопова языка в системе общения интеллигенции и власти // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб., 2001. С. 307.

⁸⁰⁵ Троль Ю. «Кролики и удавы» Фазиля Искандера // Часть речи. 1981. № 2/3. С. 315.

⁸⁰⁶ Там же. С. 315.

2.3. Формирование «непокорного» читателя советской повестью для подростков («Мой дедушка – памятник» В. Аксенова)

Для детей в СССР писали много, охотно и самые разные авторы. Поскольку литература являлась не в последнюю очередь средством идеологического воспитания, развитие детской литературы всячески поощрялось. Однако многие писатели, обратившиеся к детской словесности, воспринимали ее – совершенно оправданно⁸⁰⁷ – как «глоток свободы»⁸⁰⁸, подходя более раскрепощенно к выбору как художественных средств, так и тем, среди которых поднимались не только «детские»⁸⁰⁹. В результате не всегда произведения, адресованные юным читателям, во-первых, получались адресованными лишь им⁸¹⁰, а во-вторых, соответствовали установленным представлениям о том, чему и как надо было «учить» подрастающее поколение.

Среди примеров – повесть Василия Аксенова «Мой дедушка – памятник», вышедшая в 1970 году в ленинградском журнале «Костер»⁸¹¹ и в 1972 году напечатанная отдельной книгой тиражом в 100 тысяч экземпляров издательством «Детская литература», выпускавшем журнал⁸¹².

К началу семидесятых за В. Аксеновым, несмотря на его довольно энергичную профессионально-писательскую деятельность в рамках Союза писателей и признание советских читателей, успела закрепиться репутация не совсем благонадежного автора. Об этом свидетельствуют воспоминания публициста Евгения Сидорова, заведовавшего тогда отделом критики в «Юности»: «Между тем Аксенова постепенно перестали печатать. <...> Он был в

⁸⁰⁷ См.: Чудакова М. О. Сквозь звезды к терниям // Литература советского прошлого. М., 2001. С. 347.

⁸⁰⁸ Балина М. Советская детская литература: несколько слов о предмете исследования // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е–1930-е гг.). СПб., 2012. С. 19.

⁸⁰⁹ См.: Чудакова М. О. Сквозь звезды к терниям // Литература советского прошлого. М., 2001. С. 347.

⁸¹⁰ Там же. С. 347; С. 349.

⁸¹¹ Аксенов В. П. Мой дедушка – памятник // Костер. 1970. № 7. С. 38–50; № 8. С. 22–36; № 9. С. 16–31; № 10. С. 44–56.

⁸¹² Солоненко В. К. О книгах, книжниках и писателе Василии Аксенове. М., 2010. С. 316.

негласной опале»⁸¹³. Возможно, подобное положение дел подвело прозаика попробовать себя в качестве детского автора⁸¹⁴.

Его публикации в «Костре» способствовало сразу несколько обстоятельств. К примеру, то, что журнал «кое-что себе позволял, несмотря на все непростые времена»⁸¹⁵. Так, в 1960–70-е годы в нем публиковались детские стихи обвиненного в тунеядстве поэта Иосифа Бродского⁸¹⁶, в семидесятые – выходили тексты Юрия Коваля, которого тогда «почти не печатали в Москве»⁸¹⁷.

Подбор авторов мог объясняться и вполне понятным желанием редакторов сплотить вокруг издания талантливых литераторов. Как вспоминает прозаик Георгий Садовников, рекомендовавший Василия Аксенова в качестве «начинающего детского писателя» одному из ведущих редакторов издательства «Детская литература» Елене Махлах⁸¹⁸, последняя встретила «такого новичка с восторгом»⁸¹⁹. Писатель Валерий Воскобойников, работавший в журнале в 1970-е годы, вспоминал: «Была компания энтузиастов в “Костре”. И вот мы напечатали детские повести Василия Павловича Аксенова»⁸²⁰

Сыграть роль могло и то, что контент журнала формировался в соответствии со вкусами общества 1970-х годов, важное место в сознании которого занимала заграница⁸²¹. В рубрике «Киноклуб» обсуждались новинки не

⁸¹³ Сидоров Е. Аксенов в «Юности» [Электронный ресурс] // Новое Знамя. 2012. № 7. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/7/s12.html>

⁸¹⁴ Во всяком случае, уход в «детскую тему» при таких обстоятельствах был совершенно обычной практикой среди многих советских писателей (См.: Чудакова М. О. Сквозь звезды к терниям // Литература советского прошлого. М., 2001. С. 345; С. 347).

⁸¹⁵ Крючков П. Сергей Махотин: «Ребенок, который жил во мне, дожидался своего часа» // Новый Мир. 2013. № 10. С. 175.

⁸¹⁶ В двенадцатом номере за 1966 год вышло стихотворение И. Бродского «13 очков, или стихи о том, кто открыл Америку», в номере седьмом за 1968 был опубликован его перевод стихотворения Марцелиуса Кассиуса Клея «Этот рассказ, ни на что не похожий», а в номере первом за 1972 год – перевод стихов Оливии Саар «Человек с якорем».

⁸¹⁷ Крючков П. Сергей Махотин: «Ребенок, который жил во мне, дожидался своего часа» // Новый Мир. 2013. № 10. С. 174.

⁸¹⁸ Е. К. Махлах была редактором книги самого Г. Садовникова «Продавец приключений», которая вышла в 1970 году.

⁸¹⁹ Садовников Г. Мой одноклассник Вася [Электронный ресурс] // Интернет-издание журнала «Казань». 13. 08. 2012. Режим доступа: <http://kazan-journal.ru/pages/item/368-moy-odnoklassnik-vasya>

⁸²⁰ Цит. по: Валович Т. Радиопрограмма «Какой должна быть современная детская периодика» [Электронный ресурс] // Сайт радиостанции «Радио Свобода». Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/transcript/367181.html>

⁸²¹ Это косвенно подтверждают воспоминания журналиста А. Колесникова, описывающего, какой успех имел в семидесятые годы французско-русский словарь под редакцией его матери (имеется в виду «Французский русский иллюстрированный словарь» А. Колесниковой и Л. Люльчак – *прим. В. Д.*). Как отмечает А. Колесников, «едва

только отечественного, но и зарубежного кино, раздел «Дружба» был посвящен деятельности клубов интернациональной дружбы – КИДов, журнальные иллюстрации изображали заграничные достопримечательности. Аксенов, ездивший за рубеж, мог внести в повествование интересные детали, связанные с заграницей (в этом смысле показательно, что в написанной им в итоге фантастической приключенческой повести «Мой дедушка – памятник» такие детали были). Возможно, именно этим писатель и вызвал интерес редакционного коллектива, по крайней мере, тех его представителей, кто проводил политику, направленную на расширение читательского кругозора.

Сам прозаик о предложении сочинить повесть для советских подростков вспоминал следующее: «В начале 70-х <...> трудно было очень печататься. Меня пригласили в издательство «Детская литература», там работала жена писателя-поэта Львовского (имеется в виду Елена Махлах – прим. В. Д.), изумительная женщина, она сказала: “Почему бы тебе не написать детскую, приключенческую какую-нибудь вещь?”. И я решил, что да, надо, в общем, написать, и написал»⁸²².

Хотя за детскую повесть «взрослый» писатель Аксенов взялся, находясь «в поисках какого-то заработка»⁸²³, но относился он к этому произведению не только как к заказу. Друг прозаика литератор Евгений Попов отмечает, что Аксенову нравилось писать повесть⁸²⁴. По признанию самого Аксенова, «с этой книгой было связано много хороших воспоминаний»⁸²⁵. О его особом отношении к тексту свидетельствует и то, что отсылки к нему появятся в более позднем романе «Редкие земли» (2006 год), главный герой которого Ген Стратов обнаруживает в

выдержав одно издание, [словарь] немедленно раскупался, <...> цимес состоял в том, что помимо собственно лингвистической нагрузки словарь нес иллюстративную функцию и тем самым привораживал не только детей, но и <...> взрослых» (См.: Колесников А. В. Попытка словаря. Семидесятые и ранее. М., 2010. С. 12). Также см.: Космарский А., Туровец М. Скромное обаяние комсомола. Почему брежневский СССР стал героем лучшей научно-популярной книги 2015 года [Электронный ресурс] // Наука и техника. 4. 01. 2016. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2016/01/04/yurchak/>

⁸²² Вечер В. Аксенова в ЦДЛ 22. 12. 2004 [Электронный ресурс] // Сайт «Старое радио». Режим доступа: <http://svidetel.su/audio/1384>

⁸²³ Там же. Режим доступа: <http://svidetel.su/audio/1384>

⁸²⁴ Об этом пишет (нам – прим. В. Д.) Евгений Попов в письме от 09. 08. 2014.

⁸²⁵ Вечер В. Аксенова в ЦДЛ 22. 12. 2004 [Электронный ресурс] // Сайт «Старое радио». Режим доступа: <http://svidetel.su/audio/1384>

себе черты центрального персонажа детской повести Аксенова – Геннадия Стратофонтова.

Ко времени начала работы над повестью Аксенов уже был автором «Затоваренной бочкотары»⁸²⁶, которую критики признали «эталонном зловредного и пагубного модернизма»⁸²⁷, а кроме того, писал роман «Ожог» – откровенно экспериментальную, переходящую все границы дозволенного прозу⁸²⁸. Поэтому вполне резонно, что, когда «советский писатель со склонностью к инакомыслию»⁸²⁹ закончил работу над текстом, у заведующих редакции возникли некоторые опасения, и они, по воспоминаниям Георгия Садовникова, стали задерживать выход книги, пытаясь отыскать в ней «завуалированные намеки на события в Чехословакии»⁸³⁰. В итоге их уверили, что подобные опасения напрасны⁸³¹, и в стремлении сгладить впечатление Аксенову даже предложили написать продолжение повести и выдали за него аванс. Как следствие, в 1975 году на страницах «Костра» появился «сиквел» истории Геннадия Стратофонтова – произведение «Сундучок в котором что-то стучит», а в 1976 – его книжная версия.

И хотя было преувеличением считать, что в детской повести были завуалированы намеки на чехословацкие события, но результаты работы над произведением «Мой дедушка – памятник» оказались неоднозначными.

С одной стороны, повесть имела определенный успех. Несмотря на то, что ее нельзя назвать культовой (тираж в 100 тысяч экземпляров, которым был выпущен «Мой дедушка – памятник» в 1972 году, по тем временам являлся вполне рядовым для такого крупного издательства, как «Детская литература», к тому же книга ни разу не переиздавалась⁸³², ее не увидишь в списках

⁸²⁶ Аксенов В. П. Затоваренная бочкотара. Повесть с преувеличениями и сновидениями // Юность. 1968. № 3. С. 37–63.

⁸²⁷ Сидоров Е. Аксенов в «Юности» [Электронный ресурс] // Новое Знамя. 2012. № 7. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/7/s12.html>

⁸²⁸ Прозаик начал писать роман «Ожог» в 1969 году.

⁸²⁹ Кабаков А., Попов Е. АКСЕНОВ. М., 2011. С. 38.

⁸³⁰ Садовников Г. Мой одноклассник Вася [Электронный ресурс] // Интернет-издание журнала «Казань». 13.08.2012. Режим доступа: <http://kazan-journal.ru/pages/item/368-moy-odnoklassnik-vasya>

⁸³¹ Там же. Режим доступа: <http://kazan-journal.ru/pages/item/368-moy-odnoklassnik-vasya>

⁸³² Правда, это может быть обусловлено не столько отсутствием интереса к повести и спроса на нее, сколько особым отношением к ее автору и его последующей эмиграцией в США.

произведений, составивших круг популярного детского чтения в 1970-е годы⁸³³), на разных книжных порталах нередко можно встретить очень теплые отзывы об этой аксеновской вещи, а значит, повесть не была встречена равнодушно и имела своих читателей.

Вот некоторые из ностальгических отзывов о ней: «Я читал эту книгу в далеком детстве в начале 70-х годов прошлого века <...> “взахлеб”, в нетерпеливом ожидании следующего номера, <...> читалось все запоем»; «Совершенно не могу представить, какое бы впечатление произвела на меня эта книга, познакомься я с ней сейчас, <...> а в детстве это было одно из самых любимейших произведений»; «Трудно сказать, как отреагирует на эту повесть мой сын, но я в свое время был приятно удивлен»⁸³⁴. Словом, книга смогла полюбить и запомниться.

При этом содержательно она выделялась из общего числа публикуемых в то время произведений для подростков. На это обращают внимание те самые повзрослевшие, прежние ее читатели, чьи отзывы были приведены ранее. Так, один из них вспоминает: «Для меня “Мой дедушка – памятник” долгое время был совершенно нерядовым и неповторимым явлением <...>, легкость и даже *легкомысленность* (курсив наш – В. Д.) повествования, какой-то совсем особенный язык, фантазия, поразительно похожая на реальность, – все это заставляло перечитывать повесть несколько раз в год»⁸³⁵. Хотя Аксенову, как любому литератору, взявшемуся писать для детей, необходимо было выполнить некую обязательную программу, научив юных читателей, к примеру, «ценить истинную дружбу» и тому, что «добро всегда побеждает зло», очевидно, что ограничиваться этим он не стал. Остановимся на этом чуть подробнее, но прежде несколько слов о содержании повести.

Следуя излюбленной советскими писателями традиции советской повести для подростков, Аксенов отправляет своего героя, пионера-отличника Геннадия Стратофонтова в познавательное приключение – в научную экспедицию к

⁸³³ Попытку создать подобный список предприняли посетители сайта <http://bosonogoe.ru/>

⁸³⁴ Первый отзыв взят на сайте <http://coollib.com/b/198660/>; другие два - на портале <http://fantlab.ru/work187784>

⁸³⁵ Отзыв взят с портала <http://fantlab.ru/work187784>

берегам фантастической страны Большие Эмпирей. Стать младшим научным сотрудником экспедиции удивительному во всех отношениях школьнику предлагает капитан судна Николай Рикошетников. По прибытии на архипелаг Геннадий становится невольным свидетелем заговора злоумышленников с соседнего острова Карбункл. Из услышанного пионер понимает, что заговор плетется против дружественного народа эмпирейцев, а также советского научного корабля. Но сообщить об этом своим товарищам он не успевает, поскольку схвачен членами мафиозной группировки, которую возглавляет «пиратка и авантюристка»⁸³⁶ мадам Накамура-Бранчевска, в чьи планы входит «разогнать эмпирейских сенаторов-легоперов и объявить [себя] королевой Больших Эмпирей и Карбункла»⁸³⁷. Однако Геннадию удается обмануть бандитов, убедив их в том, что он англичанин Джин Стрейтфонд, а также поклонник пиратов, в частности – пирата Рокера Буги, нередко совершавшего набеги на острова Больших Эмпирей. Это очень льстит одному из членов группировки – потомку легендарного злодея – Ричарду Буги. В результате у Геннадия получается проникнуть в суть коварного замысла и помешать его воплощению. Разумеется, зло в «пионерской» повести Аксенова побеждается коллективно, а не только усилиями главного героя. Поэтому в разное время Геннадию помогают девочки Наташа и Доллис, которые – в лучших традициях индийского кино – оказываются сестрами-близнецами, разлученными в детстве, а также члены команды научного корабля, «неповторимая»⁸³⁸ бабушка героя Мария Спиридоновна и даже дельфин Чаби Чаккерс, дезертировавший из армии США, где служил в звании сержанта.

Один из рецензентов повести писал: «Автор словно собрал в одном месте все, о чем может мечтать мальчишка 12-13 лет, начитавшийся приключенческих романов и желающий совместить их все в одном»⁸³⁹. Действительно, история, рассказанная Аксеновым, отсылает не только к советским повестям и романам, герои которых отправляются в опасные, но познавательные путешествия или

⁸³⁶ Аксенов В. Мой дедушка — памятник. М., 2007. С. 156.

⁸³⁷ Там же. С. 205.

⁸³⁸ Там же. С. 225.

⁸³⁹ Солоненко В. К. О книгах, книжниках и писателе Василии Аксенове. М., 2010. С. 316.

научные экспедиции, но и представляет своего рода попури из всевозможных авантурных сюжетов в духе Р. Стивенсона и его продолжателей, разумеется, знакомых советскому читателю-подростку.

При этом в своей повести Аксенов подражает также авторам «красного Пинкертона». Враг, которому противостоит Геннадий, оказывается «классовым» (напомним, что мадам Накамура-Бранчевска – капиталистка), а борьба – идейной (ведь герою удается помешать государственному перевороту в дружественной Советам республике). К тому же, повесть, содержащая типичные признаки авантурного нарратива, разрешается идеологически благополучным финалом – характерным атрибутом произведений, написанных в духе «красного Пинкертона». В этом смысле, обращает на себя внимание и такая деталь, как занятие одной из героинь теннисом. Хотя и выросшая капиталисткой, но в целом положительная Доллис напоминает Елену из катаевского «Острова Эрендорф». Так же, как и Елена, Доллис завоевывает симпатию главного героя во время игры в теннис. В целом, и та, и другая лишь продолжают галерею подобных им героинь, в угоду стереотипным представлениям о западном капиталистическом мире облаченных советскими романистами в платья для лаун-тенниса (например, мисс Мильки из «Месс-Менд» М. Шагинян).

«Пионерская пинкертоновщина», популярная в годы НЭПа, к 1930-м была раскритикована идеологами детской литературы. Так И. Желобовский писал: «Авантурная форма, заменившая пафос настоящей борьбы легким анекдотом, нам не нужна»⁸⁴⁰. В силу своей воспитательной легковесности подобная литература на долгие годы была вытеснена из круга детского чтения. Показательно, что Аксенов в своей повести возвращается к этой традиции.

Кроме того, трудно не заметить, что привычный для советской литературы приключенческий нарратив у Аксенова насыщен неожиданными поворотами в духе фильмов о Джеймсе Бонде. За время своего захватывающего приключения Геннадий успевает попасть в плен, сбежать из плена, побывать в Лондоне, под

⁸⁴⁰ Желобовский И. А. Против снижения жанра: По поводу статьи Остроумова // Книга детям. 1930. № 1. С. 25.

прикрытием проникнув в центр страшного заговора, и даже поучаствовать в перестрелке.

В семидесятые «[советскому] читателю имя Джеймса Бонда [было] знакомо главным образом понаслышке»⁸⁴¹. Романы о Бонде выходили только в «самиздате». Так, участница форума, посвященного писателю Йену Флемингу, пишет следующее: «Помню, как читала книги “бондианы” в глухие застойные времена, даже не книги, а самиздатовские книжечки на серой бумаге и с отвратительным шрифтом»⁸⁴². Кинокартины об этом герое также были запрещены в СССР, как идеологически чуждые, ведь они «воспевали убийство как вполне респектабельное занятие положительного героя»⁸⁴³.

Аксенов, бывавший за рубежом (несмотря на «негласную опалу»⁸⁴⁴), во время одной из своих заграничных командировок в 1967 году увидел фильм о культовом герое «Живешь только дважды». После этого у писателя появился замысел «сделать советского Джеймса Бонда, захватить внимание публики»⁸⁴⁵.

Отступив немного в сторону, отметим, что этот замысел был воплощен в 1969 году в романе-боевике «Джин Грин – неприкасаемый», написанном Аксеновым в соавторстве с литераторами Овидием Горчаковым и Григорием Поженяном и опубликованном в 1972 году издательством «Молодая гвардия». Работа над «беллетристическим капустником»⁸⁴⁶ не могла не повлиять на текст повести «Мой дедушка – памятник», которую Аксенов писал примерно в то же время. На связь между детской повестью Аксенова и романом-боевиком указывает то, что в попытке одурачить взявших его в плен преступников Геннадий представляется как Джин, становясь, таким образом, тезкой и литературным двойником «Джинни-боя», агента ЦРУ и главного персонажа

⁸⁴¹ Туровская М. Герои «безгеройного времени». М., 1977. С. 65.

⁸⁴² Отзыв взят с портала <http://kamsha.ru>

⁸⁴³ Кичин В. Полвека назад он впервые сказал: меня зовут Бонд [Электронный ресурс] // Российская Газета. 25. 10. 2012. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/10/25/bond-site.html>

⁸⁴⁴ Сидоров Е. Аксенов в «Юности» [Электронный ресурс] // Новое Знамя. 2012. № 7. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/7/s12.html>

⁸⁴⁵ Подшивалов И. Интервью с В. П. Аксеновым. Аксенов's DISTANCE // Московский комсомолец. 10. 12. 1989. С. 11.

⁸⁴⁶ Сидоров Е. Аксенов в «Юности» [Электронный ресурс] // Новое Знамя. 2012. № 7. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/7/s12.html>

книги Гривадия Горпожакса (в романе-боевике один из героев Лот, отвечая на вопрос Джина Грина, замечает: «Ты догадливый, паренек, Джинни-бой»⁸⁴⁷; в повести «Мой дедушка – памятник» Ричард Буги говорит Геннадию: «Ты толковый паренек, Джинни-бой»⁸⁴⁸). Имя меняет личность Геннадия, делая его похожим на легендарного агента 007, способного выпутаться из любой передраги, продемонстрировав спортивный класс, хладнокровие, аналитический ум и невероятную храбрость. В результате повесть порой напоминает остросюжетный боевик, придуманный Йеном Флемингом (неслучайно ее события разворачиваются то в Англии, на родине Джеймса Бонда, то в Японии, бывшей местом действия в фильме «Живешь только дважды»).

Как уже отмечалось, в те годы романы в жанре триллера и боевика, причисляемые советской идеологией к «бесполезным», «пустым» развлечениям западного «капиталистического» мира, были мало знакомы советскому читателю. Но они не были ему не знакомы вовсе. Произведения Йена Флеминга можно было прочитать в «самиздате», а в 1967 году советским издательством «Прогресс» была опубликована книга болгарского писателя Андрея Гуляшки «Аввакум Захов против 07». Хотя в предисловии, сопровождавшем текст, отмечалось, что роман А. Гуляшки является «ударом по Джеймсу Бонду»⁸⁴⁹, а сам Бонд расписывался как сугубо отрицательный персонаж, сюжет книги, в основе которого лежало увлекательное противостояние двух «суперпрофессионалов», не мог не подогревать интерес как к легендарному герою Йена Флеминга, так и, собственно, к полузапретному нарративу. Несмотря на идеологическую выдержанность подобных критических отзывов в адрес зарубежной книжной (или кино-) продукции, советскими читателями тех лет они воспринимались как способ узнать больше о притягательных реалиях западного мира.

Сложно судить о том, насколько был широк круг читателей романа Андрея Гуляшки, однако сама публикация «Аввакума Захова против 07» позволяет предположить, что подобные повествовательные эксперименты были

⁸⁴⁷ Горпожакс Г. Джин Грин – неприкасаемый. М., 1972. С. 140.

⁸⁴⁸ Аксенов В. Мой дедушка — памятник. М., 2007. С. 196.

⁸⁴⁹ Собкович А. Аввакум Захов против 07. Коротко о книге. М., 1967, С. 3.

небезынтересны советской публике, а потому творческие искания Аксенова, решившего развлечь советских подростков по-голливудски захватывающим сюжетом и превратить приключенческий роман в «пионерскую “бондиану” со всеми признаками жанра»⁸⁵⁰, оказались вполне своевременными.

Одним из следствий подобного обращения автора с нарративом было то, что последний волей-неволей переставал восприниматься как воспитательный. Это могло происходить, в том числе еще и потому, что повесть «Мой дедушка – памятник» была «насквозь издевательской и пародийной»⁸⁵¹.

По словам Ю. Щеглова, в ней «Аксенов, презирающий советскую псевдокультуру до глубины души, миметирует ее язык»⁸⁵². Иллюстрируя свою мысль, литературовед приводит в пример беседу Геннадия Стратофонтова с биологом Верестищевым о животных и фашизме («Дельфин отважен, а акула трус, – отвечал Самсон Александрович. – Акула, Гена, это своего рода морской фашист. – Вы думаете, что фашизм труслив? – пытливо спрашивал мальчик. – Но ведь он всегда нападает первым... – Это сложная проблема, Гена, очень сложная, – задумчиво говорил Верестищев. – Всегда ли смел тот, кто нападает первым?»⁸⁵³). По мнению Ю. Щеглова, «и тематика (разговор о фашизме, параллели из животного мира), и лексика (“пытливо”) беседы богаты оттенками, восходящими к позднесоветской массовой культуре с ее тягой к показной псевдосложности и философичности»⁸⁵⁴.

Ю. Щеглов обращает внимание на еще один эпизод, «где имитируется рождение научной идеи»⁸⁵⁵. В нем Геннадий, узнав о том, что «акустический аппарат медузы угадывает приближение шторма больше чем за сутки»⁸⁵⁶, интересуется: «А нельзя ли сделать такой прибор, как этот аппарат у медузы»⁸⁵⁷. Восхищенный способностями «удивительного школьника» Верестищев

⁸⁵⁰ Цитируется по отзыву одного из читателей повести, опубликованному на сайте <http://www.labyrinth.ru/reviews/show/71411/>

⁸⁵¹ Щеглов Ю. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова. Комментарий. М., 2013. С. 11.

⁸⁵² Там же. С. 11.

⁸⁵³ Аксенов В. Мой дедушка — памятник. М., 2007. С. 64.

⁸⁵⁴ Щеглов Ю. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова. Комментарий. М., 2013. С. 11.

⁸⁵⁵ Там же. С. 11.

⁸⁵⁶ Аксенов В. Мой дедушка — памятник. М., 2007. С. 65.

⁸⁵⁷ Там же. С. 65.

воскликает: «Вы меня поражаете, Геннадий! Как раз над этой проблемой работает один отдел в нашем институте. Вам надо быть ученым, мой мальчик»⁸⁵⁸. По мнению исследователя, в разговорах Геннадия и Верестищева Аксенов пародирует диалоги, которые «на полном серьезе вели пионер и ученый в научно-фантастическом романе “Тайна двух океанов” Г. Адамова»⁸⁵⁹.

Вводя в повесть образ консула Больших Эмпирей Старжена Фица, ассоциирующегося с образом Вадима Афанасьевича Дрожжинина из «Затоваренной бочкотары» (как и Дрожжинин, Старжен Фиц является единственным человеком, посвященным в дела небольшого никому не известного государства), Аксенов продолжает тему, начатую им в этом тексте. Объектом авторской насмешки становится дружба СССР с народами «развивающихся стран». Аксеновым пародируется поверхностность этой дружбы и показной интерес к жизни «развивающихся» государств. Так, оказывается, что Старжен Фиц является русским поданным, никогда не бывавшем в Больших Эмпиреях. А общество, организованное бабушкой Геннадия с целью «сокращать большие расстояния»⁸⁶⁰ между СССР и Большими Эмпиреями и представленное тремя членами – фабрикой игрушки № 4, крупным северным аэропортом и огромным ленинградским поэтом Борисом Горошкиным, – формально и нелепо.

Кроме того, в повести Аксенов иронизирует над типичными представлениями тех лет о том, что такое хорошо и что такое плохо. Так, неслучайно отрицательные персонажи слушают джаз и танцуют буги-вуги, пряча оружие в футлярах для музыкальных инструментов. Примечательно, что в одном из эпизодов злодей Ричард Буги «закружился в странном танце под одному ему слышимую чудовищную музыку, [а Геннадий], глядя на этот танец, подумал, что в клинике доктора Сильвестра Лафоню есть, по крайней мере, один человек, нуждающийся в психиатрическом лечении»⁸⁶¹. Описывая ход мыслей главного героя, Аксенов, сам будучи поклонником джаза, явно пародирует стереотипные

⁸⁵⁸ Там же. С. 65.

⁸⁵⁹ Щеглов Ю. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова. Комментарий. М., 2013. С. 12.

⁸⁶⁰ Аксенов В. Мой дедушка — памятник. М., 2007. С. 229.

⁸⁶¹ Там же. С. 206.

представления «благонадежных» советских граждан, идущих на поводу у идеологии и наученных думать, что за танцевальными и музыкальными предпочтениями могут скрываться психические отклонения или преступные намерения.

Автор также пародирует идеологию общества тех лет и в образах положительных героев. К примеру, в шестидесятые считалось, что «в недалеком будущем, людей, не желающих брать физкультуру в товарищи, людей, инертных к спорту, будут просто штрафовать»⁸⁶². Поэтому не случайно, что, в отличие от отрицательных персонажей, все положительные герои книги – в хорошем смысле слова – одержимы тем или иным видом спорта. Так, папа Геннадия всерьез увлекается альпинизмом, мама – прыгает с парашютом, бабушка, несмотря на свой преклонный возраст, «здорово плавает»⁸⁶³ стилем баттерфляй, подруга героя Наташа – чемпионка по художественной гимнастике, другая подруга Доллис занимается теннисом, капитан научного судна Николай Рикошетников умеет играть в шахматы, а также, как и все члены корабля и дружественный народ эмпирейцы, в футбол. Что же касается главного героя, пионера-отличника Геннадия Стратофонтова, то он демонстрирует «натренированность во всех мыслимых спортивных областях»⁸⁶⁴. Совершенный до крайности, образ Геннадия, с одной стороны, кажется пародией на персонажей советских «лакировочных» романов, с другой – на героя культуры 1960-х, так называемую «гармоничную личность», о которой критики П. Вайль и А. Генис писали: «Чемпион лучился улыбкой, поправляя очки, невзначай ронял томик Вознесенского, а установив рекорд, спешил на зачет по сопромату»⁸⁶⁵.

Правда, чувствуется, что, «воплощая все, что люди обычные признают и культивируют по отдельности, чем они восхищаются, к чему стремятся»⁸⁶⁶, Геннадий – вероятно, как раз в силу своих исключительных качеств – вызывает

⁸⁶² Цит. по: Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека // Вайль П., Генис А. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2004. С. 740.

⁸⁶³ Аксенов В. Мой дедушка — памятник. М., 2007. С. 18.

⁸⁶⁴ Щеглов Ю. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова. Комментарий. М., 2013. С. 51.

⁸⁶⁵ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека // Вайль П., Генис А. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2004. С. 740.

⁸⁶⁶ Щеглов Ю. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова. Комментарий. М., 2013. С. 51.

симпатию автора. Это косвенно подтверждает то, что спустя 34 года после выхода повести, Аксенов сравнит своего героя с легендарным Гарри Поттером, персонажем романов английской писательницы Джоан Роулинг, отметив, что Геннадий, хоть и «не волшебник, но что-то суперменское в нем есть»⁸⁶⁷.

По мнению исследователя Ю. Щеглова, Геннадий относится к т.н. семейству «суперменов» и «сильных личностей», присутствующих практически во всех аксеновских текстах (Глеб Шустиков из «Затоваренной бочкотары», Олег из «Пора, мой друг, пора» и т.д.)⁸⁶⁸. К этому семейству также принадлежит сюрреалистический Аполлинарьевич из «Ожога». На тесную связь с последним указывает даже имя героя – Геннадий. Напомним, что в одном из своих воплощений Аполлинарьевич – «аттрактивный сорокалетний мужчина-хирург-супермен, загорелая бестия, овеванный легендами на весь институт почти-профессор»⁸⁶⁹ Геннадий Малькольмов. Имя персонажа, равно как и его характеристика, позволяют предположить, что в творческом сознании Аксенова образы удивительного школьника, способного стать кем угодно в силу своих дарований, и главного героя культовой «нетленки», «кем угодно», собственно, ставшего, по-видимому, были связаны между собой, что свидетельствует об особом отношении писателя к центральному персонажу повести «Мой дедушка – памятник».

Кроме того, что исключительные – как физические, так и умственные – способности Геннадия Стратофонтова были симпатичны автору, они являлись вполне уместными, ведь «Мой дедушка – памятник» был фантастической повестью для детей.

По этой же причине вполне естественным было неприемлемое во «взрослых» текстах стирание границ нарратива, например, «переход» героя Джона Грея – Силача-Повесы – из песни «Джон Грей» в повесть Аксенова или невозможная в реальности встреча автора с главным героем в Крыму, на берегу

⁸⁶⁷ Вечер В. Аксенова в ЦДЛ 22. 12. 2004. [Электронный ресурс] // Сайт «Старое радио». Режим доступа: <http://svidetel.su/audio/1384>

⁸⁶⁸ Щеглов Ю. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова. Комментарий. М., 2013. С. 40.

⁸⁶⁹ Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 63.

Коктебельской бухты. Немного отступив, отметим, что место встречи не было случайным. Для Аксенова Коктебель был особым пространством. С одной стороны, туда приезжала творческая богема, в том числе и сам Аксенов. Так, на одном литературном вечере писатель вспоминал: «Шестидесятники собирались в Крыму, особенно в Восточном Крыму, всем казалось: уедешь из Москвы – как будто вырвался куда-нибудь немножко на свободу»⁸⁷⁰. Принадлежность Геннадия к этому же пространству в какой-то степени делает его единомышленником автора. К тому же, по словам Аксенова, в Крым он приезжал писать⁸⁷¹. С этой точки зрения, его встречу с Геннадием, возможно, следует интерпретировать, как то, что замысел персонажа возник у Аксенова именно в Крыму.

Хотя «небывальщина», предлагаемая вниманию аксеновского адресата, была типична для подростковых приключенческих романов, она, будучи написана в отчетливо пародийном ключе, нивелировала в тексте дидактическую составляющую. Вполне вероятно, что пародии, очевидные для взрослых, могли остаться недопонятыми подростками. Однако гиперболизация и карикатуризация, лежавшие в их основе, в совокупности с фантастическим сюжетом, закрученным в духе «Красного Пинкертон» или фильмов о Бонде, привносили в повесть озорные интонации, позволяющие Аксенову «выйти из литературного официоза»⁸⁷² и обеспечивавшие переход от поучительного к игровому, развлекательному чтению.

Одним из элементов игры были анаграммы. Так, например, основателя сказочной страны Большие Эмпирей звали Йон, т.е. «Ной» наоборот. Однако, то, что за именем Йон скрывалось имя библейского персонажа, был способен понять только «осведомленный» читатель. В книжной версии 1972 года то, что Йон – это Ной, было чуть более очевидно. Поскольку в ней, в отличие от журнальной, содержалось подробное описание прибытия Йона на остров: «Преодолев на своем утлом катамаране необъятное водное пространство, [он] увидел за гребнями волн

⁸⁷⁰ Вечер В. Аксенова в ЦДЛ 22. 12. 2004. [Электронный ресурс] // Сайт «Старое радио». Режим доступа: <http://svidetel.su/audio/1384>

⁸⁷¹ Там же. Режим доступа: <http://svidetel.su/audio/1384>

⁸⁷² Сидоров Е. Аксенов в «Юности» [Электронный ресурс] // Новое Знамя. 2012. № 7. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/7/s12.html>

симпатичный архипелаг. Архипелаг этот показался Йону похожим на перевернутую вниз головой запятую. <....> Преодолев линию прибоя, Йон приступил к выгрузке жалкого скраба и целой группы диких и домашних животных. Активно помогали ему в этом деле его сыновья Мис, Мах и Тефя»⁸⁷³. Впрочем, несмотря на явные отсылки к библейской легенде в этом отрывке и появление зашифрованных имен сыновей Ноя (Сима, Хама и Яфета), а также на сравнение архипелага с перевернутой запятой, будто указывающей на то, что все имена следует читать наоборот, разгадать анаграммы мог, скорее всего, либо ребенок, воспитанный, как и сам Аксенов, в религиозной семье, либо посвященный взрослый. В те годы Библия, хоть и не была запрещена, в открытой продаже в церквях не появлялась, а распространялась преимущественно среди «своих» (на диалог с последними в данном случае и ориентировался, вероятно, автор).

Еще одна анаграмма встречается только в книжной версии повести. В одном из эпизодов дезертировавший из армии США дельфин Чаби Чаккерс (взрослым читателям, современникам Аксенова это имя не могло не напомнить имя певца Чабби Чеккера, легендарного исполнителя песни «The Twist»), узнав одного из наемников, приехавших захватить Большие Эмпирей, говорит: «Это ты Фрэнки Карбо? Мало тебе Мьетвиня, сукин сын?»⁸⁷⁴. То, что Мьетвинь – анаграмма Вьетнама, подтверждается журнальной версией. В ней тот же пассаж выглядит несколько иначе: «Это ты Фрэнки Карбо? Мало тебе Вьетнама, сукин сын?»⁸⁷⁵. Не исключено, что в этом случае литературная игра была вынужденным приемом (так, несмотря на то, что «обычно отдельное издание было более вольным», как отмечает писатель Евгений Попов, но, по его же словам, «правки в отдельное издание вносились всегда, иногда редакцией, связанной с цензорами»⁸⁷⁶). В те годы, когда В. Аксенов работал над повестью, во Вьетнаме шла война с США, которая в официальной прессе СССР освещалась как война с американскими

⁸⁷³ Аксенов В. Мой дедушка — памятник. М., 2007. С. 88.

⁸⁷⁴ Там же. С. 242.

⁸⁷⁵ Аксенов В. П. Мой дедушка – памятник // Костер. 1970. № 10. С. 51.

⁸⁷⁶ Об этом пишет (нам – прим. В. Д.) Евгений Попов в письме от 09. 08. 2014.

империалистами. В свою очередь, адресованная наемнику Фрэнки Карбо реплика дельфина Чаби Чаккерса, который представлен в повести как «очевидец» этой войны, указывает на сходство последней с захватом Республики Большие Эмпирей кучкой наемников. Подспудно это могло свидетельствовать о том, что война во Вьетнаме была войной интересов, а не идей. Впрочем, трудно утверждать наверняка, могло ли упоминание Вьетнама в таком контексте натолкнуть советских подростков на подобные «опасные» размышления, была ли анаграмма «Мьетвинь» своего рода компромиссом между автором и выпускающим издательством, вынужденным придерживаться определенных правил, или это было изменение, внесенное Аксеновым по его собственной воле, и, наконец, улавливалась ли анаграмма детьми.

Скорей, смысл таких игр был более понятен взрослым читателям, которые, судя по воспоминаниям современников В. Аксенова и исследователей, были у повести⁸⁷⁷. Однако сам по себе прием анаграммы, независимо от вложенного в нее смысла, мог зацепить внимание подростков, что, по мнению исследователя Л. Лосева, приучало к чтению между строк⁸⁷⁸ в игровой форме.

При этом языковая игра вовсе не ограничивалась анаграммами. Особое значение у Аксенова имело использование английского языка. Получалось, что, как и в случае с Йоном-Ноем, адресат повести должен был быть в некоторой степени посвященный, а именно – знать или, по крайней мере, хотеть знать иностранный язык.

Такой читатель мог понять иронию автора, присвоившего наемному убийце прозвище «Буллит» (в переводе с английского «bullet» – «пуля»), а неприятному во всех отношениях полковнику с вражеского острова Карбункл имя Бастардо Мизераблес (где «bastard» переводится как «ублюдок», а «miserable» – «несчастный»). Также он мог понять и то, что «самый неприветливый остров во

⁸⁷⁷ См.: Кабаков А., Попов Е. АКСЕНОВ. М., 2011. С. 38; Коган И. И. Пародийные элементы в повести Василия Аксенова: Мой дедушка – памятник // Аксенов: Литературная судьба. Самара, 1994. С. 97; Losef L. On the Benificence of Censorship. Aesopian language in Modern Russian Literature. Munchen, 1984. P. 212 и др.

⁸⁷⁸ См.: Losef L. On the Benificence of Censorship. Aesopian language in Modern Russian Literature. Munchen, 1984. P. 212.

всем архипелаге»⁸⁷⁹ Карбункл получил свое название не из-за легенды о том, что один пират «закопал где-то там невероятнейший драгоценный камень⁸⁸⁰»⁸⁸¹ (эту легенду сам автор характеризует, как «дурацкую» и «лживую»⁸⁸²). С английского «carbuncle» переводится так же, как «бородавка». И это название намного больше подходит населенной пиратами и бандитами республике со столицей в городе Стамак («stomach» – по-английски «желудок»).

Обращает на себя внимание, что главный герой повести в совершенстве владеет английским языком и даже прибегает к нему в различных речевых ситуациях. Характерно, что не всегда английская речь включается в текст с сохранением исконной графики (время от времени автор прибегает к приему транслитерации). Латиница используется тогда, когда говорит носитель языка или Геннадий, чье произношение автор характеризует, как «идеальное»⁸⁸³.

Вообще английский язык в большей или меньшей степени знают все герои повести, в том числе и дельфин Чаби Чаккерс. Так на вопрос Геннадия «Вы говорите по-русски и по-английски, Чаби?» он отвечает: «В частях специального назначения еще и не тому научишься»⁸⁸⁴. А разговор с Геннадием Чаби, дезертировавший из армии США в звании сержанта, завершает словами «Make love, not war»⁸⁸⁵, представляющими собой популярный призыв прекратить войну, что в те годы относилось к войне во Вьетнаме. Хотя действия американских войск во Вьетнаме осуждались в советской печати (и, судя, например, по рубрике «Радиостанция “Здравствуй”» в журнале «Пионер», № 1 за 1970 год, где опубликованы письма советских подростков их вьетнамским друзьям, детские издания не были исключением), позицию дельфина-дезертира, призывающего любить, а не воевать и тем самым напоминающего хиппи, нельзя было назвать близкой советской идеологии.

⁸⁷⁹ Аксенов В. Мой дедушка — памятник. М., 2007. С. 98.

⁸⁸⁰ Напомним, что один из вариантов перевода слова «carbuncle» – «драгоценный камень».

⁸⁸¹ Аксенов В. Мой дедушка — памятник. М., 2007. С. 98.

⁸⁸² Там же. С. 98.

⁸⁸³ Там же. С. 20.

⁸⁸⁴ Аксенов В. П. Мой дедушка — памятник // Костер. 1970. № 9. С. 20.

⁸⁸⁵ Там же. С. 20.

Однако очевидно, что эта позиция была близка самому Аксенову. Об этом косвенно свидетельствует то, что образ дельфина отсылает к образу героя романа «Ожог», над которым Аксенов работал в то же время, что и над повестью для подростков. Речь идет о Патрике Тандерджете, «дезертире из армии Соединенных Штатов»⁸⁸⁶, в котором герои, представляющие советскую власть, видят «явно нерусского хиппи»⁸⁸⁷, но на стороне которого находятся симпатии автора.

Характерно, что фраза «Make love, not war» исчезает из книжной версии повести. Взамен автор позволяет себе другую вольность: в книге дельфин изъясняется на сленге, употребляя слова иноязычного происхождения («*Годдем! Это ты Фрэнки Карбо!*»; «*Сейчас немного зафоргетил*» (курсив наш. – В. Д.)⁸⁸⁸).

В журнальной версии речь Чаби содержит диалектизм. Так, в девятом номере «Костра» за 1970 год читаем: «Условия предлагались хорошие, рыбы навалом, ешь не хочу, полсотни долларов в неделю жалованье. Научился по-человеческому *балакать*»⁸⁸⁹. Тот же самый фрагмент, но уже отредактированный Аксеновым для книги, выпущенной издательством «Детская литература» в 1972 году, выглядит несколько иначе: «Условия хорошие, рыбы – ешь не хочу, полсотни долларов в неделю. Научился по-человечески *спикать*»⁸⁹⁰ (курсив наш. – В. Д.).

За счет сленга, образованного посредством иноязычных слов (к примеру, «зафоргетил» и «спикать»), Аксенову удается сохранить особый, вольный тон речи Чаби. Причем использование сленга в тексте оправдывается тем, что «Чаби слегка путался в языках, из английских слов *speak* (“говорить”) и *forget* (“забыть”) он производит глаголы “спикать” и “зафоргетить”»⁸⁹¹. Подобным объяснением писатель не только оправдывал в тексте появление иноязычных слов (по замечанию Е. Попова, на сленге могли разговаривать только отрицательные

⁸⁸⁶ Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 220.

⁸⁸⁷ Там же. С. 220.

⁸⁸⁸ Аксенов В. Мой дедушка — памятник. М., 2007. С. 158.

⁸⁸⁹ Аксенов В. П. Мой дедушка — памятник // Костер. 1970. № 9. С. 20.

⁸⁹⁰ Аксенов В. Мой дедушка — памятник. М., 2007. С. 157.

⁸⁹¹ Там же. С. 158.

персонажи, к которым явно нельзя отнести Чаби⁸⁹²), но и задавал определенную словообразовательную модель, характерную для юных читателей повести.

В произведении Аксенова английский язык также становится морфологической основой выдуманного автором языка Больших Эмпирей. Так, например, Николай Рикошетников и Геннадий, покупая коробку трубочного табака и мороженое спрашивают: «Хава киста свитохлади ри тубака?»⁸⁹³. Читателю, знающему английский, слово «хава» не может не напомнить «how» («как»), а «киста» – «cost» («стоять»). Обращает на себя внимание и слово «свитохлади». Как и «булоноги» (так называют себя эмпирейцы, любящие играть в футбол), оно представляет контаминацию иноязычных и русскоязычных корней. Таким образом, «свитохлади» – это сочетание слов «sweet» («сладкий») и «холодный», а «булоног» – «ball» («мяч») и «нога». В другом эпизоде Геннадий, спрашивая свою бабушку на эмпирейском о том, как она поплавала, говорит: «Хава свимматоре ю лер?». На что бабушка отвечает: «Бундербул вера оччи!»⁸⁹⁴. Здесь за словом «хава» угадывается «how» («как»), «свимматоре» – «swim» («плавать»), а за «бундербул» – «wonderful» («прекрасно»). Характерно, что герои повести, владеющие английским (Геннадий, капитан Николай Рикошетников и бабушка Мария Спиридоновна), легко овладевают и языком дружественной державы. Это может пониматься как метафора языковой свободы, к которой автор и приучает своих читателей.

В те годы, хотя английский язык входил в школьную программу, его «изучение превращалось в своего рода грамматическую задачу, не имеющую практического выхода»⁸⁹⁵. Предполагалось, что «большинству учеников не придется разговаривать на изучаемом языке с его носителями»⁸⁹⁶. В романе «Ожог», над которым Аксенов работает в то же время, что и над повестью «Мой дедушка – памятник», он пишет об этом следующее: «Всем юным жителям Одной

⁸⁹² Об этом пишет (нам – прим. В. Д.) Евгений Попов в письме от 09. 08. 2014.

⁸⁹³ Аксенов В. Мой дедушка — памятник. М., 2007. С. 104.

⁸⁹⁴ Там же. С. 20.

⁸⁹⁵ Литовская М. А. Конструирование чужого, или учимся говорить по-английски // Неприкосновенный запас. 2008. № 1. С. 119.

⁸⁹⁶ Там же. С. 106.

Шестой география казалась вполне отвлеченной наукой, а в изучении иностранных языков никто не видел никакой серьезной нужды <...>. Что там творится за бронированной гранью, нас не интересует: здесь Мы – люди, русские, советские, там Они – призраки, фантомы, иностранцы»⁸⁹⁷. Поэтому вовсе не случайно, что в книге Аксенова, адресованной подрастающему поколению, английский оказывается основой языковой игры (к ней относится не только шуточный выбор имен и названий, но и содержащая сленг речь дельфина, и выдуманный автором язык Больших Эмпирей), а также используется героями повести в реальных практических ситуациях (в самолете, в аэропорту, в разговоре с оператором во время международного звонка).

Хотя использование английского языка в повести для подростков таким образом не казалось чем-то «крамольным» и, более того, отвечало одной из традиционных функций этого жанра (образовательной), тем не менее, оно имело совершенно особое значение. Демонстрируя юным читателям возможности, которые открывало владение иностранным языком, прозаик, по всей видимости, подспудно подталкивал их к тому, чтобы они «не сидели сиднем в душной Совдепии, а разъезжали по миру»⁸⁹⁸. Согласно замечанию писателя Е. Попова, это было мечтой Аксенова, реализацию которой он связывал с повестью «Мой дедушка – памятник».

Это объясняет и появление в тексте описаний заграницы. К примеру, в нем изображается Токио, где герои делают остановку по пути в Большие Эмпирей: «Через полчаса друзья уже мчались к Токио по висящей над сонмом маленьких домиков бетонной автостраде. Центр Токио – это горная страна из стали, алюминия и стекла, а весь Токио – это равнина маленьких двух- и одноэтажных домиков. Если какой-нибудь житель столицы пригласит вас, милый читатель, в гости, он обязательно нарисует для вас схему своего квартала, укажет стрелочкой свой дом, пунктиром отметит путь от магистрали в глубинку. Дело в том, что в Токио нет улиц, вернее, улицы не имеют названий. Названия имеют только

⁸⁹⁷ Аксенов В. П. Ожог. М., 2011. С. 288.

⁸⁹⁸ Об этом пишет (нам – прим. В. Д.) Евгений Попов в письме от 09. 08. 2014.

кварталы и районы. Когда говорят главная улица Гиндза – это неверно. Нет улицы Гиндза, есть район Гиндза»⁸⁹⁹.

Во время написания повести В. Аксеновым, по словам, Ю. Щеглова, в СССР «в отличие от высокого сталинизма <...> наблюдается большое стремление <...> к сближению с [заграницей], <...> к расширению кругозора <...>, однако поскольку [это] совершается под неусыпным контролем идеологических инстанций, то <...> оказывается запутанной сетью полуправд, фикций, муляжей, суррогатов»⁹⁰⁰. Характерно, что в повести Аксенова сведения о Токио лишены какой бы то ни было идеологической подоплеки и представлены в виде путевой заметки. Также обращает на себя внимание и смоделированная автором гипотетическая ситуация, демонстрирующая, что полученные знания могут иметь реальную практическую пользу («Если какой-нибудь житель столицы пригласит вас, милый читатель...»⁹⁰¹). Все это делает далекий и неизвестный советскому подростку Токио реальной и ближе.

Ввиду отмеченной самим В. Аксеновым склонности к подражанию В. Катаеву⁹⁰², вполне возможно, что, описывая Токио в отрыве от идеологического контекста, он следовал манере, в которой изображал за границу Катаев. Так, в повести последнего «Хуторок в степи», опубликованной в 1956 году в журнале «Юность», главный герой которой с отцом и братом отправляется в путешествие по Европе, притягательные образы за границы, неподдельное любовное увлечение Турцией, Грецией, Италией и Швейцарией очаровывают настолько, что заставляют забыть о сюжете, развивающемся вокруг порученного главному герою задания переправить письмо В. Ленину⁹⁰³.

Таким образом, несмотря на то, что, вводя сведения о за границе, Аксенов не нарушал никаких правил, он тем не менее раздвигал «границы дозволенного», не

⁸⁹⁹ Аксенов В. Мой дедушка — памятник. М., 2007. С. 52.

⁹⁰⁰ Щеглов Ю. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова. Комментарий. М., 2013. С. 11.

⁹⁰¹ Там же. С. 52.

⁹⁰² Кучкина О. Василий Аксенов: Майя – главная любовь // Комсомольская правда. 12. 01. 2008. Режим доступа: <http://www.ural.kp.ru/daily/24030/93720/>

⁹⁰³ Заметим, что в одном из интервью Аксенов отмечал, что в начале творческого пути «подражал Катаеву» (см.: Кучкина О. Василий Аксенов: Майя – главная любовь // Комсомольская правда. 12. 01. 2008. Режим доступа: <http://www.ural.kp.ru/daily/24030/93720/>).

просто расширяя «личную географию» читателей, а формируя более отстраненное от навязываемых советской идеологией представление о других странах и культурах и, соответственно, иное отношение к ним.

Подходя к уже к выводам, стоит отметить, что, с одной стороны, «Мой дедушка – памятник» имеет черты типичной советской повести для подростков. Научная экспедиция оборачивается у Аксенова невероятным и вместе с тем познавательным приключением. Фантастическое путешествие не только захватывает воображение читателя, но и учит, образовавает его.

С другой стороны, написанная не просто взрослым, а взрослым, пишущим главным образом для других взрослых, к тому же, вынужденно обратившимся к «детской теме», повесть «Мой дедушка – памятник» содержит в себе отголоски тех текстов Аксенова, которые не были адресованы детям. Например, из «Затоваренной бочкотары» и «Ожога» в «пионерскую повесть» перемещаются некоторые персонажи: в образе Геннадия можно распознать главного героя «Ожога», в образе дельфина – черты его друга Патрика Тандерджета, консул Больших Эмпирей Старженц Фиц напоминает специалиста по Халигалии Дрожжинина из «Затоваренной бочкотары», а среди членов команды научного корабля «Алеша Попович» оказывается знакомый читателям «взрослых» текстов В. Аксенова Володя Телескопов. Переходит в подростковую повесть и сама манера письма, характерная для «зрелых» произведений Аксенова: намеки для «своих», пародии, в том числе «эзоповские»⁹⁰⁴, включение в сюжет поворотов в духе фильмов о Джеймсе Бонде, а в речь героев – сленга, жаргона, англоязычной лексики.

Кроме того, что это превращает повесть для подростков в увлекательное своей иносказательностью чтение для взрослых, это также придает тексту «легкомысленность», «легковесность», не наставляя и поучая, как это предполагалось в традиционной советской подростковой повести, а развлекая юных читателей.

⁹⁰⁴ См.: Losef L. On the Benificence of Censorship. Aesopian language in Modern Russian Literature. Munchen, 1984. P. 212.

Расширение функциональных возможностей традиционного жанра подростковой повести посредством включения нехарактерного для советской детской литературы «развлекательного» компонента воспитывало в советских подростках толерантность к массовой культуре. В совокупности с формированием в молодых читателях иного, нежели предполагалось советской идеологией, отношения к загранице, это обеспечивало социализацию нового типа. Так, с одной стороны, повесть «Мой дедушка – памятник» заставляла восхищаться советским пионером, с другой – делала привлекательными также и его антагонистов, захватывала внимание юных читателей поворотами, характерными для жанра боевика, расширяла заложенное советскими идеологами представление о загранице.

Поскольку в то время и детские авторы (Ю. Коваль, Э. Успенский и др.), и «взрослые» писатели, обращавшиеся к «детской теме» (Ф. Искандер, Б. Окуджава, Ю. Алешковский, В. Марамзин и др.), создавали тексты, в которых могли встретиться скрытые смыслы или «сквозили» сомнительные напутствия, а также использовались приемы (пародии, алогизмы, расшатывание традиционной структуры и др.), приучавшие к иному типу чтения, произведение Аксенова, хоть и выделялось из общего числа публикуемых в те годы произведений для детей, но в целом было, скорей, правилом, чем исключением, представляя одно из многочисленных свидетельств, указывавших на изменения, происходившие в идеологических установках общества и, как следствие, в литературе.

Заключение

Определение советских семидесятых как периода «застоя» прочно закрепилось в обыденном сознании не только в качестве характеристики состояния экономики тех лет, но и как генерализующая метафора времени, часто используясь в публицистике в отношении в том числе повседневной и культурной жизни. Однако появляющиеся мемуары о семидесятых А. Беяева, Н. Зоркой, А. Жолковского, Е. Попова, О. Седаковой, С. Чуприна и др., литература, кинематограф, искусство тех лет в целом свидетельствуют о напряженном и разнонаправленном развитии культурной и социальной жизни позднесоветского общества. Отсутствие стагнации в ней отмечают, будучи свидетелями эпохи, исследователи этого периода.

Как следует из опубликованных воспоминаний, принадлежащих в основном людям творческим, в повседневную жизнь того времени входили и посещение официальных и «квартирных» выставок, концертов, и разговоры со «своими», в процессе которых обсуждались политика и культура, фильмы, просмотренные на открытых и закрытых показах, чтение как новинок журнальной литературы, так и «сам-» и «тамиздата», другие опыты общения в публично-приватных средах.

В этих условиях развитие общественной мысли шло специфическим образом, и в середине 1980-х годов завершилось «перестройкой», а потом и распадом государства. Будущий распад готовился именно в долгие 1970-е и фиксировался в первую очередь искусством, причем как «неофициальным», так и «официальным». Не случайно, вспоминая о том времени, Л. Карасев заметит, что иногда появлялись «такие книги, статьи и фильмы, которые и сегодня заставляют задуматься об эффективности цензуры»⁹⁰⁵. «Городские» повести и романы Ю. Трифонова, произведения В. Распутина, проза и драматургия В. Шукшина, песни Б. Окуджавы и В. Высоцкого передавали амбивалентность эпохи не менее, чем

⁹⁰⁵ Карасев Л. 1970-е как переживание / Длинные 1970-е: советское общество в 1968–1982 годы // Неприкосновенный запас. 2007. № 2 (52). С. 244.

тексты «третьей эмиграции»⁹⁰⁶. Изучение созданных в СССР произведений, подтверждающих сложность и неоднозначность периода семидесятых, отмечаемые его непосредственными свидетелями, инспирирует на дальнейшие исследования искусства тех лет. Последнее требует поиска категории, которая позволила бы максимально емко охватить противоречивые явления литературного процесса 1970-х годов.

В настоящей работе такой категорией стала категория «разномыслие», предложенная исследователями советской эпохи для характеристики культурных практик позднесоветского субъекта, поскольку именно тогда разномыслие, представляя собой форму сознания в государстве авторитарного типа, подразумевающую частичное отклонение от конституирующей это государство идеи, но не предполагающую полного разрыва с этой идеей, начинает проявляться систематически. Эта категория позволяет охватить многообразные проявления социально-культурной деятельности тех лет, в том числе те, которые нельзя однозначно развести на «анти-» и «просоветские».

В диссертации мы предприняли попытку применить категорию «разномыслие» в отношении литературного материала, во-первых, изучив фиксацию разномыслия как социального феномена и как писательской стратегии в художественных текстах, а также некоторые приемы, позволяющие осуществить эту фиксацию, во-вторых, рассмотрев использование писателями уже сложившихся жанров для трансляции разномыслия. Мы рассмотрели тексты различных типов: написанные в форме повествовательного эксперимента романы «Ожог» В. Аксенова, «Школа для дураков» Саши Соколова, «Пушкинский дом» А. Битова, историко-революционные романы «Любовь к электричеству» В. Аксенова, «Степень доверия» В. Войновича и «Нетерпение» Ю. Трифонова, философскую притчу «Кролики и удавы» Ф. Искандера, а также советскую повесть для подростков «Мой дедушка – памятник» В. Аксенова.

⁹⁰⁶ См.: Быков Л., Подчиненов А., Снигирева Т. Русская литература XX века: проблемы и имена. Первоуральск, 1994. С. 51.

Продланное исследование позволило сделать следующие, соотнесенные с целью и задачами выводы.

Разномыслие было зафиксировано литературой, которая создавалась в 1970-е годы в СССР участниками советского литературного процесса, и обусловило форму и содержание в таких произведениях, как «Ожог» В. Аксенова, «Школа для дураков» Саши Соколова, «Пушкинский дом» А. Битова. Несмотря на то, что при разборе каждого текста акцент был сделан на том или ином аспекте конституирующей функции разномыслия в создании произведений (так, в «Ожоге» разномыслие рассматривалось главным образом как тема романа, в «Школе для дураков» – как свойство творческой рефлексии, в «Пушкинском доме» – как структурообразующая основа), анализ показывает, что разномыслие для всех трех было темой, во всех трех текстах определило специфику творческой рефлексии, а также их структуру. Так, и в «Ожоге», и в «Школе для дураков», и в «Пушкинском доме» главным предметом изображения является, во-первых, разномыслие героев, заключающееся в сосуществовании в их сознании как совпадающих с господствовавшим идеологическим мнением, так и критических по отношению к нему взглядов на разные проблемы, и, во-вторых, разномыслие самих авторов, состоящее в использовании разнообразных творческих решений, не только вполне дозволенных, но и недопустимых цензурными ограничениями. Наконец, во всех трех произведениях разномыслие определяет структуру текста, что выражается в первую очередь в системе размноженных/ раздвоенных персонажей и многовариантности сюжета.

Как следует из анализа историко-революционных романов В. Аксенова «Любовь к электричеству», В. Войновича «Степень доверия» и Ю. Трифонова «Нетерпение», философской притчи Ф. Искандера «Кролики и удавы», а также детской приключенческой повести В. Аксенова «Мой дедушка – памятник», традиционные жанровые формы, в которых были написаны произведения, изменили свою устоявшуюся функциональную направленность в связи с включением в тексты различных приемов – анимализации, пародии, понятного лишь «своим» намека, переноса проблем современности в прошлое, модификации

устойчивой жанровой структуры, стилистических «сдвигов» и т.д. Использование этих приемов меняло функции, закрепленные за тем или иным жанром, воспитывая в читателях разномыслие.

Настоящее исследование позволяет увидеть, как разномыслие, присущее участникам литературного процесса 1970-х годов, повлияло на создаваемые ими тексты. Результаты проделанной работы, представленные в первой главе, показывают, что разномыслие как состояние писательского сознания было передано в повествовательном эксперименте. В свою очередь, в традиционных жанровых структурах, изучению которых была посвящена вторая глава, разномыслие нашло выражение в иносказательных приемах, меняющих и нарушающих функциональную направленность давно сложившихся жанров. В результате историко-революционный роман транслировал антиреволюционные идеи, философская притча о власти, воспринимаемая как социальная критика, формировала критические взгляды в отношении власти советской, а советская повесть для подростков воспитывала в юных читателях толерантность к массовой культуре.

Введение категории «разномыслие», охватывающей широкий спектр культурных практик советского человека, в исследование по истории русской литературы 1970-х годов позволяет охарактеризовать те явления, которые невозможно отнести к (про)советским или не- и антисоветским, уточняя таким образом представления о самой литературе и литературном процессе. Этот процесс, несмотря на свою специфичность, обусловленную самим контекстом, внутри которого он развивался, т.е. советской действительностью, тем не менее, не был оторван от тенденций мировой литературы, которые «разномыслящие» советские авторы улавливали на уровне «воздушных влияний» или непосредственно перенимали.

Проделанная работа представляет лишь один из возможных вариантов изучения русской литературы 1970-х годов, многообразие которой позволяет исследовать ее под разными углами. Однако уже первые подходы к исследованию литературы советских семидесятых в рамках категории «разномыслие»,

продемонстрированные в диссертации, свидетельствуют, на наш взгляд, об эффективности применения данной категории для характеристики литературных практик эпохи.

Применить категорию «разномыслие» можно к творчеству разных авторов, работавших как в прозе, так и в поэзии, и в драматургии (например, А. и Б. Стругацких, Б. Окуджавы, А. Вознесенского, А. Хмелика и др.). Можно подойти к описанию околотрадиционных практик, политики журналов и издательств, печатавших «чуждую», в частности, модернистскую литературу, а также к характеристике критики и литературоведения тех лет, «вписывающих» эту литературу в отечественный канон, и т.п. В связи с этим, перспективным направлением дальнейшей работы может стать как продолжение исследования экспериментальных повествовательных форм и приемов, изменивших функциональную направленность традиционных жанровых структур, так и дальнейшее уточнение характеристик позднесоветского литературного процесса.

Библиографический список

1. Источники

1.1. Художественные тексты:

1. Аксенов В. П. Затоваренная бочкотара. Повесть с преувеличениями и сновидениями / В. П. Аксенов // Юность. – 1968. – № 3. – С. 37–63.
2. Аксенов В. П. Любовь к электричеству / В. П. Аксенов // Юность. – 1971. – № 3. – С. 31–67; № 4. – С. 33–63; № 5. – С. 23–59.
3. Аксенов В. П. Любовь к электричеству / В. П. Аксенов. – М. : Издательство политической литературы, 1974. – 382 с.
4. Аксенов В. П. Мой дедушка – памятник // Костер. – 1970. – № 7. – С. 38–50; № 8. – С. 22–36; № 9. – С. 16–31; № 10. – С. 44–56.
5. Аксенов В. П. Мой дедушка – памятник (с продолжением) / В. П. Аксенов. – М. : Астрель, 2007. – 207 с.
6. Аксенов В. П. Ожог / В. П. Аксенов. – М. : Эксмо, 2011. – 638 с.
7. Аксенов В. Остров Крым / В. Аксенов. – М. : Изографус, Издательство Эксмо, 2003. – 432 с.
8. Битов А. Ахиллес и черепаха / А. Битов // Литературная газета. – 22. 01. 1975. – С. 6.
9. Битов А. Близкое ретро, или Комментарий к общеизвестному / А. Битов // Новый мир. – 1989. – № 4. – С. 135–164.
10. Битов А. Дни Человека. Молодой Одоевцев, герой романа / А. Битов. – М. : Молодая гвардия, 1976. – 352 с.
11. Битов А. Под знаком Альбины (из хроники семейства Одоевцевых) / А. Битов // Дружба народов. – 1975. – № 7. – С. 89–98.
12. Битов А. Пушкинский дом / А. Битов. – М. : Вагриус, 2007. – 528 с.
13. Битов А. Солдат (из воспоминаний о семье Одоевцевых) / А. Битов // Звезда. – 1973. – № 7. – С. 24–40.

14. Битов А. Три пророка / А. Битов // Вопросы литературы. – 1976. – № 7. – С. 145–174.
15. Битов А. Что было, что есть, что будет / А. Битов // Аврора. – 1975. – № 1. – С. 25–44.
16. Войнович В. Н. Деревянное яблоко свободы / В. Н. Войнович. – М. : Эксмо, 2008. – 370 с.
17. Войнович В. Н. Степень доверия / В. Н. Войнович. – М. : Издательство политической литературы, 1973. – 464 с.
18. Гинзбург Е. С. Крутой маршрут / Е. С. Гинзбург. – М. : Книга, 1991. – 734 с.
19. Горпожакс Г. Джин Грин – неприкасаемый / В. Аксенов, О. Горчаков, Г. Поженян. – М. : Молодая гвардия, 1972. – 684 с.
20. Горький М. Рассказы. Пьесы. Мать / М. Горький. – М. : Художественная литература, 1978. – 671 с.
21. Гуляшки А. Аввакум Захов против 07 / А. Гуляшки. – М. : Прогресс, 1967. – 200 с.
22. Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы / Ф. Искандер. – М. : Эксмо, 2011. – 832 с.
23. Метрополь. Литературный Альманах. Сборник. – Анн Арбор : Ардис, 1979. – 764 с.
24. Соколов С. Школа для дураков / С. Соколов. – СПб. : Симпозиум, 2001. – 269 с.
25. Солженицын А. Бодался теленок с дубом / А. Солженицын. – Париж: YMKA-Press, 1975. – 630 с.
26. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования / А. И. Солженицын. – Екатеринбург : У – Фактория, 2006. – Т. 1. – 551 с. ; Т. 2. – 563 с. ; Т. 3. – 630 с.
27. Стругацкий А., Стругацкий Б. Улитка на склоне. Опыт академического издания / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 584 с.

28. Трифонов Ю. В. Отблеск костра. Исчезновение / Ю. В. Трифонов. – М. : Советский писатель, 1988. – 304 с.

29. Трифонов Ю. В. Нетерпение / Ю. В. Трифонов. – М. : Издательство политической литературы, 1974 г. – 543 с.

1.2. Интервью. Публицистика:

30. Аксенов В. П. Вечер в ЦДЛ 22. 12. 2004 [Электронный ресурс] // Сайт «Старое радио». – Режим доступа: <http://svidetel.su/audio/1384>

31. Аксенов В. П. Выступление в телепередаче «Линия жизни», эфир от 07. 09. 2009 [Электронный ресурс] // YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=5e3PqARejP4>

32. Аксенов В. П. Десятилетие клеветы (радиодневник писателя) / В. П. Аксенов. – М. : Изографус, Эксмо, 2004. – 416 с.

33. Аксенов В. П. Интервью в передаче «Встречи для вас», эфир от 1993 года [Электронный ресурс] // Сайт «Старое ТВ». – Режим доступа: http://staroetv.su/video/vip/14916/1_kanal_ostankino/vstrechi_dlja_vas_1_j_kanal_ostankino_1993_vasilij_aksenov

34. Аксенов В. П. Интервью в передаче «Острова» [Электронный ресурс] // Сайт «Старое радио». – Режим доступа: <http://www.staroradio.ru/audio/13574>

35. Аксенов В. Ответственность перед народом / В. Аксенов // Юность. – 1963. – № 4. – С. 5.

36. Аксенов В. Школа прозы / В. Аксенов // Вопросы литературы. – 1969. – № 7. – С. 84–85.

37. Барметова И. Тезей и другие. Беседа с Василием Аксеновым / И. Барметова // Октябрь. – 2006. – № 2. – С. 100–108.

38. Бахнов Л. Литпроцесс со мной разминулся. Беседа с Василием Аксеновым [Электронный ресурс] // Интернет издание «Anirniit». – 13. 11. 1999. – Режим доступа: <http://www.anirniit.ru/news7c62.php?i=3551>

39. Беликов Ю. Андрей Битов: гений грабит всех, или Беседа с Мастером [Электронный ресурс] / Ю. Беликов // Дети Ра. – 2009. – № 4. – Режим доступа: <http://reading-hall.ru/publication.php?id=809>
40. Битов А. Г. Азарт, или Неизбежность ненаписанного / А. Г. Битов // Звезда. – 1997. – № 7. – С. 108–154.
41. Битов А. Г. БАГАЖЪ : Книга о друзьях / А. Г. Битов. – М. : РА Арсис-Дизайн, 2012. – 180 с.
42. Битов А. Интервью на «России 24», эфир от 27. 05. 2012 [Электронный ресурс] / А. Битов// Сайт RuTV. – Режим доступа: <http://rutv.ru/brand/show/episode/129360/viewtype/tag>
43. Бузукашвили М. Фазиль Искандер: интервью «Чайке» [Электронный ресурс] / М. Бузукашвили // Чайка. – 01. 04. 2008. – Режим доступа: <https://www.chayka.org/node/1816>
44. Валович Т. Радиопрограмма «Какой должна быть современная детская периодика» [Электронный ресурс] / Т. Валович // Сайт радиостанции «Радио свобода». – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/transcript/367181.html>
45. Варкан Е. Уроки словесности. Андрей Битов: «Русская литература не была профессиональной. Ей достаточно было быть гениальной» [Электронный ресурс] / Е. Варкан // Российская Газета. – 25. 05. 2012. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/25/bitov.html>
46. Волчек Д. Беседа с Сашей Соколовым [Электронный ресурс] / Д. Волчек // Сайт радиостанции «Радио Свобода». – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24200193.html>
47. Войнович В. Автопортрет. Роман моей жизни [Электронный ресурс] / В. Войнович// Электронная библиотека. – Режим доступа: http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/146121/291/Voiinovich_-_Avtoportret__Roman_moeii_zhizni.html
48. Врубель-Голубкина И. Саша Соколов: «Сколько можно на полном серьезе мусолить внешние признаки бытия?» [Электронный ресурс] / И.

Врубель-Голубкина // OpenSpace.ru . – 31. 10. 2011. – Режим доступа: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/31471/>

49. Галерея Владимира Войновича [Электронный ресурс] // Галерея писателя. – Режим доступа: http://www.voinovich.ru/guest_book.jsp?numberLink=6&idMessage=1858

50. Гладилин А. Интервью [Электронный ресурс] // Живой Журнал Ivin92s. – Режим доступа: <http://ivin92s.livejournal.com/7240.html>

51. Глэд Дж. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье [Электронный ресурс] / Дж. Глэд // Электронная библиотека. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/14905/Gled_-_Besedy_v_izgnanii_-_Russkoe_literaturnoe_zarubezh'e.html

52. Искандер Ф. Интервью для передачи «Больше, чем любовь» [Электронный ресурс] / Ф. Искандер // Сайт телеканала «Культура». – Режим доступа: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20883/episode_id/154713/video_id/154713/

53. Искандер Ф. Творческий вечер в концертной студии «Останкино», 1991 [Электронный ресурс] / Сайт «Спектакли онлайн». – Режим доступа: <http://spektaklionlayn.narod.ru/1/1086.html>

54. Климова М. Парижские встречи / М. Климова. – СПб. : Ретро, 2004. – 375 с.

55. Копылова В. Школа без дураков. Саша Соколов: «Я по профессии писатель и говорю то, что думаю» [Электронный ресурс] / В. Копылова // Московский комсомолец. – 03. 07. 2011. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/culture/interview/2011/07/03/602480-shkola-bez-durakov.html>

56. Кравченко В. Интервью с Сашей Соколовым. О встречах и невстречах [Электронный ресурс] / В. Кравченко // Живой Журнал Vladkravchenko (В. Кравченко). – Режим доступа: <http://vladkravchenko.livejournal.com/978.html>

57. Кручик И. Саша Соколов: «По мне многие скучают...» [Электронный ресурс] / И. Кручик // Журнал «ШО». – Режим доступа: <http://codistics.com/sakansky/paper/kruchik/igor06.htm>

58. Кручик И. Саша Соколов: «Силы еще есть, гребу я хорошо» [Электронный ресурс] / И. Кручик // Частный корреспондент. – 7. 11. 2009. – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/sasha_sokolov_sily_eshche_est_grebu_ya_horosho_11971
59. Крючков П. Сергей Махотин: «Ребенок, который жил во мне, дожидался своего часа» / С. Махотин // Новый мир. – 2013. – № 10. – С. 173–180.
60. Кузнецова И. В. Аксенов: «Мой дом там, где мой рабочий стол» / И. Кузнецова // Вопросы литературы. – 1999. – № 2. – С. 284–296.
61. Кучкина О. Василий Аксенов: «Майя – главная любовь» [Электронный ресурс] / О. Кучкина // Комсомольская правда. – 12. 01.2008. – Режим доступа: <http://www.ural.kp.ru/daily/24030/93720/>
62. Ларина К., Пешкова М. Новое издание книги «Деревянное яблоко свободы». Нужна ли нынче серия «Пламенные революционеры»? Интервью В. Войновича радио «Эхо Москвы» [Электронный ресурс] / К. Ларина, М. Пешкова // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/kazino/578326-echo/#element-text>
63. Львова В. Андрей Битов (интервью) [Электронный ресурс] / В. Львова // Персональный сайт Валентины Львовой. – Режим доступа: <http://lvovna-lvova.narod.ru/>
64. Манцов И. «В моей жизни много счастья». Беседа с литературным критиком Владимиром Бондаренко [Электронный ресурс] / И. Манцов // Перемены. – Режим доступа: <http://www.peremeny.ru/column/view/1445/>
65. Минчин А. Двадцать одно интервью. Интервью с писателем Василием Аксеновым [Электронный ресурс] / А. Минчин // Электронная библиотека. – Режим доступа: <http://www.litmir.me/br/?b=231694&p=2>
66. Митаев А. Интервью с И. Ефимовым [Электронный ресурс] / А. Митаев // Сайт Игоря Ефимова. – Режим доступа: <http://igor-efimov.com/interview/index.html>

67. Мхеидзе Г. Снежный человек. Интервью с Сашей Соколовым [Электронный ресурс] / Г. Мхеидзе // Elkost. – Режим доступа: <http://www.elkost.com/authors/sokolov/interviews/1193-interview-to-playboy-russia-july-2004>
68. Николаев А. Сопротивление культуры. Беседа с Битовым А. Г. / А. Николаев // Книжное обозрение. – 27. 04. 1990. – С. 8–9.
69. Нузов В. Михаил Беломлинский: «Мне ужасно повезло – я всю жизнь рисую» [Электронный ресурс] / В. Нузов // Вестник. – 2003. – № 11. – Режим доступа: <http://www.vestnik.com/issues/2003/0528/win/nuzov.htm>
70. Подшивалов И. Интервью с В. П. Аксеновым. Аксенов's DISTANCE / И. Подшивалов // Московский комсомолец. – 10. 12. 1989. – С. 11.
71. Ришина И. Разные дни человека: Беседа с Битовым А. Г. / И. Ришина // Литературная газета. – 22. 06. 1987. – С. 6.
72. Свиначенко И. Андрей Битов: промывание мозгов [Электронный ресурс] / И. Свиначенко // Медведь. – 28. 05. 2015. – Режим доступа: http://www.medved-magazine.ru/articles/Andrey_Bitov_Promyvaniye_mozgov.2756.html
73. Синявский А. Литературный процесс / А. Синявский // Континент. – 1974. – № 1. – С. 143–190.
74. Слепынин О. Саша Соколов на фоне Карадага и виноградной лозы [Электронный ресурс] / О. Слепынин // Зеркало недели. – № 40. – 26. 10. 2007. – Режим доступа: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/sasha_sokolov_na_fone_karadaga_i_vinogradnoy_lozy.html
75. Стародубец А. В. Аксенов: «От участи алкоголика меня спас письменный стол» [Электронный ресурс] / А. Стародубец // Газета «Труд». – 30. 12. 2004. – Режим доступа: http://www.trud.ru/article/30-12-2004/81982_vasilij_aksenov_ot_uchasti_alkogolika_menja_spas_p.html

76. Сучков Д. Интервью с Сашей Соколовым [Электронный ресурс] / Д. Сучков // Elkost. – 26. 09. 2007. – Режим доступа: <http://www.elkost.com/authors/sokolov/interviews/1197-prsru-26092007-in-russian>
77. Терещенко М. Интервью с Сашей Соколовым: «Я не принимаю большую часть русского словаря» [Электронный ресурс] / М. Терещенко // Газета. – 20. 12. 2014. – Режим доступа: <http://www.elkost.com/authors/sokolov/interviews/1195-gazeta-2012-2004>
78. Трифонов Ю. В. Как слово наше отзовется / Ю. В. Трифонов / Ред.-сост. А. П. Шитов. – М. : Советская Россия, 1985. – 384 с.
79. Троицкая Л. Писатель, публицист, создатель первой энциклопедии русского рока Александр Житинский: «Пытаясь устроить Гребенщикову квартиру, я познакомился со своей третьей женой» [Электронный ресурс] / Л. Троицкая // Бульвар Гордона. – 05. 07. 2005. – Режим доступа: <http://www.bulvar.com.ua/arch/2005/11/42cbea910e1a2/>
80. Усков Н. Ардис. Как спасали запрещенную русскую литературу [Электронный ресурс] / Н. Усков // Сноб. – 09. 09. 2013. – Режим доступа: <https://snob.ru/go-to-comment/653441>
81. Хасбулатова Д. Беседа с А. Г. Битовым: «Я непрофессиональный писатель» / Д. Хасбулатова // Известия. – 7. 06. 2000. – С. 1–2.
82. Шаповал С. Беседа с А. Г. Битовым. Призраки и души [Электронный ресурс] / С. Шаповал // Независимая газета. – 23. 05. 2003. – Режим доступа: http://www.ng.ru/saturday/2003-05-23/13_bitov.html
83. Шкловский Е. Беседа с Андреем Битовым. В поисках реальности / Е. Шкловский // Литературное обозрение. – 1988. – № 5. – С. 32–38.

1.3. Воспоминания о 1970-х:

84. Азольский А. Посторонний / А. Азольский // Новый мир. – 2007. – № 4. – С. 10–59.

85. Баймухаметов С. Кукиш в кармане / С. Баймухаметов // Знамя. – 2000. – № 2. – С. 156–162.
86. Беляев А. А. Литература и лабиринты власти: от «оттепели» до перестройки / А. А. Беляев. – М. : ООО «Корина Офсет», 2009. – 294 с.
87. Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции / Ред.-сост. В. Есипов. – М. : Астрель, 2012. – 702 с.
88. Вечер памяти В. П. Аксенова в Доме Русского зарубежья 15. 10. 2009 [Электронный ресурс] / Сайт «Старое радио». – Режим доступа: <http://svidetel.su/audio/90>
89. Гаспаров М. Л. Записки и выписки / М. Л. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 388 с.
90. Губерман И. Пожилые записки [Электронный ресурс] / И. Губерман // Электронная библиотека. – Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/guberman_igor/pozhilie_zapiski/read_5/
91. Дементьев А. Созвездие Искандера [Электронный ресурс] / А. Дементьев // Литературная газета. – 04. 03. 2009. – Режим доступа: http://lgz.ru/article/N9-10--6214---2009-03-04-/Sozv%D0%B5zdi%D0%B5-Iskand%D0%B5ra8016/?sphrase_id=68404
92. Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана / О. Дорман. – М. : АСТ, 2016. – 383 с.
93. Евтушенко Е. А. Волчий паспорт / Е. А. Евтушенко. – М. : Вагриус, 1998. – 574 с.
94. Жолковский А. Напрасные совершенства и другие виньетки / А. Жолковский. – М. : АСТ., 2015. – 360 с.
95. Зоркая Н. Как я стала киноведам. Биографическая проза / Н. Зоркая. – М. : Аграф, 2011. – 448 с.
96. Кабаков А., Попов Е. АКСЕНОВ / А. Кабаков, Е. Попов. – М. : АСТ, 2011. – 512 с.

97. Колесников А. В. Попытка словаря. Семидесятые и ранее / А. В. Колесников. – М. : РИПОЛ классик, 2010. – 320 с.
98. Миронов С. Последний сюжет [Электронный ресурс] / С. Миронов // Сайт «Топфотоп». – Режим доступа: <http://top4top.ru/sergmirov/posts/10765>
99. Новохватко В. «Так за царя, за Родину святую...» / В. Новохватко // Вопросы литературы. – 2004. – № 2. – С. 331–345.
100. Новохватко В. Белые вороны Политиздата / В. Новохватко // Знамя. – 2013. – № 5. – С. 97–115.
101. Переломные восьмидесятые в неофициальном искусстве в СССР: сборник материалов / Ред.-сост. Г. Кизельватер. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 688 с.
102. Петров Д. Василий Аксенов. Сентиментальное путешествие. [Электронный ресурс] / Д. Петров // Электронная библиотека.– Режим доступа: <http://www.fanread.net/book/9412958/?page=36>
103. Петров Д. П. Аксенов / Д. П. Петров. – М. : Молодая гвардия, 2012. – 440 [8] с. с ил.
104. Попов В. Г. Довлатов / В. Г. Попов. – М. : Молодая гвардия, 2010. – 355 с.
105. Садовников Г. Мой одноклассник Вася [Электронный ресурс] / Г. Садовников // Казань. – 2012. – № 8. – Режим доступа: <http://kazan-journal.ru/pages/item/368-moy-odnoklassnik-vasya>
106. Седакова О. Из книги «Путешествие волхвов» [Электронный ресурс] / О. Седакова // Электронная библиотека. – Режим доступа: http://tapirr.narod.ru/texts/poetry/sedakova_iz_volhvov.htm
107. Сидоров Е. Аксенов в «Юности» [Электронный ресурс] / Е. Сидоров // Новое Знамя. – 2012. – № 7. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/7/s12.html>
108. Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). В 4 книгах [Электронный ресурс] / Н. С. Хрущев // Хронос. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_h/hrush00.php

109. Чупринин С. Вот жизнь моя / С. Чупринин // Знамя. – 2014. – №№ 11–12. – С. 7–26; 100–135.
110. Эти странные семидесятые, или потеря невинности / Ред.-сост. Г. Кизельватер. – М. : Новое литературное обозрение. – 432 с.
111. Юрий Трифонов. Отблеск личности / Ред.-сост. Н. Г. Катаева. – М.: Галерея, 2015. – 464 с.

2. Научная и критическая литература:

112. Азов А. Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы / А. Азов. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. – 304 с.
113. Альманах Acta Samizdatica: записки о самиздате / Ред.-сост. Е. Н. Струкова, Б. И. Беленкин. – Москва : ГПИБ России – Международный мемориал – «Звенья», 2012. – 135 с.
114. Андрей Битов как зеркало десталинизации и постмодернизма: Обзор зарубежных исследований о творчестве А. Битова // Знамя. – 1997. – № 7. – С. 225–227.
115. Андрианова М. Д. Авторские стратегии в романной прозе А. Битова: автореф. ... дис. филол. наук: 10.01.01. / Мария Дмитриевна Андрианова. – СПб., 2011. – 26 с.
116. Аннинский Л. Воля. Путь. Результат / Л. Аннинский // Новый мир. – 1975. – № 12. – С. 264.
117. Аннинский Л. А. Ядро ореха. Распад ядра [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. – Режим доступа: http://royallib.com/book/anninskiy_lev/yadro_oreha_raspad_yadra.html
118. Арьев А. Огненный бык в сумеречном пейзаже / А. Арьев // Звезда. – 2007. – № 5. – С. 122–131.

119. Балина М. Р. Советская детская литература: несколько слов о предмете исследования // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е–1930-е гг.) / Ред.-сост. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. – СПб. : Алетейя, 2012. – С. 7–19.

120. Балла О. Мыслители XX века: Сергей Аверинцев [Электронный ресурс] // Живой Журнал Gertman (О. Балла). – Режим доступа: <http://gertman.livejournal.com/33264.html>

121. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.

122. Берг М. Антиподы: писатель дневной и ночной / М. Берг // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 28. – С. 223–231.

123. Берг М. Семидесятые годы – урок и укор [Электронный ресурс] / М. Берг // Библиотека электронной литературы. – Режим доступа: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/berg-mihail/verevochnaya-lestnica/22>

124. Блюм А. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953–1991 [Электронный ресурс] / А. Блюм // Электронная библиотека «Fedy». – Режим доступа: <http://www.fedy-diary.ru/html/042011/24042011-02a.html>

125. Блюм А. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790–1990: Опыт комментированной антологии / А. Блюм. – СПб. : ООО «Полиграф», 2011. – 608 с.

126. Блюм А. Английский писатель в стране большевиков / А. Блюм // Звезда. – 2003. – № 6. – С. 182–191.

127. Бойко С. С. Творческая эволюция Булата Окуджавы и литературный процесс второй половины XX века: автореф. дис... докт. филол. наук: 10.01.01 / Светлана Сергеевна Бойко. – Москва, 2011. – 34 с.

128. Бондаренко В. Сумеречное состояние Саши Соколова [Электронный ресурс] / В. Бондаренко // Зависимая газета. – 15. 09. 2005. – Режим доступа: http://www.ng.ru/kafedra/2005-09-15/3_sasha.html

129. Бочаров С. Филологические сюжеты / С. Бочаров. – М. : Языки славянской культуры, 2007. – 656 с.
130. Брайнина Т. Д. Ассоциативные связи слова как основа создания образа в произведениях Саши Соколова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Татьяна Давидовна Брайнина. – М., 2006. – 26 с.
131. Брайнина Т. Д. Саша Соколов как ключевая фигура русского постмодернизма / Т. Д. Брайнина // Русская речь. – 2007. – № 3. – С. 19–24.
132. Бровман Г. Люди революции: мысль и действие [образы революционеров в художественной литературе] / Г. Бровман // Знамя. – 1971. – № 8. – С. 233–239.
133. Бурдые П. Поле литературы / П. Бурдые // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 45. – С. 22–87.
134. Быков Д. Наш человек в раю. Судьба и книги Василия Аксенова / Д. Быков // Эхо планеты. – 2009. – № 27. – С. 43–45.
135. Быков Д. Л. Календарь – 2. Споры о беспорном [Электронный ресурс] / Д. Л. Быков // Электронная библиотека. – Режим доступа: <http://mreadz.net/new/index.php?id=38180&pages=28>
136. Быков Л. П. Уроки времени: Критические тетради. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1988. – 192 с.
137. Быков Л. П., Подчиненов А. В., Снигирева Т. А. Русская литература XX века: проблемы и имена / Л. П. Быков, А. В. Подчиненов, Т. А. Снигирева. – Екатеринбург: Первоуральская типография, 1994. – 181 с.
138. Вайль П., Генис А. Родная речь. Советское барокко. 60-е. Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 960 с.
139. Вайскопф М. Писатель Сталин / М. Вайскопф. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 384 с.
140. Василий Аксенов: литературная судьба / Ред.-сост. В. П. Скобелев, Л. А. Финк. – Самара : Издательство «Самарский университет», 1994. – 202 с.

141. Вахитов Р. Василий Аксенов как зеркало либеральной контрреволюции [Электронный ресурс] / Д. Вахитов // Хронос. – 2006. – № 12. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/text/2006/vahi12_06.html
142. Вирабов И. Андрей Вознесенский / И. Вирабов. – М. : Молодая гвардия, 2015. – 703 с.
143. Воробьева Е. П. Литературная рефлексия в русской постмодернистской прозе (А. Битов, Саша Соколов, В. Пелевин): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Елена Петровна Воробьева. – Барнаул, 2004. – 157 с.
144. Воробьева М. В. Христианское разномыслие. Словарь / М.В. Воробьева. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. – 96 с.
145. Гаспаров М. Л. Ю. М. Лотман: наука и идеология [Электронный ресурс] / М. Л. Гаспаров // Филологический портал. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/gasparov-97a.htm>
146. Генис А. Пантеист языка. Саше Соколову – 70 [Электронный ресурс] / А. Генис // Новая газета. 8. 11. 2013. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/arts/60844.html>
147. Гимейн А. Нулевой час / А. Гимейн // Континент. – 1979. – № 20. – С. 369–373.
148. Гинзбург Л. Я. О литературном герое / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград: Советский писатель, 1979. – 223 с.
149. Голубков М. М. История русской литературной критики XX века (1920 – 1990-е годы) / М. М. Голубков. – М.: Академия, 2008. – 386 с.
150. Горяева Т. Главлит и литература в период литературно-политического брожения в Советском Союзе / Т. Горяева // Вопросы литературы. – 1998. – № 5. – С. 276–320.
151. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. [Электронный ресурс] / Т. М. Горяева // Электронная библиотека «Fedy». – Режим доступа: <http://www.fedy-diary.ru/html/062011/23062011-08a.html>

152. Гройс Б. Полуторный стиль: соцреализм между модернизмом и постмодернизмом / Б. Гройс // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 15. – С. 44–53.
153. Гуреев В. Н. «Любовно-бытовой взрыв» в русской литературе 1970-х гг. : автореф. дис...канд. филол. наук: 10. 01. 01 / Владимир Николаевич Гуреев. – Воронеж, 2008. – 16 с.
154. Гуро И. Увлеченность. Заметки о серии «Пламенные революционеры» / И. Гуро // Комсомольская правда. – 17. 06. 1975. — С. 2.
155. Гурьянова М. А. Феномен «дописывания» в прозе Андрея Битова / М. А. Гурьянова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2007. – № 53. – Вып. 14. – С. 60–68.
156. Гурьянова М. А. Жанровые процессы в прозе А. Г. Битова: 1960–1970-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Марина Алексеевна Гурьянова. – Екатеринбург, 2009. – 20 с.
157. Диваков С. В. Творчество Саши Соколова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Сергей Владимирович Диваков. – Тверь, 2012. – 24 с.
158. Диваков С. Познавший природу тетивы / С. Диваков // Вопросы литературы. – 2013. – № 1. – С. 94–116.
159. Длинные 1970-е: советское общество в 1968–1982 годы // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 2 (52). – 304 с.
160. Добренко Е. Политэкономия соцреализма / Е. Добренко. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.
161. Дружников Ю. Судьба Трифонова, или Хороший писатель в плохое время [Электронный ресурс] / Ю. Дружников // Сайт Ю. Дружникова. – Режим доступа: <http://www.druzhnikov.com/text/rass/russmif/7.html>
162. Дубин Б., Гудков Л. Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях / Б. Дубин, Л. Гудков. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. – 299 с.
163. Егоров М. Ю. О постмодернистских аспектах поэтики романа Саши Соколова «Школа для дураков» [Электронный ресурс] / М. Ю. Егоров // Интернет

- издание «iPages». – Режим доступа:
http://www.ipages.ru/index.php?ref_item_id=30328&ref_dl=1
164. Ерофеев В. В. Памятник прошедшему времени. Андрей Битов. Пушкинский дом: Роман / В. В. Ерофеев // Октябрь. – 1988. – № 6. – С. 203–206.
165. Есипов В. Василий Аксенов. Писатель – это беглец / В. Есипов // Знамя. – 2012. – № 3. – С. 133–149.
166. Ермолин Е. Владимир Кормер, его время и его герои / Е. Ермолин // Континент. – 2008. – № 138. – С. 427–433.
167. Ермолин Е. Мечтатель на службе и в отставке / Е. Ермолин // Континент. – 2011. – № 150. – С. 299–317.
168. Ефимова Н. П. Интертекст в религиозных и демонических мотивах Василия Павловича Аксенова / Н. П. Ефимова. – Москва : Издательство МГУ, 1993. – 134 с.
169. Ефимова Н. П. Василий Аксенов в американской литературной критике / Н. П. Ефимова // Вопросы литературы. – 1995. – Вып. IV. – С. 336–348.
170. Жак Л. У истоков нового мира / Л. Жак // Литературная газета. – 25. 04. 1973. – С. 5.
171. Желобовский И. А. Против снижения жанра. По поводу статьи Остроумова / И. А. Желобовский // Книга детям. – 1930. – № 1. – С. 25.
172. Живов В. Об оглядывании назад и частично по поводу сборника «Семидесятые как предмет истории русской культуры» / В. Живов. – Неприкосновенный запас. – 1999. – № 2 (4). – С. 48–55.
173. Жукова В. А., Литовская М. А. Серия «Пламенные революционеры»: исторический роман как воспитатель свободомыслия / В. А. Жукова, М. А. Литовская // Филология и культура. – 2012. – № 4 (30). – С. 97–104.
174. Заковырина Н. С. Дискуссия о формализме и натурализме в советской фотографии в середине 1930-х годов / Н. С. Заковырина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2006. – № 8 (63). – С. 31–35.
175. Заламбани М. Дело «Метрополя» / М. Заламбани. – Новое литературное обозрение. – 2006. – № 82. – С. 243–283.

176. Зверев А. М. Литература на глубине / А. М. Зверев // Иностранная литература. – 1973. – № 8. – С. 206–213.
177. Зенкин С. С/З, или Трактат о щегольстве [Электронный ресурс] / С. Зенкин // Сайт Александра Жолковского. – Режим доступа: <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/review/shegol.htm>
178. Злобин Г. Вступительная статья. Фолкнер У. Шум и ярость / Г. Злобин // Иностранная литература. – 1973. – № 1. – С. 122–126.
179. Зорин А. Насылающий ветер / А. Зорин // Новый мир. – 1989. – № 12. – С. 250–251.
180. Иванова Н. Ностальгическое [Электронный ресурс] / Н. Иванова // Журнальный зал. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru:81/znamia/dom/ivanova/ivano005.html>
181. Иванова Н. Б. Смех против правил, или Фазиль Искандер / Н. Б. Иванова. – М. : Советский писатель, 1990. – 320 с.
182. Иванова Н. Б. Судьба и роль / Н. Б. Иванова // Дружба народов. – 1988. – № 3. – С. 244–255.
183. Иванова Н. Скрытый сюжет: русская литература при переходе через век [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. – Режим доступа: <http://romanbook.net/book/8585728/?page=5>
184. Иждавлетова М., Шеметов А., Лохвицкий М., Конюшев В., Давыдов Ю., Гусев В. Документ. Эпоха. Вымысел / М. Иждавлетова, А. Шеметов, М. Лохвицкий, В. Конюшев, Ю. Давыдов, В. Гусев // Литературное обозрение. – 1976. – № 6. – С. 97–104.
185. История русской литературной критики / Ред.-сост. Е. Добренко., Г. Тиханова. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 792 с.
186. Итоги советской культуры / Я. Гордин, Н. Иванова, С. Маркиш, В. Новиков, Б. Фирсов, С. Юрский, Ж. Нива // Знамя. – 2001. – № 4. – С. 180–202.
187. Казинцев А. Очищение или злословие? / А. Казинцев // Наш современник. – 1998. – № 2. – С. 186–189.

188. Калласс Т. Читайте Аксенова: Субъективные заметки о Василии Аксенове и его пространстве-времени / Т. Калласс // Радуга. – 2002. – № 3. – С. 54 – 61.
189. Каплан В. Ненормативная лексика в художественной литературе, или кому и зачем она нужна? [Электронный ресурс] / В. Каплан // Фома. – 2007. – № 7 (51) . – Режим доступа: <http://foma.ru/nenormativnaya-leksika-v-xudozhestvennoj-literature.html>
190. Карабчиевский Ю. Точка боли. О романе Андрея Битова «Пушкинский дом» [Электронный ресурс] // Журнальный зал. – Режим доступа: http://old.magazines.russ.ru/novyj_mi/arhiv/karab/esse/tochka8.html
191. Кичин В. Полвека назад он впервые сказал: меня зовут Бонд. [Электронный ресурс] / В. Кичин // Российская Газета. – 25. 10. 2013. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/10/25/bond-site.html>
192. Клех И. Ю. Непрочитанный Битов / И. Ю. Клех // Новый мир. – 2006. – № 5. – С. 160–167.
193. Козлов Д. Наследие «оттепели»: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 1960-х гг. / Д. Козлов // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 125. – С. 183–204.
194. Козлов В., Мироненко С. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг / В. Козлов, С. Мироненко. – М.: Материк, 2005. – 432 с.
195. Козель О. С. Проза Фазиля Искандера. Мировидение писателя. Поэтика: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ольга Сергеевна Козель. – М., 2006. – 160 с.
196. Колесова. Н. В. Заимствования в идиостиле В. Аксенова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02. 01 / Наталья Васильевна Колесова. – Барнаул, 2005. – С. 20.
197. Комарова Е. Н. К вопросу о русском постмодернизме и причислении к нему писателя-эмигранта Саши Соколова [Электронный ресурс] / Е. Н. Комарова // Филологические науки. – 2013. – № 2. – Режим доступа: <http://www.online-science.ru/m/products/filologicheskie-nauki/gid405/pg0/>

198. Комарова Е. Н. Отражение Саши Соколова в журнале «Зеркало» (К вопросу о самопрезентации русского писателя-эмигранта в эмигрантской прозе) / Е. Н. Комарова // Вестник РГГУ. – 2013. – № 12. – С. 89–90.

199. Комарова Е. Н. Рецепция творчества Саши Соколова в критике русского зарубежья 1970-1980-х гг. / Е. Н. Комарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10 (28). – С. 85–89.

200. Кормилова М. С. Критика периода «перестройки» о романе А. Битова «Пушкинский дом»: методологическая инерция и новые принципы критического анализа / М. С. Кормилова // Вестник Московского университета. – 2009. – № 6. – Серия 10. – С. 169–185.

201. Космарский А., Туровец М. Скромное обаяние комсомола. Почему брежневский СССР стал героем лучшей научно-популярной книги 2015 года [Электронный ресурс] / А. Космарский, М. Туровец // Наука и техника. – 4.01.2016. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2016/01/04/yurchak/>

202. Косолапов В. Жить и действовать / В. Косолапов // Новый мир. – 1979. – № 9. – С. 243–252.

203. Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса / Е. А. Костюхин. – М. : Наука, 1987. – 272 с.

204. Коугия Л. А. Феномен «потока сознания» в произведениях М. Пруста, Дж. Джойса и У. Фолкнера // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – Т. 10. – № 31. – С. 65–69.

205. Кузнецов С. Обретение стиля: доэмигрантская проза Василия Аксенова / С. Кузнецов // Знамя. – 1995. – № 8. – С. 206–212.

206. Кукаркин А. В. По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология / А. В. Кукаркин. – М. : Издательство политической литературы, 1974. – 558 с.

207. Куклис Г. Отчизне посвятим! / Г. Куклис // Литературная газета. – 30. 07. 1975. – С. 2.

208. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. Екатеринбург–Пермь : Издательство Уральского университета, 1995. – 144 с.
209. Курицын В. Русский литературный постмодернизм / В. Курицын. – М. : ОГИ, 2001. – 288 с.
210. Лавров В. Три романа Андрея Битова, или Воспоминания о современнике / В. Лавров // Нева. – 1997. – № 5. – С. 185–195.
211. Ланщиков А. Обязанности свидетеля // Вопросы литературы. – 1974. – № 4. – С. 91.
212. Латынина А. Дуэль на музейных пистолетах: Заметки о романе Андрея Битова «Пушкинский дом» / А. Латынина // Литературная газета. – 27. 01. 1988. – С. 4.
213. Левада Ю. Рубежи и рамки семидесятых. Размышления соучастника / Ю. Левада. – Неприкосновенный запас. – 1998. – № 2. – С. 72–78.
214. Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанры. Жанровые закономерности развития советской прозы в 60–70-е годы. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1982. – 256 с.
215. Лейдерман Н. Л. Теория жанра. – Екатеринбург : Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник», УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т., 2010. – 904 с.
216. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Жизнь после смерти или новые сведения о реализме / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – Новый мир. – 1993. – № 7. – С. 233–252.
217. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 2.: Семидесятые годы / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.
218. Липовецкий М. Н. «Знаменитое чегемское лукавство»: странная идиллия Фазиля Искандера / М. Н. Липовецкий // Континент. – 2011. – № 150. – С. 431–441.

219. Липовецкий М. Н. Разгром музея: Поэтика романа А. Битова «Пушкинский дом» / М. Н. Липовецкий // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 11. – С. 230–244.
220. Липовецкий М. Н. «Ардис» и современная русская литература / М. Н. Липовецкий // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 125. – С. 153–166.
221. Липовецкий М. Н. Паралогии: Трансформации (пост) модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов / М. Н. Липовецкий. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 848 с.
222. Липовецкий М. Н. Условия игры / М. Н. Липовецкий // Литературное обозрение. – 1988. – № 7. – С. 46–49.
223. Литовская М. А. Конструирование чужого, или учимся говорить по-английски / М. А. Литовская // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 1. – С. 102–119.
224. Литовская М. А. Радионяня, или Что смешного в кенгуре / М. А. Литовская // Russian literature. – 2013. – № 74. – С. 141–162.
225. Литовская М. А. Социалистический реализм как «Образцовый» творческий метод / М. А. Литовская // Филологический класс. – 2008. – № 19. – С. 14–21.
226. Логинов В. О романе Василия Аксенова «Любовь к электричеству» / В. Логинов // Юность. – 1971. – № 3. – С. 32–33.
227. Мальцев Ю. Вольная русская литература 1955–1975 / Ю. Мальцев. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976. – 474 с.
228. Мамаев К. Отмычки для дома / К. Мамаев // Урал. – 1990. – № 11. – С. 87–99.
229. Марголина А. А. Эзоповская речь в русской рабочей печати 1910–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01/ Анна Аркадьевна Марголина. – М., 1990, – 14 с.
300. Маслинская С. Г. Пионерская беллетристика vs. большая детская литература / С. Г. Маслинская // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской

литературы для детей (1920-е–1930-е гг.) / Ред.-сост. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. – СПб. : Алетейя, 2012. – С. 231–245.

301. Мельникова С. В. Притча как форма выражения философского содержания в творчестве Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова: дис.... канд. филол. наук.: 10.01.01 / Софья Владимировна Мельникова. – М., 2002. – 164 с.

302. Мирошниченко О. С. Поэтика современной русской метапрозы (на материале романов Андрея Битова): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Оксана Сергеевна Мирошниченко. – М., 2001. – 205 с.

303. Митаев А. Морально – на первом месте Литературные объединения Ленинграда 50-х–60-х годов XX века [Электронный ресурс] / А. Митаев // Слово/Word. – 2005. – № 48 / 49. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/slovo/2005/48/mi9.html>

304. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. – М. : Независимая газета, 2000. – 512 с.

305. Немзер А. В поисках жизни: Андрей Битов. Статьи из романа / А. Немзер // Урал. – 1988. – № 9. – С.170–172.

306. Немзер А. Литературное сегодня. О русской прозе. 90–е. [Электронный ресурс] / А. Немзер. – М. : Новое литературное обозрение, 1998. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru:81/novyj_mi/redkol/nemzer/nemze076.html

307. Нефагина Г. Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века / Г. Л. Нефагина. – Минск : «Экономпресс», 1998. – 231 с.

308. Нива Ж. Возвращение в Европу [Электронный ресурс] / Ж. Нива // Сайт Ж. Нива. – Режим доступа: <http://nivat.free.fr/livres/retour/15b.htm>

309. Новиков В. Заскок: эссе, пародии, размышления, критика. 1986–1997 / В. Новиков. – М. : «Книжный сад», 1997. – 416 с.

310. Нужны ли в литературоведении гипотезы? / С. Бочаров, А. Кушнер и др. // Вопросы литературы. – 1977. – № 2. – С. 82–112.

311. Обухова Л. Наедине с героем / Л. Обухова // Литературная газета. – 1975. – № 9. – С. 4.

312. Овчаренко А. И. Большая литература: основные тенденции развития художественной прозы 1945–1985 годов. Семидесятые годы / А. И. Овчаренко. – М. : Современник, 1988. – 621 с.
313. Огрызко В. Русские литераторы: Трифонов и Вампилов [Электронный ресурс] / В. Огрызко // Золотой лев. – 2008. – № 175–176. – Режим доступа: <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=6&article=195>
314. Оскоцкий В. Роман и история / В. Оскоцкий. – М. : Художественная литература, 1980. – 384 с.
315. Патера Т. Обзор творчества и анализ московских повестей Юрия Трифонова [Электронный ресурс] / Т. Патера // Russia beyond Russia. The Andrey Savine Digital Library. Режим доступа: <http://dc.lib.unc.edu/cdm/item/collection/rbr/?id=20689>
316. Петров С. Русский советский исторический роман / С. Петров. – М. : Современник, 1980. – 413 с.
317. Покровская С. «Вы жили истинно и смело» / С. Покровская // Аврора. – 1978. – № 2. – С. 53–58.
318. Поликарпов В. Д., Шитов А. П. Юрий Трифонов и советская эпоха: Факты, документы, воспоминания / В. Д. Поликарпов, А. П. Шитов. – М. : Собрание, 2006. – 590 с.
319. Пономарев Е. Соцреализм карнавальный: Василий Аксенов как зеркало советской идеологии / Е. Пономарев // Звезда. – 2001. – № 4. – С. 213–219.
320. Публичное и приватное на закате соцреализма // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 83–84. – С. 166–206.
321. Разномыслие в СССР и России (1945–2008): сборник материалов научной конференции / Ред.-сост. Б. М. Фирсов. – Спб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2010. – 366 с.
322. Разова В. Д. Советская детская литература. Учебное пособие для библиотечных факультетов институтов культуры и педагогических вузов. / В. Д. Разова. – М. : Просвещение, 1978. – 496 с.

323. Разуvalова А. Традиционалистские стратегии разоблачения авангарда / А. Разуvalова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 3 (40). – С. 266–270.
324. Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. / А. Разуvalова. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 616 с.
325. Рейфман П.С. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры [Электронный ресурс] / П. С. Рейфман // Сайт П. С. Рейфмана. – Режим доступа: <http://reifman.ru/russ-tsenzura/vstuplenie/>
326. Роднянская И. Преодоление опыта, или Двадцать лет странствий / И. Роднянская // Новый мир. – 1994. – № 8. – С. 222–232.
327. Рыбас Е. В. Аксенов. Космополит и антисоветчик с раздвоенной душой [Электронный ресурс] / Е. Рыбас // КТО есть КТО. – 2006. – № 1. – Режим доступа: http://whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/12006/va1.htm
328. Руднев В. Словарь культуры 20 века [Электронный ресурс] / В. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.
329. Руднев В. Философия языка и семиотика безумия. Избранные работы [Электронный ресурс] / В. Руднев // Электронная библиотека. – Режим доступа: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/rudnev/4/j0.html
330. Русская литература XX века: закономерности исторического развития / Ред.-сост. Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург: УрО РАН, УрО РАО, 2005. – 466 с.
331. Савинич Л. В. Приемы эзопова языка в журнале «Современник»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Людмила Владимировна Савинич. – М., 1994. – 20 с.
332. Савицкий С. Андеграунд: история и мифы ленинградской неофициальной литературы / С. Савицкий. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 224 с.
333. Савченко В. Мысль, совесть, действие / В. Савченко // Литературное обозрение. – 1977. – № 12. – С. 3–8.

334. Савченко В. Они дышали свободой / В. Савченко // Знамя. – 1988. – № 11. – С. 204–210.
335. Садриева А. Н. Трансформация западноевропейского романа воспитания в культурном контексте современности: автореф. дис... канд. культур. наук: 24.00.01/ Анастасия Николаевна Садриева. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.
336. Сандомирская И. Эзопов язык, или Неблагонадежное слово: техника, эстетика, меланхолия (лекция) [Электронный ресурс] / И. Сандомирская// You Tube. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=s_0YTo4T1Ko
337. Сахаров В. Алхимия прозы / В. Сахаров // Литературная газета. – 25. 10. 1973. – С. 5.
338. Сахаров В. Власть канона / В. Сахаров // Наш современник. – 1977. – № 1. – С. 156–171.
339. Седакова О. Независимая русская поэзия после И. Бродского. 1970–1980-е годы, лекция [Электронный ресурс] / О. Седакова // You Tube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=zWWi-SjUsw>
340. Семанов С. Пламенные революционеры и их певцы / С. Семанов // Литературная Россия. – 02. 08. 1991. – С.10.
341. Семидесятые в закрытом обществе: в контексте советского дискурса // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 123. – С. 45–103.
342. Семидесятые как предмет истории русской культуры / Ред.-сост. К. Ю. Рогов. – Москва– Венеция : ОГИ, 1998. – 304 с.
343. Сидоров Е. Рэгтайм в стиле Аксенова / Е. Сидоров // Юность. –1989. – № 7. – С. 65–70.
344. Славникова О. Король, дама, валет. Книжная серия как зеркало революции / О. Славникова // Октябрь. – 2000. – № 10. – С. 179–186.
345. Снигирева Т. А. А. Т. Твардовский. Поэт и его эпоха / Т. А. Снигирева. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1997. – 384 с.
346. Солоненко В. К. О книгах, книжниках и писателе Василии Аксенове / В. К. Солоненко. – М. : Три квадрата, 2010. – 376 с.

347. Соловьев В. Сопричастность веку / В. Соловьев // Новый мир. – 1974. – № 8. – С. 235–252.
348. Соловьев В. Фазиль Искандер в окружении своих героев / В. Соловьев // Литературная учеба. – 1990. – № 5. – С. 109–114.
349. Степанова И. М. Филологический роман как «промежуточная словесность» в русской прозе конца XX века / И. М. Степанова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2005. – № 6. – С. 75–82.
350. Сойфер В. Василий Павлович Аксенов – профессор американского университета / В. Сойфер // Континент. – 2009. – № 141. – С. 289–292.
351. Субботин А. Маяковский сквозь призму жанра / А. Субботин. – М. : Советский писатель, 1986. – 352 с.
352. «Сумма» – за свободную мысль / «Сумма» за свободную мысль / Ред.-сост. А. Вершик. – СПб. : Издательство журнала «Звезда», 2002. – 720 с.
353. Сухих И. Ответственность перед темой / И. Сухих // Звезда. – 1987. – № 11. – С. 199–206.
354. Сухих И. Русская литература для всех. От Блока до Бродского / И. Сухих. – СПб.: Издательская группа «Ленииздат», 2013. – 730 с.
355. Сухих И. Сочинение на школьную тему / И. Сухих // Звезда. – 2002. – № 4. – С. 224–234.
356. Тарощина С. «Острее стало ощущение шагов истории самой» / С. Тарощина // Литературная газета. – 5. 04. 1978. – С. 3.
357. Толмашов И. А. А. С.Пушкин в творческом сознании Андрея Битова (к постановке проблемы) / И. А. Толмашов // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 2. – С. 65–67.
358. Топоров В. Бизнес-план книжной серии «Пламенные революционеры» [Электронный ресурс] / В. Топоров // 812 online. – 24. 09. 2010. – Режим доступа: <http://www.online812.ru/2010/09/24/007/>
359. Тролль Ю. «Кролики и удавы» Фазилия Искандера / Ю. Тролль // Часть речи. – 1981. – № 2 / 3. – С. 313–315.

360. Тынянов Ю. Н. Литературный факт / Ю. Тынянов. – М. : Издательство «Наука». – 319 с.
361. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники / Ю. Тынянов. – М. : «Высшая школа». – 424 с.
362. Тыняновский сборник: Пятые Тыняновские чтения / Отв. ред. М. О. Чудакова. – Рига: Зинатне. – Москва: Импринт, 1994. – 452 с.
363. Туманов В. A tale told by two idiots: Крик идиота в «Школе для дураков» С. Соколова и в «Шуме и ярости» У. Фолкнера / В Туманов // Russian Language Journal . –1994. – № XLVIII. – С. 137–154.
364. Туровская М. Герои «безгеройного времени» / М. Туровская. – М. : Искусство, 1977. – 239 с.
365. Угроватова Т. Ю. Уроки 1–2. «Кролики и удавы» (1973) – сказка Ф. Искандера [Электронный ресурс] / Т. Ю. Угроватова // Русская литература последних десятилетий. – Режим доступа: http://www.prosv.ru/ebooks/Marancman_Rus_liter_11kl/index.html
366. Уланов Э. От Невы до Селенги / Э. Уланов // Слово. В Мире книг. – 1989. – № 12. – С. 49.
367. Урбан А. В настоящем времени / А. Урбан // Звезда. – 1973. – № 7. – С. 214–216.
368. Урбан А. Философичность художественной прозы / А. Урбан // Звезда. – 1978. – № 9. – С. 209–221.
369. Фаустов А. А. К вопросу о концепции автора в работах М. М. Бахтина [Электронный ресурс] / А. А. Фаустов // Филологический портал. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/faustov-86.htm>
370. Федулов А. Н. Неофициальная культура в СССР во второй половине 60-х-80-х годах XX годах : автореф. дис. ... канд. истор. наук : 24.00.01 / Александр Николаевич Федулов. – Волгоград, 2010. – 25 с.
371. Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практика / Б. М. Фирсов. – СПб. : Европейский дом, 2008. – 544 с.

372. Фоменко Л. Рыцари революции / Л. Фоменко // Правда. – 23. 06. 1974. – С. 7.
373. Фомичев С. О литературоведении чистом и нечистом, о заведомых гипотезах и Леве Одоевцеве / С. Фомичев // Звезда. – 1978. – № 4. – С. 202–212.
374. Фридман Дж. Ветру нет указа: Размышления над текстами романов «Пушкинский дом» А. Битова и «Школа для дураков» С. Соколова / Дж. Фридман // Литературное обозрение. – 1989. – № 12. – С. 14–16.
375. Хазагеров Г. Семидесятые. Двойничество? Двоемирие? Бинарность? / Г. Хазагеров // Знамя. – 1998. – № 12 – С. 173–183.
376. Харитонов Д. В. Поиск нравственных доминант советской интеллигенцией в романе В.Аксенова «Ожог» / Д. В. Харитонов // Вестник челябинского государственного университета. – 2003. – № 1. – Т.2. – С. 26–34.
377. Хлебников О. «Гипноз удава – это наш страх» [Электронный ресурс] / О. Хлебников // Новая газета. – 16. 09. 2011.– Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/gulag/48541.html>
378. Хотимский В. Злободневно о былом (Повести о революционерах) / В. Хотимский // Юность. – 1972. – № 11. – С. 64–65.
379. Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое / Ред.-сост. Н. Зоркая. – СПб. : Алетейя, 2001. – 352 с.
380. Чансес Э. Андрей Битов: экология вдохновения / Э. Чансес. – СПб. : Академический проект, 2006. – 320 с.
381. Чансес Э. «Экология» человека / Э. Чансес // Октябрь. – 2007. – № 4. – С. 153–161.
382. Чанцев А. Слово с берега одинокого Козодоя / А. Чанцев // Новый мир. – 2012. – № 2. – С. 155–160.
383. Чернышенко О.В. Романы В.П. Аксенова: жанровое своеобразие, проблема героя и особенности авторской философии : автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.01.01/ Ольга Васильевна Чернышенко. – Ростов-на-Дону, 2007. – 24 с.

384. Читаем Солженицына (дискуссия) // Литературное обозрение. – 1991. – № 2. – С. 64–66.
385. Чудакова М. О. Сквозь звезды к терниям // Литература советского прошлого / М. О. Чудакова. – М. : Языки русской культуры, 2001. – С. 339–365.
386. Чупринин С. Похвала злословию / С. Чупринин // Литературная газета – 28. 10. 1987. – С. 5.
387. Шаврина О. Традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина в сказке Ф. Искандера «Кролики и удавы» [Электронный ресурс] / О. Шаврина // Литература. – 1998. – № 33. – Режим доступа: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=199803301>
388. Шевель Е. А. Философская сказка Ф.Искандера «Кролики и удавы»: феноменология жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Шевель Е. А. – Махачкала, 2012. – 26 с.
389. Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР/ А. В. Шубин. – М. : Вече, 2008. – 384 с.
390. Щеглов Ю. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова. Комментарий / Ю. Щеглов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2013. – 152 с.
391. Эпштейн М. Время познания / М. Эпштейн // Дружба народов. – 1978. – № 8. – С. 276–280.
392. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.
393. Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове [Электронный ресурс] / Л. Яновская // Электронная библиотека. – Режим доступа: http://tpuh.narod.ru/yan_bulg_5_2.htm
394. Яшин Д. А. Удмуртские народные сказки / Д. А. Яшин. – Ижевск: «Удмуртия», 1965. – 178 с.
395. A casebook on “Pushkin House” [Электронный ресурс] // Электронный архив. – Режим доступа: http://www.dalkeyarchive.com/wp-content/uploads/pdf/Bitov_Pushkin_Casebook/Komaromi.pdf

396. Baker, H. D. Bitov reading Proust through the windows of Pushkin house / H. D. Baker // *The Slavic and East European Journal*. – 1997. – Vol. 41. – № 4. – P. 604–626.
397. *Baltic Memory: Processes of Modernisation in Lithuanian, Latvian and Estonian Literature of the Soviet Period* / Edited by Baliutyte E., Mitaite D. – Vilnius UAB: Petro Ofcetas, 2011. – 244 p.
398. Barton, Johnson D. Introduction for Sasha Sokolov's "School for fools" [Электронный ресурс] / D. Barton Johnson // University of California. – Режим доступа: <http://elkost.com/authors/sokolov/media/854-introductionforsashasokolov>
399. Bittner, S.V. *The Many Lives of Khrushchev's Thaw: Experience and Memory in Moscow's Arbat* / S.V. Bittner. – Ithaca: Cornell University Press, 2008. – 235 p.
400. Boguslawski, A. Sokolov's *A School for fools: An Escape from Socialist Realism* / A. Boguslawski // *The Slavic and East European Journal*. 1983. – № 27. – P. 91–97.
401. Hodgkinson, D. *Shkola dlia durakov (School for Fools)* [Электронный ресурс] / D. Hodgkinson // *The Literary encyclopedia*. – Режим доступа: <http://www.litencyc.com/php/sworks.php?rec=true&UID=16756>
402. Karriker, A. H. *Double Vision: Sasha Sokolov's School for Fools* / A. H. Karriker // *World Literature Today*. 1979. – № 53. – P. 610–614.
403. Kravchenko, E. *The Prose of Sasha Sokolov: Reflections on of the Real* / E. Kravchenko. London: Modern Humanities Research Association, 2013. – 158 p.
404. Litus, L. *Sasa Sokolov's Skola dlya durakov: Aesopian language and Intertextual play* / L. Litus // *The Slavic and East European Journal*. 1997. – № 41. – P.114–134.
405. Losef, L. *On the Benificence of Censorship. Aesopian language in Modern Russian Literature* / L. Losef. – Munchen: Verlag Otto Sagner In Kommission, 1984. – 277 p.

406. Mozejko, E. , Briker, B., Dalgard, P. Vasiliy Pavlovich Aksenov: a writer in quest of himself / E. Mozejko, B. Briker, P. Dalgard. – Bloomington: Slavica Publishers, 1986. – 272 p.

407. Seltzer, R. A School for Fools – Sowing the Wind [Электронный ресурс] / R. Seltzer // The Word Guild. – 1977. – Vol. 2. (8). – Режим доступа: <http://www.elkost.com/authors/sokolov/media/872-aschoolforfoolssowingthe>

408. Simmons, C. Andrey Bitov on Russian Wealth [Электронный ресурс] / C. Simmons // Journals. Lib. – Режим доступа: <https://journals.lib.unb.ca/index.php/IFR/article/viewFile/4229/4761>